

Журнал основан в 1918 г.

*К 25-летию создания кафедры мировой
экономики*

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени
В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Научный журнал

Том 11 (77). № 2

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2025

ISSN 2413–1644

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № ФС 77–61827 от 18 мая 2015 года
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Адрес учредителя и издателя: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 5.2.1 – Экономическая теория (экономические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Редколлегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление»:

Никитина М. Г. – д-р экон. наук, д-р геогр. наук, проф., главный редактор;

Воронина Т. В. – д-р экон. наук, проф.;

Герасимов К. Б. – д-р экон. наук, доц.;

Ершова С. А. – д-р экон. наук, проф.;

Кирильчук С. П. – д-р экон. наук, проф.;

Климовец О. В. – д-р экон. наук, проф.;

Климчук С. В. – д-р экон. наук, проф.;

Лукьянович Н. В. – д-р полит. наук, проф.;

Медведкин Т. С. – д-р экон. наук, проф.;

Насырова Г. А. – д-р экон. наук, проф., Республика Казахстан;

Реутов В. Е. – д-р экон. наук, проф.;

Симченко Н. А. – д-р экон. наук, проф.;

Солодовников С. Ю. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;

Стародубцева Е. Б. – д-р экон. наук, проф.;

Шманева Л. В. – д-р экон. наук, доц.;

Шмарловская Г. А. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;

Ячменева В. М. – д-р экон. наук, проф.

Ответственный секретарь – Мираньков Д. Б.

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № __ от «__» июня 2025 г.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4.

Подписано в печать «__» _____ 20__ г. Формат 70х100 1/16.

13,9 усл. п. л. Тираж 25. Заказ № ____.

Цена «Бесплатно».

Дата выхода в свет «__» _____ 20__ г.

Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского».

Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.

<http://sn-ecoman.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2025 г.

УДК 001.89

**КАФЕДРА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ И
УПРАВЛЕНИЯ ФГАОУ ВО «КФУ ИМ. В. И. ВЕРНАДСКОГО»: ЧЕТВЕРТЬ
ВЕКА В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ**

Побирченко В. В., Барсегян А. Г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: viktoriya_crimea@list.ru

Статья посвящена 25-летию кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского». Рассмотрены ключевые направления образовательной, научно-педагогической и публикационной деятельности, подведены итоги работы кафедры за 25 лет.

Ключевые слова: кафедра мировой экономики, КФУ им. В. И. Вернадского

Прошло ровно 25 лет с того момента, как в стенах Университета (ныне – Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского) началась научно-образовательная деятельность, ставшая отправной точкой формирования уникального научного подразделения – кафедры мировой экономики, являющегося признанным центром научной мысли и подготовки специалистов в области внешнеэкономической деятельности и международного бизнеса юга России. Её бессменным руководителем стала Марина Геннадиевна Никитина – доктор экономических наук, доктор географических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Крым, почетный работник образования Российской Федерации.

При создании Института экономики и управления ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (май 2015 г.) коллектив кафедры вобрал в себя два образовательных подразделения: кафедру международной экономики Таврической академии (до 2015 г. Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского) и кафедру международной экономики Высшей школы экономики и бизнеса (до 2015 г. Крымский экономический институт ГВУЗ «КНЭУ им. В. Гетьмана»).

Мариной Геннадиевной Никитиной была не только сохранена научная традиция, но и выведена кафедра на новый уровень – как центр университетской научной школы геоэкономики, официально зарегистрированной в 2015 году. Идея создания научной школы геоэкономики возникла ещё в 1992 году, когда профессор М. Г. Никитина участвовала в научном сопровождении первой в Крыму Северокрымской экспериментальной экономической зоны «Сиваш». В дальнейшем концепция геоэкономики приобрела прикладной характер: на кафедре сформировалась целостная система научных исследований, объединяющая аспекты внешнеэкономической стратегии, пространственного развития и международной конкурентоспособности.

«Геоэкономика в трактовке М. Г. Никитиной, лидера школы, – это не просто направление научного поиска, а прикладной инструмент моделирования

устойчивого пространственного развития в условиях глобальной турбулентности».

В состав научной школы входят все преподаватели и аспиранты кафедры. Научная школа демонстрирует устойчивую динамику роста: расширяется тематика, привлекаются молодые исследователи, выполняются грантовые проекты. Сегодня научная деятельность кафедры сосредоточена на изучении и практическом применении достижений мировой геоэкономической мысли в контексте экономики конкретного региона – Республики Крым.

С момента открытия на кафедре аспирантуры (2002 г.) под руководством, профессора М. Г. Никитиной защищено 6 кандидатских диссертаций, в том числе и в период вхождения Крыма в состав Российской Федерации.

«Научная школа геоэкономики – это живой организм, где каждый новый аспирант становится частью большого научного процесса, наследуя и развивая идеи, сформированные более чем за четверть века, – М. Г. Никитина»

С 2008 года кафедра организует научные мероприятия – форумы, конференции, круглые столы, среди которых две ежегодных всероссийских конференции: «Интеграционные процессы в современном геоэкономическом пространстве» и «Организационно-экономические проблемы регионального развития». За 25 лет проведено более 50 мероприятий, в том числе и международного уровня.

У кафедры мировой экономики налажено сотрудничество с ведущими образовательными и научно-исследовательскими организациями Российской Федерации по таким направлениям, как: совместные научные исследования, реализация сетевых магистерских программ, академическая мобильность. Основными партнёрами являются Финансовый университет при Правительстве РФ, НИПЦ «Генплан Санкт-Петербурга», Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). Тесные научные связи установлены с Южным федеральным университетом, Волгоградским государственным университетом, Восточно-Сибирским государственным университетом технологий и управления, Белгородским государственным университетом.

Кафедра успешно реализует образовательные профессиональные программы бакалавриата по направлению подготовки 38.03.01 Экономика, направленность «Внешнеэкономическая деятельность», магистратуры по направлению подготовки 38.04.01 Экономика, направленность «Бизнес-процессы в мировой экономике» и аспирантуры по научной специальности 5.2.3 Региональная и отраслевая экономика. Подготовка обучающихся ведётся на высоком уровне с активным вовлечением в научную и исследовательскую деятельность, включая участие в конференциях, публикации и практику в органах власти, на предприятиях и в организациях во внешнеэкономической сфере.

Выпускники кафедры получают не только качественное экономическое образование и профессиональные компетенции в области внешнеэкономической деятельности, но и развивают широкий спектр надпрофессиональных навыков, которые включают критическое и креативное мышление, оперативное принятие

решений, умение работать в команде, эффективную коммуникацию, инициативность и способность к непрерывному обучению. Кроме того, значительное внимание кафедра уделяет развитию предпринимательских компетенций обучающихся, что позволяет им формировать индивидуальные бизнес-траектории и успешно применять полученные знания и навыки на практике.

Особое внимание уделяется практической подготовке: производственная практика обучающихся проходит на предприятиях, в органах региональной и муниципальной власти, на базе Торгово-промышленной палаты Республики Крым и Центра поддержки экспорта. Нередко эти учреждения становятся первым местом трудоустройства выпускников.

Научно-педагогическая деятельность сотрудников кафедры получила широкое общественное и профессиональное признание, что подтверждается многочисленными наградами, а также высоким авторитетом в академическом сообществе. За добросовестный труд, высокий профессионализм и значительный личный вклад в подготовку квалифицированных специалистов в системе высшего образования преподаватели кафедры неоднократно отмечались наградами различного уровня: от грамот и благодарностей ректора Университета до поощрений Главы Республики Крым (Горда А. С., 2024 и др.), Председателя Государственного Совета Республики Крым, Совета Министров Республики Крым, руководителей министерств (Министерство образования, науки и молодежи Республики Крым (Мираньков Д. Б., 2017 и др.) и ведомств. Профессор М. Г. Никитина – заслуженный работник образования Республики Крым (2016), почетный работник образования Российской Федерации (2020). Доцент Побирченко В. В. – заслуженный работник образования Республики Крым (2023).

«Формирование новой экономической элиты региона – приоритет кафедры, реализуемый через сочетание академической строгости, исследовательской активности и прикладной практики, – М. Г. Никитина»

Кафедра гордится своим научным заделом. Сотрудниками кафедры опубликованы многочисленные статьи в журналах ВАК и РИНЦ, свыше 20 монографий, в том числе подготовленных коллективом кафедры:

1. Восточное партнерство: геоэкономическая стратегия Украины / Под ред. М. Г. Никитиной. – Симферополь: АРИАЛ, 2014. – 369 с.
2. Геоэкономические стратегии интеграции Крыма в экономику России / А. С. Ванюшкин, М. Г. Никитина, М. М. Кузнецов, А. Г. Барсегян. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2016. – 304 с.
3. Российская Федерация в современном геоэкономическом пространстве: коллективная монография / Под ред. М. Г. Никитиной; КФУ имени В. И. Вернадского. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2017. – 360 с.
4. Территория и общественное развитие: когнитивный анализ в геоэкономическом контексте / М. Г. Никитина, В. В. Побирченко, Е. А. Шутаева, Д. Б. Мираньков. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2018. – 262 с.

5. Модернизация экономики России в глобальном геоэкономическом пространстве / Под ред. М. Г. Никитиной. – Симферополь: Индивидуальный предприниматель Корниенко Андрей Анатольевич, 2018. – 348 с.

6. Геоэкономические сценарии развития и реструктуризации хозяйства России / Под ред. М. Г. Никитиной; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. – Симферополь: Индивидуальный предприниматель Корниенко Андрей Анатольевич, 2020. – 250 с.

7. Торгово-экономические отношения России: двусторонние и макрорегиональные измерения: Монография / Под ред. М. Г. Никитиной. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. – 230 с.

8. Геоэкономика. Понятийно-терминологическая система: академический словарь / Под редакцией профессора М. Г. Никитиной. – Симферополь: Ариал, 2023. – 288 с.

9. Механизмы формирования модели креативного пространственного развития экономики Республики Крым / Отв. ред. Никитина М. Г., Реутов В. Е.; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. – Симферополь: ИП Корниенко, 2023. – 330 с.

10. Кузнецов М. М. Социо-пространственный контекст формирования человеко-ориентированной среды жизнедеятельности: / М. М. Кузнецов, М. Г. Никитина. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2024. – 200 с.

Кафедра является обладателем ряда объектов интеллектуальной собственности, используемых в прикладных проектах по заказу государственных органов Крыма.

Коллективом кафедры накоплен опыт апробации результатов научных достижений в виде полученных сотрудниками кафедры грантов и премий для проведения исследований, в том числе Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), Государственного совета Республики Крым.

За четверть века кафедра мировой экономики прошла путь от локального учебного подразделения до центра компетенций в сфере геоэкономики. Сегодня это пространство научного роста, профессионального становления и интеллектуальной интеграции региона в глобальное экономическое пространство.

«Успешное сочетание науки, образования и прикладных исследований позволяет кафедре с уверенностью смотреть в будущее и продолжать формировать экономическую элиту региона и страны, – М. Г. Никитина»

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

УДК 332.122(1-4): 005.332.4-047.44

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАНЫ

Буценко И. Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: butsenkoirina@mail.ru

Качественным и количественным измерениям конкурентоспособности страны и ее сопоставления с другими странами посвящены многочисленные фундаментальные исследования. В статье представлены результаты изучения, обобщения и систематизации научно-методических разработок и прикладных аспектов, опосредовано или прямо нацеленные на оценку конкурентоспособности страны. Подчеркнута значимость и цель использования отдельных показателей и методических подходов, которые наиболее часто применяются в мировой и отечественной практике. На основе синтеза основных подходов к оценке конкурентоспособности страны выделены их преимущества и недостатки.

Ключевые слова: конкурентоспособность страны, производительность труда, индекс выявленного сравнительного преимущества, индекс экономической сложности, индекс глобальной конкурентоспособности, рейтинг стран мира по уровню глобальной конкурентоспособности, индекс уровня глобализации стран мира, рейтинг мировой цифровой конкурентоспособности, конкурентоспособность страны в сфере технологий и инноваций.

ВВЕДЕНИЕ

Оценка конкурентоспособности страны является одним из наиболее актуальных вопросов, привлекающих внимание исследователей и правительства многих стран мира, целью которой является улучшение качества жизни населения и благосостояния нации. Соответственно, обеспечение конкурентоспособности страны без соответствующей теоретико-методологической базы оценки ее уровня не представляется возможным. Единых подходов и методов для ее оценки не существует, они постоянно дорабатываются с учетом эволюции существующих и новых теоретических исследований. Интерпретация полученных результатов по действующим методикам оценки, в частности международных организаций, в отдельных случаях приводит к нарушению сопоставимости, что снижает объективность данных исследований. Необходимо четко разграничивать и понимать цель проведенной оценки или используемого подхода с его преимуществами и недостатками.

В отечественной и зарубежной научной литературе опубликовано достаточно большое число обзорных исследований, посвященных изучению оценки конкурентоспособности стран. Среди них выделим работы: Т. А. Завьяловой [5], Е. В. Ерохиной [6], Н. С. Козырь [8], И. В. Король [12], Г. У. Магомедбекова, М. А. Магомедова, Л. А. Трубы [14], М. Портера [18; 19], А. М. Саприкиной [20], А. М. Цикина [24; 25] и другие. В мировой практике изучением и оценкой глобальной конкурентоспособности стран мира занимаются институты и организации, среди них отметим: Институт стратегии и конкурентоспособности при Гарвардском университете (США), Международный институт развития менеджмента – МИРМ (IMD), Всемирный экономический форум ВЭФ (WEF). Целью исследования данных организаций и институтов является формирование новых ракурсов рассмотрения

конкурентоспособности стран и регионов мира. Актуальным становится понимание возможностей и недостатков использования подходов к оценке конкурентоспособности страны в мировой и отечественной практике для получения наиболее объективного результата.

Цель работы – аналитический обзор наиболее известных в теории и практике подходов к оценке конкурентоспособности страны в контексте обобщения и систематизации цели их применения, преимуществ и недостатков в получении объективного результата.

Методологической основой исследования выступил системный подход к изучению теоретико-методологических положений по вопросам оценки конкурентоспособности страны. Реализация процесса исследования осуществлялась при помощи диалектического метода познания, синтеза, обобщения, формализации, дедукции и индукции.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Попытки исследования и оценки конкурентоспособности страны и ее конкурентных преимуществ встречаются в зарубежной экономической науке со второй половины XX в. Эволюция подходов включает матричный (1960–е гг.), факторный (1970–80–е гг.), индексный (в 1990–е гг.) и современный подход. Основой современного подхода является использование эмпирических методов при оценке значимости факторов конкурентоспособности и отборе соответствующих показателей. Важно уточнить, что для объективной оценки конкурентоспособности страны необходимо учитывать множество факторов, влияющих на ее уровень.

Ряд ученых исследователей [5; 6; 18; 19; 20], затрагивающих вопросы оценки конкурентоспособности страны, акцентируют внимание на универсальный показатель «производительность труда» как единственную и разумную концепцию, определяющую потенциал конкурентоспособности национальной экономики. Так, в своей работе М. Портер [19] подчеркнул, что производительность труда является основным индикатором конкурентоспособности страны. Но в условиях постиндустриальной модели национальной конкурентоспособности данный индикатор не учитывает ряд факторов: качество человеческой среды, состояние окружающей среды и т. д. Кроме этого, «производительность труда» остается одним из основных показателей, «определяющих товарную конкурентоспособность на мировом рынке, так как именно в процессе производства закладываются материальные основы конкуренции, которые проявляются на рынке через сравнительный уровень цен и прибыльности» [6, С. 158]. При этом показатель «Валовый внутренний продукт» (ВВП), используемый в основе расчета производительности труда, имеет ряд недостатков: не учитывает уровень жизни населения, не характеризует социальные издержки, не отражает изменения в структуре производимой продукции. Полученные результаты могут быть некорректными.

Критикуя данную позицию, Саприкина Н. А. [20] предложила универсальный подход к определению национальной конкурентоспособности, объединяющий показатель производительности, положение страны на мировом рынке, источник национального благосостояния. «При оценке национальной конкурентоспособности

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАНЫ

использовать индикаторы, раскрывающие суть данного подхода, а именно: ВВП (по ППС) как показатель производительности; индекс развития человеческого потенциала как показатель национального благосостояния; экспорт как показатель позиций страны на мировом рынке» [20, С. 167].

Постепенно подходы к оценке конкурентоспособности страны расширяются, вместо одного показателя предлагается система или группа показателей с использованием факторного анализа. Отдельно приведем результаты исследования А. М. Цикина [24; 25]. Автор представил «конкурентоспособность национальной экономики» как «интегральный показатель уровня развития государства и его способности эффективно участвовать в международных отношениях и использовать национальные ресурсы, обеспечивать высокий уровень жизни населения и в целом успешно развиваться» [24, С. 9]. А. М. Цикин выделил модели национальной конкурентоспособности в комплексе с показателями их оценки:

1. Доиндустриальная модель (группа показателей: удельная заработная плата, курс национальной валюты, акцизы и пошлины).
2. Индустриальная модель (группа показателей: производительность труда и капитала, полная факторная производительность).
3. Постиндустриальная модель (методика Всемирного экономического форума и др.).
4. Неоиндустриальная модель (группа показателей, отражающая цифровизацию национальной экономики).

В таблице 1 обобщены известные и часто цитируемые подходы к оценке конкурентоспособности страны. В действительности, количество подходов и рейтингов больше, чем представлено, и каждый из них обращает на себя внимание. Приведем содержание наиболее значимых и широко применяемых подходов и показателей к оценке конкурентоспособности страны в мировой практике и научных исследованиях.

Расчет на основе экспорта является одним из первых подходов к оценке конкурентоспособности страны. «В качестве индикаторов конкурентоспособности использовали показатели интенсивности и структуры экспортных потоков. На основе наблюдения изучался уровень конкуренции на внешних рынках и внутреннем рынке определенной страны. В силу того, что внутренние рынки могут быть защищены от конкуренции со стороны внешних поставщиков товаров и услуг различными мерами торговой протекции, а также объективными «естественными» барьерами (например, расстоянием), предприятия с относительной невысокой международной конкурентоспособностью могут вполне успешно осуществлять свою деятельность на внутренних рынках. Защита от конкуренции на внешних рынках в общем случае отсутствует, а меры торговой протекции и прочие барьеры повышают относительную конкурентоспособность местных производителей» [9]. Согласно эмпирическим исследованиям, выдержать конкуренцию на внешних рынках в данных условиях способны только наиболее производительные (конкурентоспособные) фирмы. Конкурентоспособной может стать страна с более интенсивными экспортными потоками при прочих равных условиях.

Таблица 1

Подходы к оценке конкурентоспособности страны

Показатель / рейтинг (отчет)	Разработчик /год	Цель
<i>Расчетные на основе экспорта</i>		
Индекс выявленного сравнительного преимущества (RCA)	Предложен Б. Баласса (B. Balassa) в 1965 г.	Определить отрасли, в которых страна имеет сравнительные преимущества, что, в свою очередь, позволяет оценить экспортные возможности рассматриваемой отрасли.
Индекс экономической сложности (Economic Complexity Index, ECI)	Рассчитывается Гарвардской лабораторией роста с 1995 г. на основе диверсификации и сложности экспортной корзины каждой страны.	Оценить сложность производственной структуры страны путем объединения информации о разнообразии экспорта страны (количество экспортируемых ею продуктов) и повсеместности ее продуктов (количество стран, экспортирующих этот продукт).
<i>Рейтинги глобальные</i>		
Индекс глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index)	Разработан и публикуется с 1979 г. по инициативе Всемирного экономического форума (World Economic Forum).	Определить уровень конкурентоспособности отдельно взятой страны в глобальной перспективе.
Рейтинг стран мира по уровню глобальной конкурентоспособности (IMD World Competitiveness Ranking)	Публикует Международный институт развития менеджмента (Institute of Management Development) с 1989 г.	Предоставить действенный анализ данных по экономикам, регионам и субрегионам в соответствии с тем, как они оптимизируют свои индивидуальные компетенции для достижения долгосрочного создания стоимости для своего населения.
Индекс уровня глобализации стран мира (KOF Globalization Index)	Разработан исследовательской группой Швейцарского экономического института (KOF Konjunkturforschungsstelle) при участии специалистов Швейцарского федерального технологического института (Eidgenössische Technische Hochschule Zürich) в 2002 г.	Оценить масштаб интеграции той или иной страны в мировое пространство и сравнить разные страны по его компонентам.
Рейтинг мировой цифровой конкурентоспособности (World Digital Competitiveness Ranking)	Составляется Международным центром конкурентоспособности IMD.	Измерение способностей и готовности экономик внедрять и исследовать цифровые технологии для экономических и социальных преобразований.
Глобальный индекс конкурентоспособности талантов (The Global Talent Competitiveness Index, GTCI)	Составляется с 2013 г. совместно французской бизнес-школой INSEAD, сингапурским Институтом человеческого капитала (Human Capital Leadership Institute) и международной швейцарской компанией The Adecco Group.	Оценить ресурсы и усилия, которые страны тратят на развитие талантов и качество человеческого капитала.

Источник: составлено автором [6; 8; 9; 12; 22; 23].

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАНЫ

Среди расчетных подходов к оценке конкурентоспособности страны пристального внимания заслуживают исследования сравнительных преимуществ, которые не являются статичным показателем. В 1965 г. Б. Баласса (B. Balassa) [26] предложил подход оценки конкурентоспособности страны, основанный на сопоставимости фактических показателей внешней торговли с аналогичными показателями других стран. Для расчета Б. Баласса использует показатель «Индекс выявленного сравнительного преимущества» (Revealed Comparative Advantage Index – RCA Index):

$$RCA_i = \frac{X_i^j / \sum X^j}{X_i / \sum X}, \quad (1)$$

где RCA_i – индекс выявленных сравнительных преимуществ; X_i^j – объемы экспорта группы товаров i из страны j ; X^j – общий объем экспорта товаров из страны j ; X_i – общий объем экспорта группы товаров i со всех стран мира; X – общий объем экспорта товаров со всех стран мира.

«Экономист Б. Баласса указал на сложность расчета сравнительных преимуществ для производства товаров для трех и более стран, используя коэффициенты интенсивности рабочей силы, капитала и материалов, также существующие определенные проблемы при измерении неценовых факторов. Значение индекса Баласса подтверждает то, что страна имеет сравнительное преимущество по товару, если ее экспорт товара j относительно мирового экспорта товара j превышает долю страны i в мировом экспорте всех товаров» [26]. Слово «выявленный» означает, что сравнительные преимущества определяются уже после производства данного товара, а не при расчете стоимости его производства на основе глобальной статистики экспорта. Использование индекса Баласса в совокупности с другими показателями потенциальных сравнительных преимуществ позволяет получить практические рекомендации для измерения степени существующей специализации страны в торговле. Востребованным для каждой страны является анализ динамики изменения сравнительных преимуществ, что позволяет выстраивать определенную стратегию развития внешнеэкономических связей страны. Несмотря на то, что на практике сравнительные преимущества являются центральным элементом классических теорий международной торговли, выявление этих преимуществ для реальных стран представляет собой сложную задачу.

В поиске новых расчетных подходов к оценке конкурентоспособности страны стали учитываться не только структуру экспорта страны, но и перспективы ее диверсификации в сторону экономически более сложных товаров. Исследования в этой сфере начались с концепции экономической сложности Рикардо Хаусманна (профессор Гарвардского университета) и Цезаря Идальго (профессор медиаискусств и наук Массачусетского технологического института). «Предложен подход к оценке развития экономики стран через меру, называемую «экономической сложностью» (economic complexity), которая оценивается посредством расчета специального интегрального показателя – индекса экономической сложности (ECI – Economic Complexity Index) и группы связанных показателей (diversity – уровень

диверсификации страны; ubiquity – распространенность продукции, экспортируемой страной; density – плотность; PCI – индекс сложности продукта; COI (opportunity value) – индекс, применяемый в оценке перспектив изменения уровня сложности; COG (opportunity gain) – индекс для анализа прироста сложности при добавлении в экспортную корзину новых более сложных продуктов» [28].

Цель расчета индекса экономической сложности (ЕСИ) заключается в измерении сложности производственной структуры страны путем объединения информации о разнообразии продукции страны (количество экспортируемых ею продуктов или уровень диверсификации экономики) и ареала распространения ее продуктов (количество стран, экспортирующих этот продукт) [16, С. 101]. Важно констатировать, что «индекс экономической сложности учитывает только экспорт и только овеществленных товаров, но не учитывает производство товаров, которые потребляются внутри страны, и услуги. Также индекс экономической сложности не учитывает экономические циклы производства, т. е. если цикл производства товара, который экспортируется, занимает более года, то в одном году экспорт данного товара отразится на индексе, а в другом году нет, но это не означает, что страна не экспортирует данный товар, и сложность ее экономики снизилась. Значение индекса экономической сложности может исказиться из-за изменения объема выборки стран: при добавлении или изъятии данных по экспорту товаров какой-либо страны индекс меняет свое значение по всей совокупности стран, что отображено в методике расчета» [21, С. 60]. Преимуществами выбранных критериев являются: широкая география объектов исследования, долгосрочность наблюдений, открытость доступа к информации, периодичность выпуска отчетов.

Потребность в оценке конкурентоспособности страны и сопоставление с другими странами стала предпосылкой разработки количественных методик – рейтингов. Основой для составления рейтингов глобальной конкурентоспособности послужила «Теория конкурентных преимуществ стран» М. Портера [18; 19]. Со временем использование рейтингов для оценки уровня конкурентоспособности стран мира во многих исследованиях стали незаменимым инструментом для понимания конкурентных преимуществ одних стран по сравнению с другими. При принятии политических решений, затрагивающих, в частности, сферу внешней политики, результаты рейтингов становятся индикаторами для коммуникации. Качественные и количественные данные в основе рейтингов отражают ключевые характеристики страны, агрегируют и объединяют широкие спектры параметров для понимания относительного положения стран в глобальной экономике. Под влиянием изменяющихся концепций конкурентоспособности и стратегических задач национальных правительств рейтинговые подходы к оценке конкурентоспособности страны демонстрируют эволюционное развитие. Методические подходы в рейтингах направлены на оценку объективных и субъективных характеристик конкурентоспособности стран и регионов.

Исторически первым и признанным в международной практике подходом к оценке конкурентоспособности стран мира является подход Всемирного экономического форума (ВЭФ). «Основа методологии ВЭФ – теория четырех стадий развития М. Портера, из которых используется только три: стадия ресурсного

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАНЫ

развития, стадия роста эффективности, стадия инновационного развития. В основе подхода разработчиков Индекса глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index, GCI) лежит определение конкурентоспособности как набора институтов, государственной политики и факторов, влияющих на уровень производительности в стране. Производительность, в свою очередь, предопределяет степень достигаемого национальной экономикой устойчивого процветания» [1, С. 27]. Индекс GCI представляет собой комплекс статических и динамических показателей, оценивающих уровень потенциала страны в контексте логической цепочки: высокий уровень производительности соотносится с высоким уровнем доходов и эффективностью инвестиций; высокий уровень доходов и инвестиций являются решающими факторами потенциала роста экономики. База для расчета индекса GCI формируется в результате опросов руководителей глобальных компаний и общедоступных источников (статистические данные и результаты исследований, регулярно осуществляемых международными организациями). «Общее число показателей распределено по 12 группам, которые составляют базовые факторы (общественные институты, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здравоохранение и базовое образование), факторы, повышающие эффективность (высшее образование, эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, уровень развития финансового рынка, технологическая развитость, размер рынка), инновационные факторы (уровень развития бизнеса и инновации)» [22].

По мнению экспертов ВЭФ, самостоятельно ни один фактор не может обеспечить конкурентоспособность страны. «Эффект от увеличения расходов на образование может быть снижен по причине низкой эффективности рынка рабочей силы, прочих недостатков институциональной структуры страны. Предприниматели внедряют новые технологии лишь при их рентабельности и т. д. Максимальное число факторов и взаимосвязь между ними с всеобъемлющей политикой являются основой конкурентного лидерства. Акцент в методологии ВЭФ сделан на значимость качественных показателей в рейтинге» [11, С. 116].

Среди сильных сторон методологии ВЭФ выделяют: «широкий спектр стран для анализа; использование большого количества показателей; изменения методологии согласно тем вызовам, которые появляются перед национальными экономиками; предоставление основательной экспертной оценки инвесторам по поводу условий ведения бизнеса в той или иной стране; определение слабых и сильных мест стран; формирование общих рекомендаций для правительств для повышения уровня конкурентоспособности. Слабыми сторонами: постоянные изменения методологии, в частности изменение структуры расчета сводного индекса, а также неоднократное создание новых индексов на базе новых показателей» [12, С. 98].

На практике становится очевидным противоречивость полученных результатов оценки конкурентоспособности стран мира на основе методологии ВЭФ. В приоритете данного рейтинга институциональные факторы, которые занижают позиции стран с развивающейся экономикой на фоне позиций стран с развитой экономикой с устоявшимися институтами.

Вторым широко растиражированным в исследованиях оценки конкурентоспособности стран мира является рейтинг – World Competitiveness Yearbook, публикуемый Международным институтом развития менеджмента (МФРМ) с 1989 г. В Ежегоднике всемирной конкурентоспособности IMD (IMD World Competitiveness Yearbook) используется подход, который включает в себя анализ как непосредственно результатов, так и драйверов (стимулов) экономического роста. Эксперты МФРМ используют 4 группы факторов: макроэкономическая динамика, эффективность правительства, эффективность бизнеса, уровень развития инфраструктуры. Сильными сторонами методологии исследования являются полученные результаты как основа для отдельных стран мира для формирования государственной политики и определения дальнейших действий по повышению конкурентоспособности. Кроме этого, «рейтинг в большей степени объективный, поскольку 2/3 всех данных составляет статистика международных организаций (ООН, ВТО, МОТ, ОЭСР, МВФ, ВБ и других) и национальная статистика стран исследования. Слабые стороны методологии: небольшая широта охвата рейтинга; определенный субъективизм за счет трети данных опросов руководителей компаний; набор статистических критериев в большей степени «играет на руку» странам с большими объемами ВВП и численностью населения» [12, С. 99].

В методиках ВЭФ и IMD обращает на себя внимание масштабность названий рейтингов и база исследования. Среди концептуальных различий между ними выделяют:

- 1) фундаментальный подход к определению национальной конкурентоспособности: «ВЭФ при формировании глобального индекса конкурентоспособности под национальной конкурентоспособностью понимает способность страны обеспечить стабильный, высокий уровень роста ВВП на душу населения, а индекс международной конкурентоспособности (IMD) – способность страны создавать добавленную стоимость и тем самым повышать уровень национального богатства посредством управления активами и другими процессами» [22; 23];
- 2) временной горизонт для измерения уровня национальной конкурентоспособности;
- 3) конкретный перечень показателей;
- 4) системы индикаторов ВЭФ и IMD показывают смещение в разные стороны.

Главное отличие рейтингов в том, что они агрегируют в себе крайне широкие спектры параметров, а не строятся на одном или нескольких показателях [14, С. 12].

Использование в последние годы методик формирования Ежегодного рейтинга мировой конкурентоспособности и Глобального индекса конкурентоспособности в качестве незаменимого инструмента для сравнительной оценки конкурентоспособности стран мира многими экспертами подвергаются критике. Основной аргумент, направленный против применения данных рейтингов, заключается в том, что объем показателей, включаемых в расчет индексов, настолько велик, что сопоставления стран между собой теряют экономический смысл. В большинстве случаев результаты исследований становятся политизированными. Можно согласиться с мнением Л. А. Платоновой, что «предлагаемые методики

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАНЫ

расчета коэффициента конкурентоспособности связаны с перемножением или сложением произведений весовых коэффициентов и показателей факторов. Данное решение нельзя назвать удачным (правильным), так как размерность используемых показателей разная» [17, С. 47].

В ходе расчетов вышеуказанных индексов сравниваются между собой экономики различных стран с так называемой идеальной моделью экономики (модель экономики развитых стран Запада, построенной на рыночных принципах). И, как следствие, эксперты рекомендуют развивающимся странам не обращать внимания на результаты рейтингов и следовать своим моделям развития, а не копировать модели развития западных экономик.

За последние два десятилетия подходы, используемые для оценки конкурентоспособности стран уточняются и дополняются. В постиндустриальном обществе важнейшее значение в укреплении конкурентоспособности страны приобретают научно-технологическое развитие, технологии и инновации. В таблице 2. приведены ключевые подходы к оценке конкурентоспособности страны в сфере технологий и инноваций.

Таблица 2

Ключевые международные индексы (рейтинги), характеризующие конкурентоспособность страны в сфере технологий и инноваций

Показатель / рейтинг (отчет)	Разработчик /год	Цель
Инновационный индекс Блумберга (Bloomberg Innovation Index)	Выпускается компаниями Bloomberg L.P. ежегодный рейтинг стран с 2013 г.	Оценка инновационной активности стран
Глобальный инновационный индекс (Global Innovation Index, GII)	Выпускается с 2007 г. совместно Корнеллским университетом, французской бизнес-школой INSEAD и Всемирной организацией интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization, WIPO).	Детальная характеристика инновационного развития стран мира (около 130), находящихся на разных уровнях экономического развития, и выявление самых инновационных экономик в мире, одновременно подчеркивая сильные и слабые стороны инноваций.
Индекс сетевой готовности (Networked Readiness Index, NRI)	Выпускается с 2022 г. Всемирным экономическим форумом в рамках специальной ежегодной серии докладов о развитии информационного общества в странах мира.	Оценить уровень развития информационно-коммуникационных технологий и сетевой экономики в странах мира.

Источник: составлено автором [3; 6; ;10;15].

Приведенные индексы (рейтинги) формируются из разных и нередко мало связанных между собой показателей (политические и институциональные системы, свобода бизнеса, человеческий капитал, публикационная активность, патенты, расходы на НИОКР и пр.) и часто не учитывают сложность измеряемого феномена. Например, Рейтинг Bloomberg оставляет много вопросов относительно того, что понимать под термином «инновации». В качестве недостатка выделим ограниченный доступ к описанию методологии и используемых в расчетах данных по

Инновационному индексу Bloomberg, что не позволяет более детально проанализировать его структуру и снижает доверие к результатам исследования.

Точнее отражает положение дел с инновациями «Глобальный инновационный индекс» (Global Innovation Index – GII). Выявленные характеристики GII делают его самым известным глобальным исследованием и надежным инструментом для сопоставительного анализа потенциала и результативности инновационной деятельности различных стран мира.

Использование рейтингов для сопоставления уровней развития национальных экономик мира как инструмента оценки их конкурентоспособности пользуется спросом, а сопоставление результатов в совокупности с традиционными и авторскими подходами позволяет обеспечить всестороннюю картину конкурентоспособности национальных экономик в геоэкономическом пространстве.

ВЫВОДЫ

Несмотря на значительное количество работ, посвященных оценке конкурентоспособности страны, данный вопрос остается предметом широких научно-практических дискуссий. Сравнительный анализ подходов к оценке конкурентоспособности страны не позволил выделить догматические составляющие. Универсальной методики или показателя (индекса) для оценки конкурентоспособности нет, используется широкий спектр математических и статистических методов. Отдельные авторские методики основаны на индексе глобальной конкурентоспособности (GCI) Всемирного экономического форума и/или индексе всемирной конкурентоспособности (WCY) Института менеджмента (IMD). Основные различия в методиках между данными рейтингами: набор показателей и их количество; количество стран, включаемых в исследования. Но даже признанные рейтинговые оценки конкурентоспособности стран мира подвергают критике. Среди основных причин критики – расчет коэффициента конкурентоспособности, связанный с перемножением или сложением произведений весовых коэффициентов и показателей факторов, при этом размерность используемых показателей разная. В сущности, показатели характеризуют разные стороны экономических и политических процессов страны, относятся к разнородным сферам деятельности. Перемножение таких показателей вызывает трудность экономической интерпретации результатов количественных исследований. В большинстве случаев результаты исследований становятся политизированными.

Рассмотренные подходы имеют неоспоримую теоретическую и практическую ценность и несмотря на критику полученных результатов активно используются для сопоставления национальных экономик мира. Продолжаются исследования и формируются новые альтернативные подходы к оценке конкурентоспособности стран с учетом эволюции и трансформации глобальной экономической среды.

Список литературы

1. Ахунов Р. Р., Янгиров А. В. Оценка конкурентоспособности экономики: от национального уровня к региональным особенностям // Финансы Башкортостана. 2015. № 2 (064). С. 26–31.

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАНЫ

2. Васенкова Е. И., Казак А. А. Эконометрический подход к оценке национальной конкурентоспособности // Журнал Белорусского государственного университета. Экономика. 2018. № 2. С. 4–12.
3. Власова В. В. Международные рейтинги как инструмент оценки инновационного климата страны: позиции России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 155–180.
4. Волошенко К. Ю., Дрок Т. Е. Экономическая сложность: теоретические основы и практические особенности применения подхода // Балтийский экономический журнал. 2019. № 3 (27). С. 36–46.
5. Завьялова Т. А. Теоретические аспекты оценки потенциала конкурентоспособности национальной экономики // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 19 (184). С. 29–31.
6. Ерохина Е. В. Методологические и методические подходы к исследованию уровня конкурентоспособности и инновационности стран и регионов // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2017. № 2–3. С. 155–172.
7. Набережная Е. П. Методологические особенности оценки и прогнозирования сравнительных преимуществ в условиях внешнеэкономической либерализации // Журнал экономической теории. 2014. № 3. С. 199–203.
8. Козырь Н. С. Подходы к определению глобальной конкурентоспособности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11. № 26 (311). С. 39–52.
9. Конкурентоспособность национальной экономики Республики Беларусь в условиях современных процессов региональной экономической интеграции и интернационализации / А. В. Данильченко [и др.]; под ред. А. В. Данильченко. Минск: БГУ, 2016. 283 с.
10. Конкурентоспособность России в глобальной экономике / А. А. Дынкин, В. Б. Куренков, Ю. Л. Адно [и др.]; Российская академия наук, Институт мировой экономики и международных отношений. Москва: Издательство «Международные отношения», 2003. 374 с.
11. Кондратов Н. А. Сравнительный анализ положения России и стран Северной Европы в рейтинге глобальной конкурентоспособности в начале XXI века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5. С. 114–121.
12. Король И. В. Сравнительный анализ методологических подходов к оценке конкурентоспособности национальной экономики // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2012. № 4 (11). С. 98–100.
13. Корытова В. С. Способы анализа конкурентоспособности экспорта // Торговая политика. 2015. № 2 (2). С. 163–174.
14. Магомедбеков Г. У., Магомедова М. А., Труба Л. А. Анализ методов оценки международной конкурентоспособности национальной экономики // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 6. № 12. С. 10–16.
15. Мартынова Е. А., Малахов В. А. Позиция России в международных рейтингах по показателям, характеризующим развитие науки, технологий и инноваций // Наука. Инновации. Образование. 2017. Т. 12, № 3. С. 5–34.
16. Моисеев А. К., Бондаренко П. А. Применение индекса экономической сложности в макрофинансовых моделях // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3 (180). С. 101–112.
17. Платонова Л. А. Конкурентоспособность и самоорганизация на международных рынках. Минск: Институт экономики НАН Беларуси, 2010. 341 с.
18. Портер М. Конкуренция: Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. 608 с.
19. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. Москва: Альпина Пабли., 2016. 947 с.
20. Саприкина Н. А. Национальная конкурентоспособность: сущность и методические подходы к оценке (на примере Китая, Индии и России) // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2024. Т. 10. № 2. С. 160–174.
21. Синицына К. И. Анализ приоритетов развития экономики на основе диверсификации и конкурентоспособности // Вестник Института экономических исследований. 2020. № 3 (19). С. 55–70.
22. Центр гуманитарных технологий. Индекс глобальной конкурентоспособности. Гуманитарная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index>

23. Центр гуманитарных технологий. Рейтинг стран мира по уровню глобальной конкурентоспособности по версии IMD. Гуманитарная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/imd-world-competitiveness-ranking>
24. Цикин А. М. Парадигма формирования моделей национальной конкурентоспособности // Экономика. Бизнес. Банки. 2019. № 1 (28). С. 8–17.
25. Цикин А. М. Анализ методологических подходов к оценке конкурентоспособности на различных уровнях // Экономика. Бизнес. Банки. 2018. № 1 (22). С. 127–137.
26. Balassa B. Trade Liberalisation and Revealed Comparative Advantage // The Manchester School of Economic and Social Studies. 1965. № 33. P. 99–123.
27. Hidalgo C. A., Hausmann R. The building blocks of economic complexity // PNAS. 2009. №.106 (26). P. 10570–10575.
28. Mariani M. S., Vidmer A., Medo M., Zhang C. Measuring economic complexity of countries and products: which metric to use? // The European Physical Journal. 2015. №. 88 (293). P. 2–9.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

УДК 332.146.2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРОГРАММИРОВАНИЯ ТОЧЕК РОСТА РЕГИОНА

Ванюшкин А. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: vanyushkin2@yandex.ru

В рамках статьи разработаны концептуальные основы применения программно-целевого подхода, т. н. программирования, к формированию «точек роста» экономики региона: предложены основные содержательные элементы, разработан обобщенный алгоритм.

Ключевые слова: точки роста, регион, программирование, содержательные элементы, приоритеты, алгоритм.

ВВЕДЕНИЕ

Концепция «точек роста» существует достаточно длительное время: в России научные статьи на эту тему публикуются с 2000-х гг., а в Западной Европе она зародилась гораздо раньше – с 1950-х гг. XX в. – в трудах Ф. Перру, Ж. Будвиля, Х. Ласуэна (теория «полюсов роста») [1–3]. Востребованность концепции «точек роста» обусловлена тем, что это одна из ключевых парадигм регионального пространственного развития наряду с теорией кластеров (которые тоже рассматриваются как «точки роста»).

Несмотря на длительное развитие дискурса «точек роста» региона, основная терминология и методология в данной сфере до конца четко не сформирована. Так, даже сам базовый термин – «точки роста» – имеет разные определения в различных источниках и допускает множественные толкования. Уже у вышеупомянутых классиков (Ф. Перру, Ж. Будвиля) можно встретить в определениях «полюса роста» отсылки как к уровню отдельных предприятий, их комплексов, так и к отраслям (ведущим, «пропульсивным», местного значения и т. д.), а также территориям (населенным пунктам и агломерациям). Далее эта неопределенность терминологии распространилась и на труды последователей, развивавших концепцию «полюсов» и «точек» роста. Так, Лашева Т. О. указывает, что «точкой роста» может быть «предприятие, отрасль экономики, конкретный вид деятельности или проект» [4]. Лексин В. Н., Молчан А. С., Кузнецова О. В. рассматривают «точки роста» на уровне территорий городов как центров экономической активности [5–7]. Раевский С. В. и Исаченко Ю. И. также дают размытое определение «точек роста»: как территории, отрасли, предприятия [8]. Лактаева Н. Е. ассоциирует «точки роста» с: «регионом, агломерацией, муниципальным образованием, ОЭЗ, ТОСЭР, отраслью, кластером, группой предприятий, НОЦ, программой развития, масштабным проектом, предприятием, институтом развития» [9, с. 42]. Там же указано, что сущностная привязка «точек роста» во многом определяет методологию их выявления. Логинов А. Н. и Гойхер О. Л. дают отсылку на нормативно-правовые документы ЦФО РФ, в которых раскрыты термины «полнос роста» и «точка роста». В этих документах «точки роста» рассматриваются как «отдельное производство, предприятие, проект или программа, вид деятельности, отрасль экономики, населенный пункт, город, регион» [10, с. 108].

Важный элемент методологии формирования «точек роста» региона – это перечень критериев их отбора. Во-первых, «точки роста» могут быть в наличии в регионе в неявном виде, и тогда их необходимо выделить среди уже имеющихся предприятий, их групп, кластеров, городов, агломераций, отраслей и т. п. Однако качество существующих экономических единиц может быть недостаточным для устойчивого развития региона. В этом случае рассматривают потенциальные «точки роста», которые на момент их выявления физически отсутствуют и могут быть только в виде отдельных проектов или программ. Полянин А. В. и Проняева Л. И. провели обзор критериев отбора «точек роста», отнеся к ним как качественные показатели, так и количественные. К качественным критериям относятся: «соответствие целям и задачам развития региона», «устойчивость тенденций развития в будущем», «уровень конкурентоспособности продукции», «устойчивость и диверсификация производства», «возможность взаимодействия с другими производствами, проектами для получения синергетического эффекта», «потенциал и возможности коммерциализации научных разработок», «интеграция производства, науки и образования» [11, с. 29]. К количественным критериям относятся: «рентабельность продаж и инвестиций», «уровень прибыли», «динамика развития», «доля в объеме ВРП и производства региона», «бюджетная эффективность», «доля убыточных предприятий в отрасли», «содействие росту сопутствующих отраслей», «степень использования ресурсов региона», «содействие занятости населения и росту уровня жизни» [11, с. 29]. Ранее нами также был проведен самостоятельный обзор подходов к отбору «точек роста». По его результатам нами были синтезированы такие критерии: «способность обеспечить в регионе пороговый прирост ВРП на уровне регионов – лидеров», «способность обеспечить приостановку тенденции падения сальдо ввоза–вывоза продукции/торгового баланса региона», «способность обеспечить замещение ввоза / импорта продукции в рамках отрасли» [12, с. 159]. Если рассматривать регион как «точку роста», то тогда рамки анализа раздвигаются шире, включая в себя отраслевой, институциональный и социальный анализ, отдельные показатели которых были приведены в другом нашем раннем исследовании [13, с. 42].

Центральный момент методологии формирования «точек роста» региона – это последовательность, алгоритм действий, позволяющие обосновать приоритеты, которые важны как на уровне региональных и отраслевых госпрограмм, так и для предприятий и их групп, разрабатывающих стратегии, проекты и программы развития. Один из алгоритмов формирования «точек роста» приведен в упомянутой работе Полянина А. В. и Проняевой Л. И. [11, с. 31]. На наш взгляд, данный алгоритм имеет ряд серьезных недостатков. Во-первых, «поиск и отбор новых точек роста» показан как отдельный элемент, без детализации на ряд составляющих, что, учитывая специфику предметной области, крайне необходимо. Во-вторых, один из элементов данного алгоритма – «формирование рационального комплекса точек роста» – также не раскрыт, и составители не привели критерии рациональности. В-третьих, составители алгоритма в качестве критериев отбора «точек роста» указали только их соответствие «целевым ориентирам развития региона» и «стандартам качества жизни», а также размер «необходимых финансовых затрат» [11, с. 31]. Указанные критерии отбора являются необходимыми, но недостаточными. Составители алгоритма проигнорировали большую

часть из ими же приведенных критериев отбора «точек роста» (по рентабельности, конкурентоспособности, диверсификации, взаимосвязям с другими отраслями и т. д.). Это указывает на слабую проработку деталей алгоритма его составителями. Вместе с тем, нами ранее был разработан алгоритм «оценки перспективности точек роста региона». В нем содержатся такие элементы: «объемы рынков сбыта», «теснота межотраслевых связей», «сравнение с аналогами – конкурентами», «возможности диверсификации ассортимента товаров/услуг», «финансовая и экономическая эффективность инвестиционных проектов», «устойчивость долгосрочного роста» [13, с. 46]. На текущий момент мы полагаем, что этот алгоритм также несовершенен в силу своей неполноты по критериям отбора.

Здесь дело не только в критериях отбора. На наш взгляд, в рамках алгоритма формирования «точек роста» необходимо учесть два принципиальных момента: возможности их кластеризации (как между собой, так и с другими отраслями экономики региона), а также последовательность реализации во времени в случае превышения их совокупностью имеющихся финансовых ограничений.

Таким образом, наблюдается недостаток системности подходов к формированию «точек роста» регионов РФ. На наш взгляд, приданию большей системности в данной сфере может способствовать применение известного программно-целевого подхода (одна из его версий названа в [14, с. 121–134] «национальным программированием»).

Целью исследования является разработка основ применения программно-целевого подхода (программирования) к формированию «точек роста» в регионах РФ.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Согласно Кузьку Б. Н., Кушлину В. И., Яковцу Ю. Н., метод «национального программирования» применяется там, где «процессы рыночного саморегулирования не способны решать вновь возникшие проблемы, где выявляются опасные тенденции, которые без прямого вмешательства государства преодолеть ... нельзя» [14, с. 121]. Таким образом, данный метод позволяет за счет прямого участия государства изменить траекторию развития социально-экономических процессов в стране на более благоприятную. Одним из примеров применения метода «национального программирования» в России являются хорошо известные национальные проекты. Здесь мы не будем обсуждать эффективность реализации нацпроектов, т. к. это выходит за рамки нашего исследования.

Сначала сформируем содержательный охват программирования «точек роста». Во-первых, анализ достаточности перечня отраслей, имеющихся в регионе, и возможные направления диверсификации структуры местной экономики. В этих целях необходимо проанализировать ограничения, накладываемые внешней средой региона на «точки роста». Перечень таких ограничений приведен в одном из наших предыдущих исследований по данной теме: емкость рынка, эффект масштаба, доступ к ресурсам (количество и цены на них), инвестиционные, инфраструктурные, институциональные, технологические, кадровые [15, с. 18]. Далее необходимо дать хотя бы приблизительную оценку емкости рынков сбыта соответствующей продукции/услуг в рамках этих отраслей, а также ее динамики.

Если речь идет об анализе потенциальных, новых «точек роста», которые на момент выявления физически отсутствуют и могут быть представлены в виде проектов и программ, то целесообразно формировать стратегию их масштабирования. В другом нашем предыдущем исследовании по данной теме нами прорабатывался вопрос выбора конкурентной стратегии в рамках развития «точек роста» региона с применением элементов матриц М. Портера, А. Юданова и И. Ансоффа [16]. В частности, было обосновано, что применение этих инструментов может повысить успешность развития «точек роста» региона. Полагаем целесообразным добавить в «копилку» инструментов формирования «точек роста» региона также другие стратегические матрицы от всемирно известных консалтинговых компаний: BCG, General Electric (GE) / McKinsey. На основе использования перечисленных матричных инструментов целесообразно осуществлять предварительный стратегический выбор генеральной направленности развития совокупности потенциальных (и, возможно, существующих) «точек роста» региона. Разумеется, после анализа вышеупомянутых ограничений на развитие «точек роста», в т. ч. по емкости рынка, эффекту масштаба, объему инвестиций, ресурсов. Так, например, использование матриц стратегий конкурентоспособности М. Портера и А. Юданова позволяет сделать фундаментальный выбор между «виолентным» развитием, ориентированным на возможности «лидерства по издержкам», и «пациентным» развитием, подразумевающим широкую дифференциацию ассортимента продукции/услуг и перенос акцента с цены на качество продукции (что дает возможность устанавливать более высокие цены). Третьим вариантом здесь может стать фокусирование «точки роста» на определенной нише, слабо освоенной конкурентами, в т. ч. ввиду ее малых масштабов. Матрица И. Ансоффа позволяет в т. ч. сделать стратегический выбор между ориентацией на разработку и вывод новой продукции на существующие рынки и выходом с уже производимой продукцией на новые рынки сбыта (расширение географического охвата). Для потенциальных «точек роста» проработка этого вектора стратегии также актуальна. Одной из полезных для развития «точек роста» опций использования стратегической матрицы BCG является анализ возможностей финансирования стратегических бизнес-единиц, относимых к категории «звезды» (значимые как доля рынка, так и динамика роста его емкости), за счет перенаправления потока доходов, генерируемых другими субъектами хозяйствования из категории «дойные коровы» (значимая доля рынка, но слабая динамика роста его емкости). Полагаем целесообразным раскрыть возможности применения подобной меры в отношении формирования «точек роста» региона. На текущий момент большинство отраслей экономики как в секторе материального производства, так и в сфере услуг, довольно существенно (часто критически) зависят от снабжения электроэнергией и топливом по приемлемым ценам. Это касается широкой гаммы отраслей: сельское хозяйство, металлургия, химическая, пищевая, легкая промышленности, сфера гостеприимства и размещения, а также рекреации (отели, санаторно-курортный комплекс). Металлургию и крупнотоннажную химию мы здесь выводим за скобки, т. к. существующая конъюнктура рынка позволяет субъектам бизнеса из этих отраслей вполне безбедно и комфортно развиваться без помощи государства. Более того, эти отрасли в определенной мере сами могут служить «дойными коровами». В то же время снижение цен на услуги ЖКХ, в т. ч. за электроэнергию, позволит сделать более

конкурентоспособными цены на отдых в организациях санаторно-курортного комплекса РФ (в первую очередь, в Крыму и Краснодарском крае). Снижение цен на топливо и ГСМ и удобрения для аграриев во время сева может ощутимо снизить их издержки и потребность в субсидиях, переложив соответствующие расходы на плечи нефтяных компаний. С учетом того, что значительная часть компаний топливно-энергетического и химического комплексов в РФ относится к частной собственности, государству следует создать специализированный фонд развития «точек роста» в каждом регионе. В нем целесообразно аккумулировать либо средства от вводимого дополнительного местного/федерального налога на крупные компании топливно-энергетического сектора, либо заказы от соответствующих критериям отбора «точек роста» субъектов бизнеса на льготные поставки топлива/электроэнергии.

Если в качестве потенциальной «точки роста» рассматривается высокотехнологичное и наукоемкое производство, то сначала следует проанализировать институциональные, инфраструктурные и кадровые ограничения в регионе. Так, все без исключения высокотехнологичные и наукоемкие производства критически зависят от показателей инновационной активности: затрат на НИОКР и числа патентов на изобретения, доли инновационной продукции в общем объеме. В свою очередь, положительной динамики этих показателей невозможно добиться при условии отсутствия, малого числа или неудовлетворительного состояния профильных НИИ, КБ, технических ВУЗов с НОЦ, а также связанных с ними научных школ. Для развития стартапов как инновационных «точек роста» в рамках подобных отраслей востребованы такие специализированные организации, как технопарки и бизнес-инкубаторы. Вышеизложенное касается таких отраслей, как машиностроение, приборостроение, электроника и IT, фармацевтика и биотехнологии, выпуск медицинского оборудования, материаловедение (включая нанотехнологии) и т. п. Вышеупомянутый перечень условий объясняет, почему далеко не в каждом российском регионе возможно развитие высокотехнологичных и наукоемких отраслей. Поэтому ставка на их развитие во многих случаях может остаться на уровне благих намерений. Вместе с тем, даже в тех регионах РФ, где частично имеются вышеизложенные предпосылки, все равно следует тщательно анализировать их достаточность для развития «точек роста». Не лишним будет просчитать потребность в кадрах, специализированной инфраструктуре, затратах на НИОКР, оценить перспективы их коммерциализации, после чего разработать и принять на уровне региона долгосрочную программу развития местных ВУЗов, НОЦ, НИИ, КБ, технопарков и бизнес-инкубаторов, стартапов в них с привлечением венчурных фондов. Подобная программа может стать важным дополнением общей стратегии социально-экономического развития региона. И только после принятия такой программы (дополнения) можно планировать развитие «точек роста» в высокотехнологичных наукоемких отраслях.

В уже упомянутом нашем предыдущем исследовании мы указывали, что инновационные подходы к минимизации ряда узловых ограничений развития «точек роста» региона могут стать самостоятельными «точками роста». К ним относятся инновации, «направленные на снижение дефицита и экономию таких ключевых ресурсов, как вода, электроэнергия, газ, нефть, металл, а также увеличение производительности по молоку, мясу, зерну» [15, с. 21]. Подобные «точки роста»

являются приоритетными и их необходимо реализовывать в первую очередь, отодвигая остальные по времени в случае превышения общей стоимостью ограничения по доступным объемам финансирования.

Что касается сферы услуг, то драйверами и «точками роста» в регионах могут стать креативные индустрии. Однако здесь важно понимать, что далеко не всякая отрасль из этой сферы способна стать «точкой роста», а тем более драйвером. Здесь крайне важен потенциальный мультипликативный эффект. С этой точки зрения, драйверами развития региона могут стать сферы НИОКР, инжиниринга, дизайна (в т. ч. архитектуры и моды). Но перечисленные отрасли, как и высокотехнологичное наукоемкое производство, зависимы от наличия высококвалифицированных (креативных) кадров. При их недостаточном количестве или отсутствии следует разрабатывать и принимать отдельную (также дополнительную) программу привлечения креативных кадров в регион. В свою очередь, ее следует увязать с мерами по улучшению привлекательности региона, поскольку мировой опыт показывает, что креативные специалисты на это ориентируются в первую очередь.

Несмотря на то, что в ранее рассмотренных определениях «точки роста» присутствуют отдельные предприятия, далеко не всякое предприятие способно ею стать. Очевидно, что крупный бизнес будет играть куда более заметную роль в ВРП, чем субъекты МСП. Инновационный малый бизнес при успешном прохождении всех стадий стартапа способен масштабироваться и превратиться в реальную «точку роста». Но по мировой статистике таких случаев меньшинство. Обычный малый бизнес на уровне ИП, микропредприятия или самозанятого может таковым оставаться довольно долго, без масштабирования, что в России довольно распространенное явление. В то же время, в развитых странах субъекты МСП дают 50 % ВВП и более. Задействовать субъекты МСП в рамках развития «точек роста» региона возможно в условиях формирования кластеров поставщиков вокруг крупных предприятий. По такому принципу в мире функционирует целый ряд отраслей экономики, прежде всего, автомобильная, авиационная и судостроительная отрасли. В их состав входят как крупные сборочные роботизированные заводы, так и разветвленные сети поставщиков компонентов – субъектов МСП. Мировой практикой доказано, что кластер – самый рациональный способ организации деятельности в данных отраслях. Во-первых, он в наибольшей степени соответствует фундаментальному принципу разделения труда, а во-вторых, позволяет поддерживать высокий уровень качества конечной продукции за счет создания конкуренции между большим количеством поставщиков компонентов. Кстати, по похожему принципу работают и крупные розничные сети, т. н. ритейлеры. Согласно М. Портеру и его последователям, кластер будет полноценно функционировать при условии получения значимых синергетических эффектов. Практика показывает, что их можно добиться за счет объединения закупок и получения скидок с цены за большой объем, и/или путем объединения маркетинговых и сбытовых затрат либо при условии снижения цен на промежуточные товары в рамках единой цепочки добавленной стоимости. При изучении перспектив кластеризации «точек роста» региона следует анализировать возможности получения синергетических эффектов вышеуказанными способами.

Конкретный вид деятельности, предприятие могут стать «точкой роста» либо за счет существенного масштабирования его размеров, либо за счет достижения значимых мультипликативных эффектов в других связанных отраслях. В рамках модели индустриального развития значимый мультипликативный эффект давало станкостроение и приборостроение ввиду востребованности станков и приборов во всех сферах производства. В рамках модели постиндустриального развития такую роль могут играть вышеупомянутые сегменты креативных индустрий (НИОКР, инжиниринг, дизайн) при условии достаточности креативных профессионалов в регионе. Однако сами по себе мультипликативные эффекты в этих индустриях не образуются: необходима программа стимулирования спроса на их услуги. Инструменты стимулирования лежат в плоскости фискальных и финансовых мер (льготы по налогообложению и ставкам кредитов в случае закупок у фирм соответствующего профиля). На эти целевые льготы также нужно предусматривать отдельный бюджет, закладывая при оценке его бюджетной эффективности прогнозные мультипликативные эффекты.

Прямое участие государства в программно-целевых механизмах развития экономики вовсе не означает по умолчанию, что оно должно нести все необходимые расходы. В случае «точек роста» существенную часть инвестиций должен вносить частный сектор. Развитие в данном случае может идти в рамках механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП): государство развивает инфраструктуру, создает организационные условия (прозрачные «правила игры» – административные регламенты, фискальные и финансовые льготы, льготные цены естественных монополий), а бизнес вкладывает инвестиции в развитие непосредственно самих предприятий как «точек роста». В ключевые административные регламенты как «правила игры» при инвестировании бизнесом в создание «точек роста» входит тщательная проработка эталонных контрактов ГЧП в данной сфере.

После установления стратегических рамок направлений развития и регламентов ГЧП, возможно приступить к отбору потенциальных «точек роста», предлагаемых бизнесом. В уже упомянутом нашем предыдущем исследовании, посвященном проблеме идентификации потенциальных «точек роста», мы указывали, что «поддержка государства ... должна даваться тем проектам, которые могут дать ярко выраженный экономический эффект при наличии хотя бы минимально приемлемого финансового эффекта» [12, с. 154]. Здесь речь идет о том, что, в отличие от собственников бизнеса, для региона экономические эффекты «точки роста» первичны, финансовые – вторичны. К экономическим эффектам относятся указанные в том же исследовании показатели: «прирост ВРП», влияние на «сальдо ввоза–вывоза продукции/торгового баланса региона» и «замещение ввоза/импорта продукции в рамках отрасли» [12, с. 159]. С этих позиций предлагаемые бизнесом проекты «точек роста» следует ранжировать в порядке убывания по вышеперечисленным экономическим эффектам, соблюдая установленное ограничение по минимальным финансовым эффектам (например, рентабельность инвестиций на уровне не ниже 1,5–2,0 кратной среднеотраслевой рентабельности активов по данным Росстата). Первоначальный пул «точек роста», отобранных по вышеуказанной методике в рамках региональной программы их развития формируется, исходя из финансовых ограничений. Во-первых, суммарные капитальные затраты по пулу «точек роста» должны быть меньше

максимума фактических объемов инвестиционного кредитования в регионе. Во-вторых, суммарные запрашиваемые бизнесом льготы не должны превышать размера доступного местного бюджета мер фискальной и финансовой поддержки в рамках механизмов ГЧП.

Все вышеизложенные содержательные элементы программирования «точек роста», с учетом их логической последовательности, отражены нами в алгоритме на рис. 1.

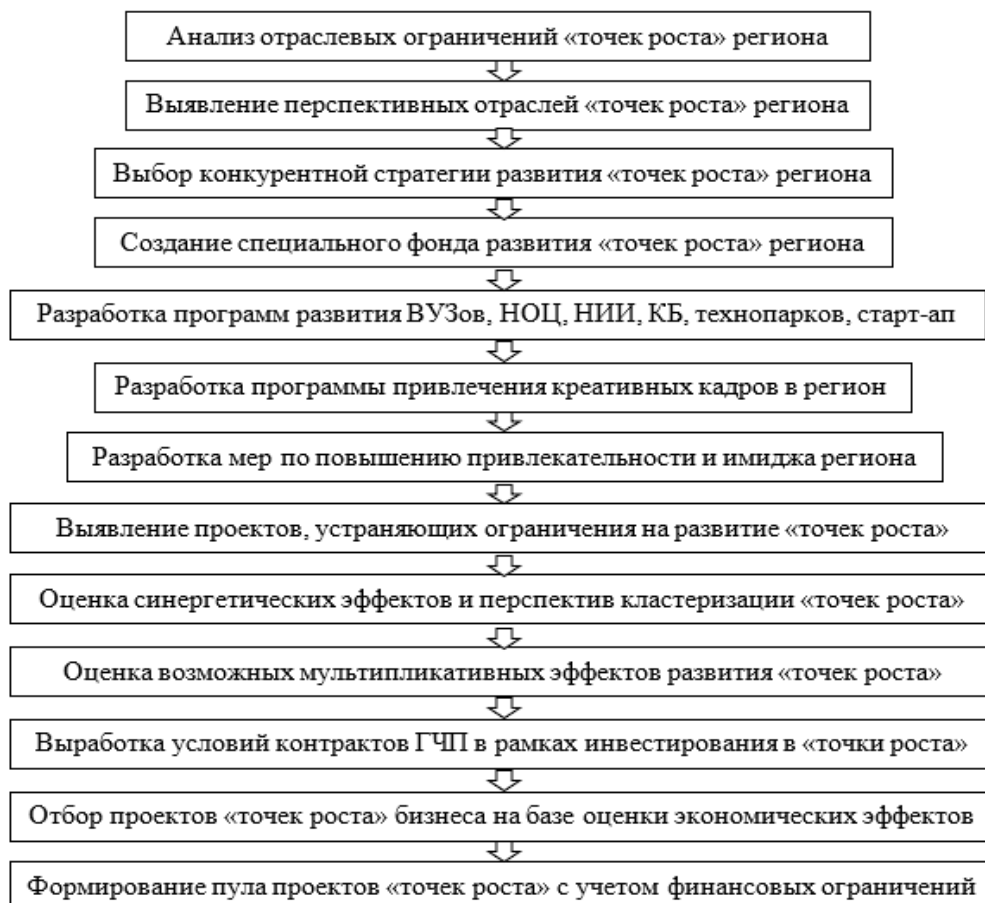

Рисунок 1. Обобщенный алгоритм программирования развития «точек роста» региона

Источник: составлено автором

ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования нами разработаны основы программирования формирования «точек роста» в регионах РФ. В этих рамках нами сформирован содержательный охват программирования «точек роста» региона. В программирование «точек роста» региона нами включены такие основные элементы:

- анализ отраслевых ограничений «точек роста» региона: по емкости рынка, эффекту масштаба, доступу к ресурсам (количеству и ценам на них), инвестиционных, инфраструктурных институциональных, технологических, кадровых;
- выявление перспективных отраслей «точек роста» региона, которые своей динамикой развития в состоянии повлиять на рост ВРП, улучшение сальдо ввоза/вывоза продукции (торгового баланса), снижение зависимости от импорта (за счет его замещения) при удовлетворении вышеуказанным ограничениям;
- выбор конкурентной стратегии развития «точек роста» региона на основе применения известных матричных инструментов: матриц М. Портера, А. Юданова, И. Ансоффа, BCG, GE, McKinsey. На их основе следует осуществить выбор между стратегиями лидерства по минимуму издержек, дифференциации ассортимента продукции/услуг, фокусирования на узких рыночных нишах, выбора между выходом на новые рынки сбыта с уже освоенной в производстве продукцией и выводом новой продукции на уже освоенные рынки сбыта. Обоснована целесообразность создания фонда развития «точек роста» и аккумуляирования в нем средств дополнительного налога на крупные предприятия топливно-энергетического комплекса или заказов на льготные поставки топлива/электроэнергии на основе стратегии перенаправления финансовых ресурсов с крупного бизнеса («дойных коров») на растущие «звезды» (как в матрице BCG);
- разработка программ развития ВУЗов, НОЦ, НИИ, КБ, технопарков, стартап с привлечением венчурных фондов с расчетом потребности в кадрах, специализированной инфраструктуре, затратах на НИОКР, оценкой перспектив их коммерциализации;
- разработка программы привлечения креативных кадров в регион параллельно с планированием мер по повышению привлекательности и имиджа региона;
- выявление и разработка проектов, устраняющих ограничения на развитие «точек роста». К таким проектам относятся инновации, направленные на снижение дефицита и экономию ряда ключевых ресурсов: воды, электроэнергии, топлива, металла, а также увеличение производительности по первичной с/х продукции: молоку, мясу, зерну;
- оценка перспектив кластеризации «точек роста» за счет создания синергетических эффектов. Они могут быть получены при объединении закупок и получении скидок с цены за объем путем объединения маркетинговых и сбытовых затрат либо при снижении цен на промежуточные товары в рамках единой цепочки добавленной стоимости;
- оценка возможных мультипликативных эффектов развития «точек роста», в т. ч. в сферах НИОКР, инжиниринга, дизайна. Проработка механизмов стимулирования спроса на услуги профильных предприятий (как «точек роста») на основе предоставления фискальных и финансовых льгот компаниям – заказчикам;
- создание организационных условий (прозрачных «правил игры» – административных регламентов, фискальных и финансовых льгот, льготных цен естественных монополий) и выработка условий контрактов ГЧП в рамках инвестирования бизнесом в «точки роста»;

– отбор проектов «точек роста» бизнеса на базе оценки экономических эффектов (прирост ВРП, влияние на сальдо ввоза–вывоза продукции/торгового баланса региона и замещение ввоза/импорта продукции в рамках отрасли) с учетом минимально приемлемых финансовых эффектов (например, рентабельности активов) как ограничений;

– формирование пула проектов «точек роста» с учетом финансовых ограничений: по максимуму фактических объемов инвестиционного кредитования в регионе, а также по размеру местного бюджета мер фискальной и финансовой поддержки в рамках ГЧП.

На основе вышеперечисленных содержательных элементов нами сформирован обобщенный алгоритм программирования развития «точек роста» региона (см. рис. 1).

Список литературы

1. Perroux F. Note on Concept of «Growth Poles». In: Regional Economics: Theory and Practice. New-York. London. 1970. Pp.93–103.
2. Boudeville J. R. Problems of regional economic planning. Edinburgh. 1966. 203 p.
3. Lasuén J. R. On growth poles // Urban Studies. 1969. № 6. Pp.137–152.
4. Лашева Т. О. Формирование и активизация полюсов экономического развития в регионе. / Дис. ... канд. экон. наук. СПб, 2008. 18 с.
5. Лексин В. Н. К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития // Регион: экономика и социология. 2009. № 3. С. 19–40.
6. Молчан А. С. Формирование точек экономического роста как базовая экономическая стратегия развития и модернизации региональной экономики // Научный журнал КубГАУ. 2011. № 3 (67). С. 259–282.
7. Кузнецова О. В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 268 с.
8. Раевский С. В., Исаченко Ю. И. Особенности формирования точек роста в промышленном регионе // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 3 (378). С. 2–14.
9. Лактаева Н. Е. Методологические подходы к формированию точек роста региональной экономики // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 3. С. 40–53.
10. Логинов А. Н., Гойхер О. Л. Концепция пространственного поляризованного развития: точка роста, полюс роста, транспортно-коммуникационные и информационно-коммуникационные коридоры // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 11. С. 105–111.
11. Полянин А. В., Проняева Л. И. Современная концепция региональных точек экономического роста // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 2 (49). С. 24–33.
12. Ванюшкин А. С., Друзин Р. В. Критерии идентификации потенциальных «точек роста» в рамках экономической политики региона // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2018. № 3. С. 153–162.
13. Ванюшкин А. С., Никитина М. Г. Методологические подходы к оценке перспективности точек роста региона // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2015. Т. 1 (67). № 1. С. 40–47.
14. Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. М.: Экономика, 2011. 604 с.
15. Ванюшкин А. С., Друзин Р. В. Пути преодоления ограничений точек роста региона как самостоятельные точки роста // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2018. Т.4 (70). № 2. С. 14–21.
16. Ванюшкин А. С., Друзин Р. В. Алгоритм выбора типа конкурентной стратегии в рамках развития точек роста // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5 (15). Вып. 1. С. 68–77.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

УДК 339.9

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС В УСЛОВИЯХ АСИММЕТРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Воронина Т. В.¹, Яценко А. Б.,¹ Гнатковский А. А.²

¹ Южный федеральный университет, Ростов–на–Дону, Российская Федерация

² Южный научный центр Российской академии наук, Ростов–на–Дону, Российская Федерация

E-mail: t.v.voronina@mail.ru

На основе анализа эмпирических данных обосновано укрепление позиций стран БРИКС в мировой экономике по сравнению со странами G7. Расширение альянса в 2024–2025 гг. свидетельствует о росте интереса к БРИКС развивающихся стран, которые достигли определенных успехов в экономическом развитии и хотят занять место в мировой экономике, адекватное их потенциалу. В ходе исследования выявлено наличие у стран БРИКС+ значительного и разнообразного экономического потенциала с точки зрения факторов производства, развития тех или иных секторов экономики, производственных мощностей и выраженной экономической дифференциации национальных экономик. Анализ торговой статистики позволил сделать вывод о возрастании ориентированности стран БРИКС+ в торговле на рынок альянса. За годы функционирования БРИКС доля совокупного экспорта, поставляемая на рынки стран альянса, удвоилась и достигла 18 % (к 2023 г.). В среднем у стран БРИКС доля экспорта, реализуемая на рынках альянса, достигает 21 %. Максимально ориентированы в экспорте на рынки стран БРИКС+ Бразилия (34,75 % экспорта), ОАЭ (27,58 %), Иран (26,66 %), Эфиопия (26,56 %). Доминирующими рынками сбыта для Бразилии, Ирана, РФ, ЮАР является Китай; для Египта, Индии, Эфиопии – ОАЭ; для Китая и ОАЭ – Индия. Результаты исследования подтвердили предположение о том, что асимметрия экономических потенциалов и различия масштабов экономик стран БРИКС не является значительным препятствием для торговли в настоящее время. В качестве основных проблем сотрудничества были выделены: 1) внешние факторы, связанные с геополитической ситуацией, агрессивным протекционизмом, санкционным давлением, процессом дедолларизации, географической удаленностью; 2) неформализованность и неопределенность институциональной структуры БРИКС.

Ключевые слова: БРИКС, БРИКС+, экономический потенциал, международная торговля, экономическая асимметрия, развивающиеся страны, протекционизм, санкции.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях формирования многополярной системы в мире происходит серьезная перестройка архитектуры мировой экономики, в результате которой меняется роль различных стран и их объединений. Возникают новые объединения развивающихся стран, преследующие цель усилить свои позиции в мировой экономике и политике, составить конкуренцию устоявшемуся экономическому лидерству G7. Одним из них является БРИКС – межгосударственное неформальное объединение динамично развивающихся стран с высоким потенциалом роста.

С 2009 года в состав БРИКС входили Бразилия, Россия, Индия, Китай, в 2011 году к альянсу присоединилась Южная Африка. В настоящее время эти 5 государств образуют так называемое ядро объединения. С 2024 года к БРИКС присоединились еще четыре страны – Иран, Египет, Эфиопия, ОАЭ, а в 2025 году – Индонезия (расширенный состав получил название БРИКС+).

Феномен БРИКС в научной литературе широко обсуждается с момента появления акронима БРИК в 2001 году. Спектр исследований варьируется от

специфики институционального статуса БРИКС, сфер международного сотрудничества, включая геополитические аспекты и цели стран–участниц до анализа экономического потенциала государств БРИКС, возможностей взаимодополняемости их национальных экономик, места РФ в БРИКС, а также проблем и перспектив расширения организации.

Анализ научной литературы выявил различные позиции в подходах к трактовке сущностной характеристики БРИКС и отсутствие единой формулировки к его описанию.

По мнению, авторов экспертного заключения по итогам сессии ПМЭФ–2024 «Расширение БРИКС. Новые возможности делового сотрудничества», БРИКС причисляется к интеграционному объединению [1]. Разделяют эту позицию Погодин С. Н., Ягья Т. С. [2].

Мантусов В. Б. рассматривает БРИКС как межгосударственную организацию, хотя и отмечает наличие у нее интеграционного взаимодействия [3].

Другие исследователи видят сущностную природу БРИКС в формате комплексного межгосударственного союза, платформы для межгосударственного сотрудничества [4], межрегиональной союзной группы «больших экономик» с потенциалом открытого «терминала» («Gate») для четырех регионов (Азия, Африка, Европа и Латинская Америка) [5].

Сотрудничество в экономической сфере между странами БРИКС охватывает торговлю, инвестиции, финансы, научно-техническое взаимодействие, процессы цифровизации [6].

При этом Погодин С. Н., Ягья Т. С. обращают внимание на небольшие объемы взаимной торговли стран БРИКС в стоимостном выражении, но ее диверсифицированную структуру в целом [2].

Важным направлением сотрудничества в альянсе и дополнительным фактором для наращивания внешней торговли для стран–участниц [4], особенно в условиях санкционного давления на РФ [7], выступают валютно-финансовое и инвестиционное сотрудничество стран БРИКС (взаимные инвестиции, создание единого финансового пространства на основе Нового банка развития БРИКС, Пула валютных резервов, расчеты в национальных валютах) [8].

По мнению Друзина Р. В., Барсегяна А. Г., Науменко Р. В., экономические перспективы развития объединения БРИКС зависят от глубины финансовых взаимоотношений стран–участниц [9].

Новые направления и модели сотрудничества стран БРИКС, включая расширение состава, по мнению Смирнова Е. Н. и Пасько А. В. [7], обусловлены геополитическими факторами. При этом отмечается, что расширение порождает ряд проблем и не может быть безграничным.

По мнению Ситниковой О. Г. [10], проблемы сотрудничества стран ядра БРИКС (Бразилия, Индия, КНР, РФ, ЮАР) связаны с экономическими дисбалансами по причинам: 1) разного уровня экономического развития, 2) неодинаковой тесноты взаимодействия друг с другом; 3) различий в приоритетах странах–членов.

Очевидно, что с расширением стран участниц в 2024–2025 годах, проблемы будут нарастать. По мнению Сергеевой Н. В. [11], в расширенном формате БРИКС+ наличие таких проблем, как неравенство, бедность, низкий охват населения образованием, наличие регионального экономического неравенства, будут создавать дополнительные риски для альянса.

Другими проблемными факторами для БРИКС, по мнению Смирнова Е. Н. и Пасько А. В., выступают общее замедление темпов роста мировой экономики, усиление геополитической напряженности [7].

Расширение БРИКС ученые обосновывают геополитическими (борьба за многополярность, повышение роли стран Глобального Юга в МЭО, необходимость реформ бреттон-вудских международных институтов, потребность в укреплении позиций развивающихся стран в глобальном управлении, незаконные санкции против РФ) и финансовыми причинами (уход от долларовой зависимости, нестабильность мировой финансовой системы) [11].

Дискуссия прослеживается по вопросу критериев выбора стран для расширения БРИКС. Сергеева Н. В. считает, что учитывались как экономические, так и геополитические факторы, в том числе географическая сбалансированность союза, политическое соответствие новых членов, (поддержка ими идей многополярного мироустройства и дедолларизации национальной экономики) [11].

Однако Jim O'Neill (Джим О'Нил), экономист банка Goldman Sachs, придерживается другой позиции [12]. По мнению автора акронима БРИК/БРИКС, в выборе стран для расширения альянса нет четкой логики. Речь идёт просто о привлечении развивающихся стран, которым удобно присоединиться к этому символическому клубу.

Таким образом, обзор научной литературы свидетельствует об интересе исследователей к проблематике БРИКС и формам сотрудничества внутри альянса. В научной литературе показано, что экономическое неравенство потенциалов стран-участниц выступает определенным препятствием для экономического сотрудничества стран БРИКС и будет усиливаться с расширением альянса. Однако исследований, обеспечивающих эмпирическую верификацию соответствующей позиции, пока недостаточно, что подтверждает актуальность темы статьи. Увеличение состава участников с разными масштабами экономик актуализирует исследование возможностей взаимодействия стран-участниц в условиях асимметрии их потенциалов и выявление проблемных точек, что и определяет цель данного исследования. Для РФ данная тема приобретает дополнительную актуальность в связи с изменением приоритетных стран-партнеров и направления вектора внешнеторгового сотрудничества в условиях обострения геополитической ситуации. Страны БРИКС выступают для РФ важнейшим каналом участия в международном экономическом сотрудничестве в условиях ограниченных возможностей из-за масштабных санкций недружественных развитых стран. Приоритетность сотрудничества со странами БРИКС обусловлена также тем, что каждая из стран БРИКС является лидером в своем макрорегионе или членом региональных интеграционных объединений.

В качестве методов исследования были использованы методы монографического обследования, анализа и синтеза аналогии, сравнения, статистической обработки данных.

Эмпирической базой исследования послужили данные UNCTADstat, Всемирного банка, Росконгресса.

Под БРИКС авторы данной статьи понимают межгосударственный альянс стран, основанный на общности экономических интересов его участников. По нашему мнению, БРИКС не имеет полноценных признаков международной организации или интеграционного объединения. В этом отношении нами поддерживается приведенная выше трактовка из коллективной монографии «БРИКС в мировой экономике и финансах» [5].

Все макроэкономические показатели стран БРИКС рассчитаны, исходя из членства в БРИКС 9 стран в 2023 году: Бразилии, Индии, Китая, России, ЮАР, Египта, Ирана, ОАЭ и Эфиопии. Для анализа ВВП и доли ВВП стран был выбран временной период – XXI век – с 2001 по 2023 годы. Для анализа динамики взаимной торговли взят период с 2009 года – момента начала функционирования объединения стран БРИК. Показатели ВВП по ППС на душу населения, темпы роста ВВП, доля в мировом ВВП по ППС, доля в мировом экспорте товаров, экспорт каждой страны БРИКС+ в другую страну БРИКС+ были взяты за 2023 год (последний доступный).

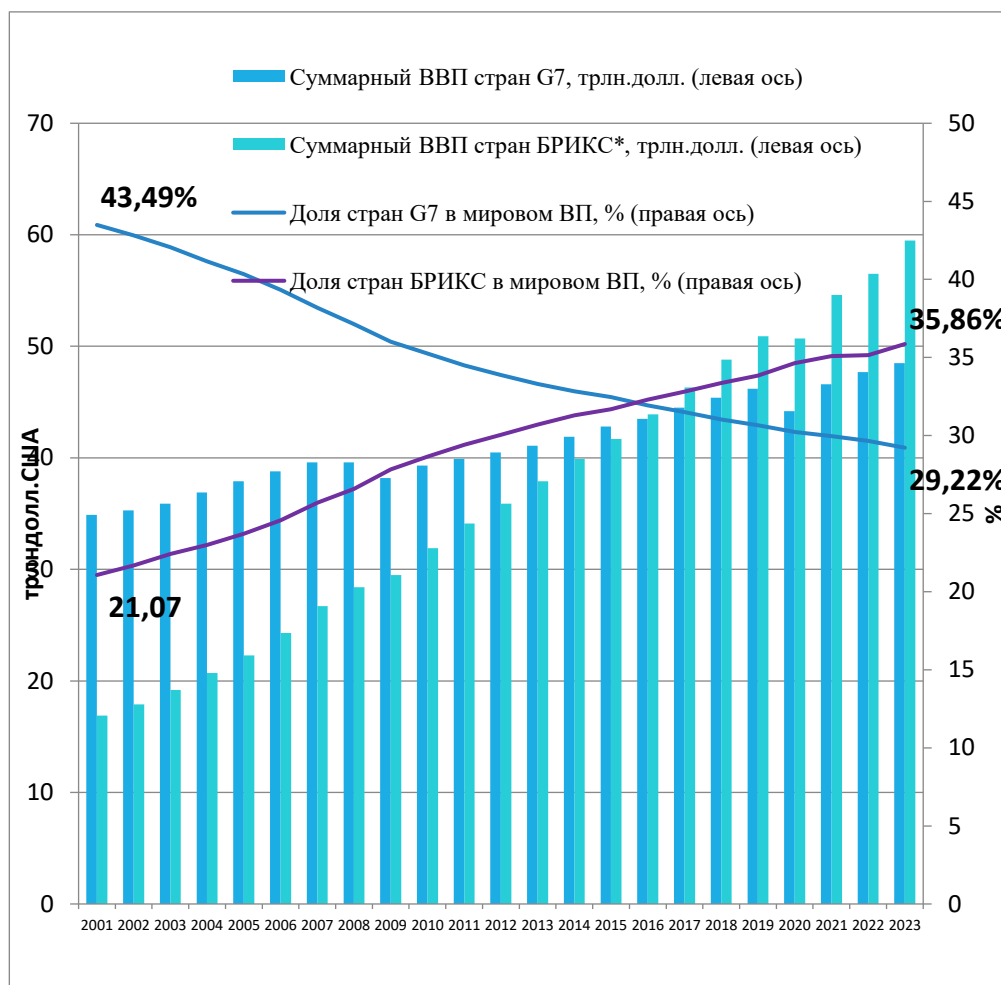
По показателям ВВП по ППС на душу населения, темпам роста ВВП, доле в мировом ВВП по ППС, доле в мировом экспорте товаров страны БРИКС+ были разделены на две группы относительно среднего показателя: страны с показателем выше среднего значения и страны с показателем ниже среднего значения. Для сравнительного анализа стран БРИКС был также использован индекс производственных мощностей (по версии UNCTAD).

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Год от года БРИКС становится все более влиятельным альянсом в мировой экономике и политике. Расширение блока свидетельствует о росте интереса к БРИКС развивающихся стран, которые имеют значительный экономический потенциал, достигли определенных успехов в экономическом развитии и хотят занять место в мировой экономике, адекватное их потенциалу.

На 9 стран БРИКС+ (без Индонезии) в 2023 году приходилось почти половина населения мира, 27 % его территории и пятая часть международной торговли товарами и услугами (19,9 %). Страны расширенного БРИКС (БРИКС+) производят 35,9 % мирового ВВП по ППС и привлекают 25 % ПИИ.

Анализ макроэкономических показателей в динамике с 2001 по 2023 годы выявил укрепление позиций стран БРИКС в мировой экономике с одновременным ослаблением стран G7. Например, доля стран альянса в мировом ВВП по ППС (по версии Мирового банка) увеличилась с 21,07 % в 2001 году до 35,86 % в 2023 году, в то время как доля G7 за тот же период уменьшилась с 43,49 % до 29,22 % (рисунок 1).

*Примечание: показатель рассчитан для 9 стран, являющихся участниками БРИКС в 2024 году (Бразилия, Египет, Индия, Иран, Китай, ОАЭ, РФ, Эфиопия, ЮАР).

Рисунок 1. Динамика суммарного ВВП по ППС (трлн долл. США) и доли в мировом ВВП (%) стран G7 и БРИКС+, 2001–2023 гг.

Источник: рассчитано и построено авторами по данным Всемирного банка.

При этом необходимо отметить, что у стран G7 в ВВП около 70–80 % составляют услуги (банковские, IT–обслуживание и сервисы, брокерские и другие). У стран БРИКС большой вклад в ВВП обеспечивают промышленность и сельское хозяйство (производство чугуна, стали, автомобилей, газа, нефти, пластмассы, атомных электростанций, зерна, кокосов, бананов и других продуктов). На долю услуг приходится от 37,7 % у Эфиопии до 68,2 % у Бразилии. Показатели остальных стран БРИКС находятся в данном диапазоне.

Таблица 1.

Потенциал и конкурентные преимущества каждой страны БРИКС+

Страна БРИКС	Доминирующие ресурсы	Позиции в макрорегионе/мире	Конкурентные отрасли и производства
Бразилия	Природные ресурсы (нефть, руды металлов, лесные ресурсы)	Крупнейшая страна Латинской Америки, лидер МЕРКОСУР	Автомобилестроение, металлургия, нефтехимия, сельское хозяйство (мировой лидер по производству и экспорту сои, кофе, сахара и мяса), туризм
Индия	Природные ресурсы (уголь, руды металлов), трудовые ресурсы (1 место в мире по численности населения)	Самая быстрорастущая экономика, входит в топ–10 стран мира по номинальному ВВП и по ППС.	Сфера IT и аутсорсинга, фармацевтика, сельское хозяйство (входит в топ–5 стран по производству основных зерновых культур, овощеводству), металлургия
Китай	Трудовые ресурсы (2 место в мире по численности населения), 70 % мировой добычи редкоземельных руд и 90 % её переработки, инвестиционные ресурсы, инновационные ресурсы	2–я по величине экономика мира, 30 % мирового промышленного производства	Диверсифицированная промышленность, высокотехнологичное производство, транспортная инфраструктура
Россия	Разнообразные природные ресурсы (9,6 % от мировых запасов нефти, ок. 20 % мировых запасов газа), выгодное географическое положение	Лидер среди стран ЕАЭС, СНГ, находится под санкциями	Энергетика, высокотехнологичное производство, транспортная инфраструктура, сельское хозяйство
ЮАР	Разнообразные минеральные ресурсы (крупнейший производитель и экспортер в мире золота, 2–ой в мире производитель палладия, 4–й – алмазов)	Ведущая экономика в Африке, член Южно-африканского ТС и Сообщества развития Юга Африки	Развитое сельское хозяйство, финансовая система, промышленность, сельское хозяйство
Египет	Трудовые ресурсы (самое густонаселенное государство Ближнего Востока), природные ресурсы (нефть, газ, фосфаты) рекреационные ресурсы	2–ое место в Африке по номинальному ВВП и 39–е место в мире, выгодное географическое положение (Суэцкий канал)	Сельское хозяйство (хлопок, фрукты, овощи), туризм, легкая промышленность, нефте- и газодобыча, транспорт
Иран	Минеральные ресурсы (5 место в мире по запасам нефти – 9,1 %)	15–я в мире экономика по ВВП по ППС, находится под международными санкциями	сельское хозяйство, нефте- и газодобыча, нефтехимия, энергетика, металлургия, автомобилестроение

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН...

Страна БРИКС	Доминирующие ресурсы	Позиции в макрорегионе/мире	Конкурентные отрасли и производства
ОАЭ	Минеральные ресурсы (5,6 % от мировых запасов), рекреационные ресурсы, выгодное географическое положение.	Лидер ближневосточного региона, международный финансовый центр, удобное географическое положение, развитая транспортная инфраструктура (крупнейшие морские и авиа порты в мире)	Нефтедобыча, финансовый сектор, туризм, IT-сектор
Эфиопия	Трудовые ресурсы (2-я по численности населения страна Африки, 60 % населения моложе 30 лет)	Имеет потенциал роста, член COMESA	Сельское хозяйство, легкая промышленность
Индонезия	Минеральные ресурсы (большие запасы никеля, угля, природного газа), выгодное географическое положение.	4-ая экономика в Азии, высокие темпы роста – 5–6 % в год.	Сельское хозяйство (крупнейший производитель и экспортер пальмового масла, кофе, каучука и пряностей), добывающая промышленность, туризм

Источник: составлено авторами.

Таким образом, следует отметить значительный и разнообразный природный потенциал стран БРИКС+. По ряду минерально-сырьевых ресурсов они занимают ведущие позиции в мире в производстве и экспорте. Значителен также трудовой потенциал объединения (особенно в возрасте до 30 лет). Кроме того, каждая из стран БРИКС+ является лидером в своем регионе или ведущим членом интеграционного объединения, обеспечивая тем самым доступ к региональным и интеграционным рынкам. Высокие темпы роста экономик стран объединения свидетельствуют о значительном потенциале развития. Все страны имеют выгодное географическое положение, что в комплексе дает значительный синергетический эффект в создании глобальных транспортных коридоров.

С точки зрения отраслевой структуры необходимо отметить определенное пересечение интересов (добывающие отрасли, энергетика, сельское хозяйство), что может иметь двоякий эффект: с одной стороны, создавать конкуренцию, с другой стороны, способствовать кооперации и реализации совместных проектов.

Исходя из имеющегося экономического потенциала, наиболее перспективными направлениями сотрудничества между странами БРИКС кроме торговли, Ревенко Л. С., Ревенко Н. С. [13] отмечают добычу нефти и газа на шельфе, развитие атомной энергетики, строительство малых ГЭС, создание транспортных коридоров.

Однако несмотря на значительный и разнообразный экономический потенциал, с точки зрения наличия факторов производства и развития тех или иных секторов экономики, особенностью БРИКС выступает выраженная экономическая дифференциация национальных экономик.

В результате группировки стран относительно среднего значения показателей ВВП по ППС на душу населения, темпов роста ВВП, доли в мировом ВВП по ППС и экспорте товаров были выявлены различия в экономическом развитии стран БРИКС+ (таблица 2).

Таблица 2.

Дифференциация стран БРИКС+ по отдельным показателям, 2023 г.

	ВВП на душу населения по ППС, дол. США	Темпы роста ВВП, %	Доля в мировом ВВП по ППС, %	Доля в мировом экспорте товаров, %
Страны с показателем выше среднего значения	ОАЭ – 75 627 Россия – 39 753	Индия – 7,58 Эфиопия -6,50 Китай- 5,20 Иран -4,95	Китай – 18,83 Индия – 7,90	Китай -14,5
Среднее значение показателя	23 938	4,28	3,98	2,58
Страны с показателем ниже среднего значения	Китай – 22 135 Бразилия – 18 554 Египет – 16 154 Иран -16 154 ЮАР – 14 284 Индия – 9 172 Эфиопия – 2 803	Египет – 3,76 Россия – 3,60 ОАЭ – 3,40 Бразилия – 2,91 ЮАР – 0,60	Россия – 3,51 Бразилия – 2,42 Египет -1,15 Иран – 0,87 ЮАР -0,52 ОАЭ – 0,43 Эфиопия – 0,21	ОАЭ – 2,21 Россия – 2,11 Индия – 1,85 Бразилия – 1,46 ЮАР – 0,48 Иран – 0,35 Египет – 0,18 Эфиопия – 0,01

Источник: рассчитано по данным World Bank Group [Электронный ресурс] URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?view=chart>

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о сильной асимметрии экономического потенциала. Китай играет ключевую роль в объединении почти по всем показателям. Однако по отношению к ВВП на душу населения по паритету покупательной способности он относится к странам с показателем ниже среднего значения. Из девяти стран лишь несколько относятся к странам с показателем выше среднего значения. В показателе ВВП на душу населения по ППС к странам с показателем выше среднего относятся Объединённые Арабские Эмираты и Россия. При этом по доле в мировом ВВП по ППС высокие показатели находятся только у Китая и Индии, а в доле от мирового экспорта товаров только Китай имеет показатель выше среднего по объединению.

Однако если рассмотреть темпы роста ВВП, то к странам с показателем выше среднего относятся Индия, Эфиопия, Китай и Иран. Если позиции Индии и Китая в этом случае предполагаемы, то высокий показатель Эфиопии и Ирана

свидетельствует о потенциальных возможностях стран улучшить экономическую ситуацию. Таким образом, подтверждая выводы об экономическом лидерстве Китая в БРИКС Zavyalova N. [14], Ревенко Л. С., Ревенко Н. С. [13], Сергеевой Н. В. [11] и наиболее быстрых темпах экономического роста Китая и Индии [15], все же отметим, что и другие государства демонстрируют высокие темпы роста.

Для взаимовыгодного сотрудничества необходимо, чтобы страны как можно более эффективно могли использовать накопленный потенциал.

Авторами сделана попытка рассмотреть потенциал сотрудничества через призму индекса производственных возможностей, который позволяет оценить возможности развития стран на среднесрочную перспективу, исходя из производственных возможностей (рисунок 2), и выяснить, является ли асимметрия препятствием для сотрудничества, как считает ряд исследователей.

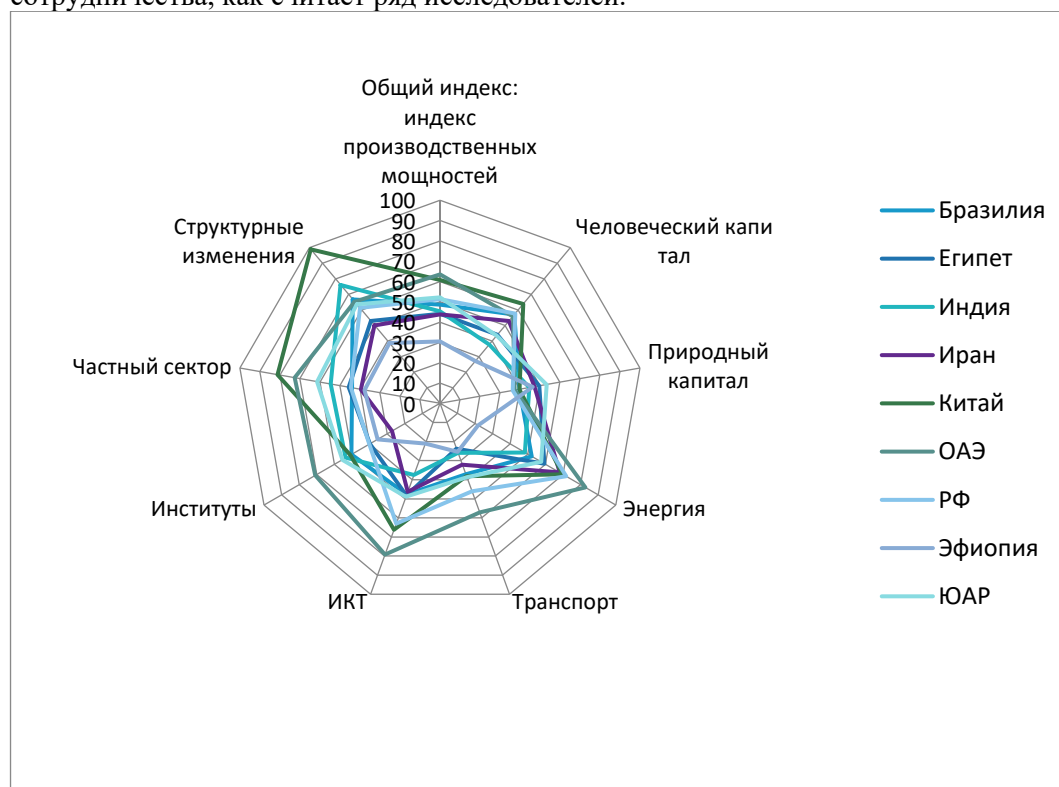

Рисунок 2. Различия стран БРИКС+ по индексу производственных возможностей (по версии UNCTAD)

Источник: составлено по данным UNCTADstat

Как видно из диаграммы (рисунок 2), по большинству субпозиций индекса производственных возможностей выделяются Китай и ОАЭ (от 60 до 100), средние показатели (от 30 до 60) характерны для остальных стран, кроме Эфиопии.

Далее проанализируем торговое сотрудничество как наиболее развитую форму взаимодействия.

Наиболее динамично развивающейся формой сотрудничества стран БРИКС+ является международная торговля. С момента создания в 2009 году взаимный экспорт девяти стран БРИКС (без Индонезии) увеличился с 269 до 919 млрд долл. США. Увеличилась и ориентированность стран в торговле на рынки БРИКС. Так, в 2009 году только 13,5 % экспорта участников БРИКС поставлялось на рынки стран альянса, к 2023 г. доля возросла до 18,3 %.

Также следует обратить внимание на устойчивую положительную динамику роста взаимной торговли (рисунок 3) с момента объединения стран ядра БРИКС. Такая динамика взаимной торговли отражает результаты совместных усилий стран–участниц по развитию сотрудничества.

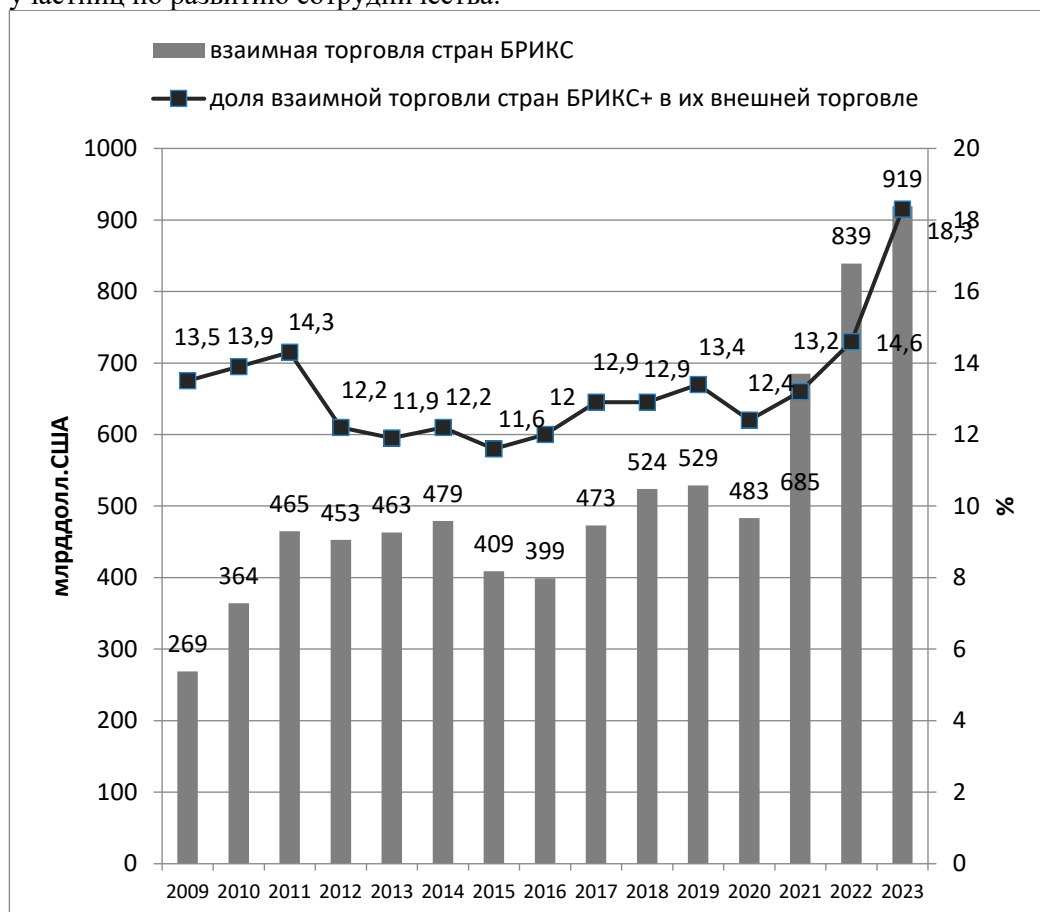

Рисунок 3. Динамика взаимной торговли стран БРИКС по экспорту, млрд долл. США

Источник: составлено по данным Росконгресса [16]

Как было отмечено выше, различие масштабов и уровней развития национальных экономик стран–участниц порождает неодинаковую тесноту взаимодействия друг с другом во взаимной торговле.

Таблица 3.

Матрица взаимного экспорта стран БРИКС+, 2023 г.

Импортёр \ Экспортёр	Бразилия	Египет	Индия	Иран	Китай	ОАЭ	РФ	Эфиопия	ЮАР	БРИКС
Бразилия	–	2,3* (0,68)**	4,7 (1,4)	2,3 (0,68)	104,3 (30,7)	3,2 (0,4)	1,3 (0,4)	0,024 (0,01)	1,6 (0,48)	119,72 (34,75)
Египет	0,44 (1,06)	–	1,25 (2,98)	0,002 (0,01)	0,8 (1,99)	2,21 (5,26)	0,4 (0,96)	0,1 (0,32)	0,11 (0,26)	5,31 (12,84)
Индия	6,66 (1,54)	3,96 (0,92)	–	1,19 (0,28)	16,25 (3,77)	33,02 (7,65)	4,06 (0,94)	0,48 (0,11)	8,02 (1,86)	73,64 (17,07)
Иран	0,13 (0,14)	0,02 (0,02)	2,01 (2,2)	–	17,42 (19,06)	2,18 (2,39)	1,94 (2,12)	0,11 (0,12)	0,06 (0,07)	23,87 (26,66)
Китай	59,11 (1,75)	14,93 (0,44)	117,68 (3,48)	10,03 (0,3)	–	55,68 (1,65)	110,94 (3,28)	2,59 (0,08)	23,65 (0,7)	394,61 (10,03)
ОАЭ	1,6 (0,33)	3,09 (0,64)	54,72 (11,27)	18,89 (3,89)	48,67 (10,02)	–	0,81 (0,17)	0,84 (0,17)	5,31 (1,09)	133,93 (27,58)
РФ	6,0 (1,42)	5,04 (1,19)	8,73 (2,07)	1,21 (0,29)	48,62 (11,5)	6,08 (1,44)	–	0,24 (0,06)	0,29 (0,07)	76,21 (18,04)
Эфиопия	0,0002 (0,01)	0,0095 (0,26)	0,062 (1,7)	0,004 (0,12)	0,303 (8,38)	0,555 (15,36)	0,017 (0,48)	–	0,009 (0,25)	0,96 (26,56)
ЮАР	0,49 (0,44)	0,056 (0,05)	5,04 (4,56)	0,016 (0,01)	12,48 (11,29)	2,53 (2,29)	0,28 (0,26)	0,03 (0,03)	–	20,92 (18,93)

Примечание: * в млрд долл. США; ** в %; серым цветом выделены наибольшие значения.

Источник: рассчитано авторами по данным UNCTAD <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix>

Таким образом, можно заключить, что значительная часть экспорта стран БРИКС ориентирована на торговлю внутри альянса. В среднем по странам БРИКС эта доля составила 21 %. Максимальную ориентацию в экспорте на рынки стран БРИКС имеет Бразилия (34,75 %), затем – ОАЭ (27,58 %), Иран (26,66 %), Эфиопия (26,56 %) (таблица 3).

Минимальную ориентацию экспорта на рынок стран БРИКС демонстрируют Китай (10,03 %) и Египет (12,84 %). Ситуация с Китаем объясняется высокой географической диверсификацией экспорта страны и опасениями наложения вторичных санкций из-за торговли с РФ. Однако в свете разворачивающегося нового витка торговой войны Китая и США можно предположить дальнейшую переориентацию торговых потоков Китая в направлении АТР и стран БРИКС. В перспективе это будет усиливать вес альянса в международной торговле. Египет как недавно присоединившийся участник не имеет значительной товарной диверсификации внешней торговли.

Из матрицы следует, что доминирующими рынками сбыта для стран БРИКС+, аккумулирующими большую часть экспорта таких стран, как Бразилия, Иран, РФ, ЮАР, выступает Китай; Египет, Индия, Эфиопия – ОАЭ; Китай и ОАЭ – Индия.

Взаимодействие со странами БРИКС для России имеет ключевое значение, о чем свидетельствует следующий показатель: на торговлю с участниками объединения приходится 18 % ее внешнеторгового оборота (2023 г.), что обусловлено

стремительной переориентацией внешней торговли России на страны Азии в результате геополитической ситуации и введения антироссийских санкций со стороны недружественных стран. Однако структура экспорта РФ утрачивает технологическую составляющую, так как в торговле с КНР доминирующими товарными группами в 2023 году выступали нефть и нефтепродукты, уголь, лесоматериалы, руды металлов, сжиженный природный газ.

Проблемы взаимного сотрудничества стран БРИКС в настоящее время в большей степени обусловлены тесно связанными внешними факторами и институциональной неформализованностью БРИКС, чем экономической дифференциацией. Проблемными факторами для БРИКС выступают общее замедление темпов роста мировой экономики, усиление геополитической напряженности [7], разбалансированность международной торговли в результате нарастания агрессивного протекционизма, санкционное давление со стороны западных стран и другие. Одними из ключевых проблем являются следующие:

- Отсутствие четкой институциональной определенности и нормативной базы формализации механизмов сотрудничества в БРИКС. Сдерживающим фактором в развитии сотрудничества является отсутствие формализованности и четкой институциональной определенности БРИКС. Как было отмечено выше, БРИКС не является полноценной международной организацией или интеграционным объединением, поэтому не имеет регулирующих институтов, решения которых обязательны для участников. Характер и формы сотрудничества согласовываются на саммитах и в двустороннем порядке. Реализация инициатив, зафиксированных в Декларациях саммитов БРИКС, по сотрудничеству между странами добровольна и во многом зависит от сопряжения национальных интересов участников альянса, извлечения текущих политических и экономических выгод.

- Проблема достижения консенсуса. Увеличение количества членов альянса приводит к расширению общего рыночного пространства БРИКС+, что, несомненно, является положительным моментом, но сопровождается сложностями в принятии единых решений. Более того, США для отдельных участников БРИКС+ предлагают более выгодные условия сотрудничества, что может повлиять на раскол внутри межгосударственного объединения. Например, Индии предлагается локализовать часть американского фармацевтического производства и получить за счет этого доступ к огромному рынку лекарственных препаратов в США.

- Географическая удаленность стран. Рост объемов торговли требует разработки новых оптимальных логистических маршрутов и транспортных коридоров, связывающих страны БРИКС и обеспечивающих сокращение времени доставки, что обуславливает потребность в модернизации имеющейся транспортной инфраструктуры и строительстве новой.

- Проблема дедолларизации и расчетов в национальных валютах. Идеи снижения доллара в расчетах между странами Глобального Юга активно обсуждались на саммитах БРИКС после мирового финансового кризиса 2008–2009 годов. Попытки обеспечить стабильность и изменить мировую финансовую архитектуру бреттон-вудского типа привели к учреждению Нового банка развития БРИКС, Пула валютных резервов, обсуждению проектов по введению расчетной

единицы стран БРИКС, Трансграничной платежной инициативы БРИКС. Однако проблема дедолларизации актуализировалась в 2022 году. Нацеленность стран БРИКС на расчеты в национальных валютах во взаимном сотрудничестве была обусловлена не столько стремлением «вытеснить доллар из международной торговли», сколько ростом числа санкций против России, включая отключение российских банков от системы SWIFT. Это обусловило поиск альтернативных валют для международных расчетов с КНР и третьими странами. Переориентация на юань привела к росту доли юаня в расчетах в системе SWIFT более чем в 2 раза за последние четыре года (с 2 до 4,5 %) и продолжает постепенно расти [17]. Отметим, что на данный момент доля расчетов в национальных валютах между странами БРИКС достигает 60 %.

Однако в случае создания странами БРИКС своей расчетной единицы и отказа от использования во взаиморасчетах американского доллара США угрожают применить различные инструменты давления, вплоть до введения импортных тарифов в размере 100 %. Кроме того, по мнению М. Ершова [18], некоторые государства БРИКС опасаются вторичных санкций, поскольку в той или иной мере являются американоцентричными и не могут полностью осуществлять свою деятельность в финансовой сфере в национальной валюте. В этом контексте показательно заявление представителя МИД Индии об отсутствии единой позиции стран БРИКС по вопросу дедолларизации: «...многополярность не обязательно должна вести к валютной многополярности..., приоритетом для правительства Индии является укрепление экономических отношений с США. У нас никогда не было проблем с долларом. Наши отношения с США, возможно, лучше, чем когда-либо. У нас нет никакого интереса подрывать доллар» [19].

– Проблема санкций. Две страны альянса в текущий период находятся под международными санкциями (РФ, Иран). На сегодняшний день проблема антироссийских санкций не только не дает эффективно взаимодействовать с Россией, но также затрудняет работу Нового Банка Развития, созданного на основе БРИКС с целью инвестирования в национальные проекты России. В июне 2023 года Новый Банк Развития прекратил инвестировать российские проекты из-за действующих ограничений в финансовой сфере [20].

Также изменение внешнеторгового вектора РФ на КНР и страны Азии, сопровождается утратой технологической составляющей в структуре российского экспорта. Так, в торговле с КНР доминирующими товарными группами в 2023 году выступали нефть и нефтепродукты, уголь, лесоматериалы, руды металлов, сжиженный природный газ. При этом из Китая Россия закупает товары средне- и высокотехнологичных производств.

– Рецессия мировой экономики. Значительные риски для стран БРИКС связаны с глобальной рецессией мировой экономики. Риск неопределенности усиливается глобальной торговой войной, инициированной США в 2025 году. В настоящее время недостаточно данных для оценки ее последствий, и выводы строятся исключительно из предположений, но из истории мировой экономики известно, что аналогичные действия США были предприняты в 1930 году, когда на 20 % были увеличены средние ставки импортных пошлин. В результате рост ответных тарифов торговых

контрагентов США вызвал сокращение мировой торговли и усугубил влияние Великой депрессии на мировую экономику. Следовательно, как наиболее вероятные, представляются прогнозы по снижению мирового ВВП и повышению инфляции во всех странах.

– Торговые войны и новый виток агрессивного протекционизма со стороны США. Согласно инициативе правительства США, с 9 апреля 2025 года к 211 странам и территориям вводятся новые импортные тарифы. Их базовая ставка составит 10 %, а для 57 стран ставка будет рассчитана, исходя из состояния торгового баланса США (дефицита) с каждой страной. По отношению к Индии рост тарифов составит 26 % (затрагивает торговлю в размере 61,7 млрд долл.), ЮАР – 30 % (затрагивает торговлю на сумму 6,5 млрд долл.). Наибольшее повышение тарифов из стран БРИКС касается КНР. В результате пошлины к товарам из Китая за несколько дней возросли с 54 % до 145 % (по данным на 9 апреля 2025 г.), вызвав ответные меры со стороны КНР и поставив под угрозу международную торговлю на сумму 690 миллиардов долларов [21].

Нарастающая дестабилизация международной торговли в результате резкого и масштабного повышения таможенных пошлин со стороны США может способствовать формированию новых цепочек поставок и усилению ориентации внешней торговли стран на рынок стран БРИКС. В частности, в среднесрочном периоде можно ожидать роста торгового оборота с РФ с Китаем, увеличения расчетов в юанях и расширения товарного ассортимента на российском рынке при более низких ценах.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования подтверждают продвижение мировой экономики к многополярности, о чем свидетельствует рост позиций стран БРИКС в мировой экономике по сравнению с группой G7.

Каждая страна БРИКС имеет конкурентные преимущества, определяемые принципами международного разделения труда. Выявленные конкурентные преимущества каждого государства в ресурсном, демографическом, научно-техническом, инновационном и производственном/отраслевом аспектах создают возможности для взаимовыгодного сотрудничества, что согласуется с выводами Мантусова В. Б.[3].

Исследование показало, что возрастает ориентированность стран в торговле на рынки БРИКС. Значительная часть экспорта стран БРИКС ориентирована на торговлю внутри альянса. Если в начале XXI века только 9 % экспорта участников БРИКС поставлялось на рынки стран альянса, то к 2023 году доля экспорта возросла вдвое и достигла 18 %. В среднем по странам БРИКС эта доля достигает 21 %.

Выводы, полученные в ходе исследования, подтвердили гипотезу о том, что в настоящее время выраженная асимметрия в экономических потенциалах и масштабах экономик стран БРИКС не является значительным препятствием для экономического сотрудничества и, в первую очередь, для торговли. Проблемы сотрудничества в большей степени формируются внешними факторами (геополитическая ситуация,

торговые войны и агрессивный протекционизм, санкции, стремление к дедолларизации, географическая удаленность и др.), неформализованностью и неопределенностью институциональной структуры, а также отсутствием нормативной базы закрепления механизмов сотрудничества в БРИКС.

Список литературы

1. Расширение БРИКС как драйвер экономического развития стран-участниц. Официальный сайт Росконгресс. [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/materials/rasshirenje-briks-kak-drayver-ekonomicheskogo-razvitiya-stran-uchastnits/>
2. Погодин С. Н., Ягья Т. С. Торгово-экономическое сотрудничество в рамках БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т.15. № 3. С. 45. DOI 10.22394/2073-2929-2021-03-44-54
3. Мانتусов В. Б. Интеграционные процессы и сотрудничество России со странами БРИКС // Вестник российской таможенной академии. 2022. № 3. С. 9–23. DOI 10.54048/20727240_2022_03_9
4. Ярыгина И. З., Жигляева А. В. Торгово-экономическое сотрудничество БРИКС: проблемы и перспективы // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13 (4). С. 110–120. DOI: 10.26794/1999-849X2020-13-4-110-120
5. БРИКС в мировой экономике и финансах: монография / под научной редакцией Ярыгиной И. З., Герасимова В. И. М., 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://nkibrics.ru/system/asset_publications/data/6600/a099/6272/6906/c162/0000/original/Монография_БР_ИКС.pdf?1711317145
6. Ситникова О. Г. Анализ сотрудничества стран БРИКС в контексте финансово-экономической безопасности // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6. № 4. С. 1591–1608. DOI 10.18334/ecssec.6.4.119482
7. Смирнов Е. Н., Пасько А. В. Новая модель развития экономического сотрудничества в рамках БРИКС // Вестник алтайской академии экономики и права 2023. № 12. С. 147–153
8. Денисова Д. Э. БРИКС: вчера, сегодня, завтра // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2022. № 15. С. 202–209
9. Друзин Р. В., Барсегян А. Г., Наumenко Р. В. Состояние финансовых рынков стран БРИКС в условиях глобальной экономической нестабильности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2018. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-finansovyh-rynkov-stran-briks-v-usloviyah-globalnoy-ekonomicheskoy-nestabilnosti>.
10. Ситникова О. Г. Особенности экономического сотрудничества стран БРИКС в современных условиях // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Том 12. № 12А. С. 65–70. DOI: 10.34670/AR.2023.22.32.008
11. Сергеева Н. В. Россия и БРИКС в новых геополитических реалиях // Экономика. Налоги. Право. 2024. № 17 (1). С. 119–131. DOI: 10.26794/1999-849X2024-17-1-119-131
12. Lord O'Neill Who Coined 'BRIC,' Calls Bloc's Dedollarisation Bid 'Unrealistic' // BRICS. News. April 4, 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://infobrics.org/post/43843/>
13. Ревенко Л. С., Ревенко Н. С. Отраслевое сотрудничество стран БРИКС: потенциал и приоритеты реализации // Мир новой экономики. 2018. Т. 12. № 4. С. 67–76. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2018-12-4-67-76>
14. Zavyalova N. BRICS Money Talks: Comparative Socio-Cultural Communicative Taxonomy of the New Development Bank // Research in International Business and Finance. 2017. Vol. 39. Pp. 248–266. [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ribaf.2016.07.039>.
15. Мурашова К. Г. Формат «БРИКС плюс»: истоки, особенности институционализации, региональная специфика // Ars Administrandi (Искусство управления). 2019. Том 11. № 1. С. 135–150. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-1-135-150.
16. Торговый потенциал и транспортная взаимосвязанность стран БРИКС после расширения 2024 года // Росконгресс [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/materials/torgovyy-potentsial-i-transportnaya-vzaimosvyazannost-stran-briks-posle-rasshireniya-2024-goda/>.
17. РБК. 01.02.2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/>

01/02/2025/679c96219a7947f91bcdd6ac?ysclid=m9dzq0vimo693799248

18. Российский совет по международным делам. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/news/eksperty-rsmd-obsudili-vozmozhnosti-dedollarizatsii-ekonomik-stran-briks-i-rol-gchp-v-etom-protsesse/>

19. МИД Индии заявил, что в БРИКС нет единой позиции по дедолларизации. ТАСС. 05.03.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23318883>

20. Банк БРИКС отказался от новых инвестиций в Россию из-за санкций // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/27/07/2023/64c181429a79470005ae94e4>.

21. Bloomberg. 12 апреля 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-04-12/trump-floats-possible-exceptions-to-10-baseline-tariff?srnd=homepage-europe>

Статья поступила в редакцию 15.04.2025

УДК 339.9

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И РОСТ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕСА И СФЕРЫ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Гафарова К. Э.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: karina_gafarova@mail.ru

Статья посвящена комплексному исследованию теоретических и практических аспектов развития человеческого капитала и экономического роста Российской Федерации через призму взаимодействия бизнеса и сферы социальных услуг. Кроме того, выделены особенности формирования концепции развития человеческого капитала, выявлены позиции Российской Федерации в международных рейтингах по уровню жизни населения.

Ключевые слова: социальные услуги, социальная сфера, социализация экономики, национальная экономическая система, национальный бизнес, глобализация, человеческий капитал, качество жизни, Индекс человеческого развития, Индекс человеческого капитала.

ВВЕДЕНИЕ

Темпы и масштабы современного развития постиндустриального сектора требуют быстроты восприятия и осознания бизнесом определенных стандартов и правил построения отношений с наемными работниками, что часто становится определяющим фактором выбора вида и объемов ресурсов, которые готов выделить этот коммерческий сектор на финансирование сферы социальных услуг. При этом принципиальной характеристикой, разделяющей отдельные отрасли национальных хозяйств и национальные экономические системы по типу реакции на вызов глобальной конкуренции, в значительной степени является определенный путь дальнейшего развития страны и оценка роли сферы социальных услуг в современных процессах социализации экономики.

В работах многих отечественных исследователей социализация интерпретируется как процесс наполнения частнокапиталистической экономики качественно новыми элементами, которые способны обеспечивать согласование общественных и частных интересов на основе: «научно-технологического развития экономики» [3, с. 81], «социального партнерства, экономического, политического и социальной солидарности» [4, с. 4]. Ряд ученых рассматривают вопросы социализации экономики с точки зрения «переориентации экономики с экономических критериев развития на критерии человеческого развития» [5, с. 262], «социального, экономического, политического партнерства и социальной солидарности» [4, с. 4], «борьбы с проблемой преодоления бедности» [8, с. 4], «развития человеческого капитала» [10, с. 7]. Другие же придерживаются мнения, что основным направлением регулирования процессов социализации экономической системы может быть усиление тенденций социально направленного экономического развития путем координирования целей хозяйствующих субъектов, реализацию мер, направленных на создание благоприятных условий для развития человека и характеристик трудового капитала [2].

Выбор источника конкурентных преимуществ, не требующий масштабного инвестирования в человеческий капитал, зависит от совокупности накопленных ресурсных предпосылок и традиций принятия хозяйственных решений, которые могут предусматривать активное участие бизнеса в финансировании развития социальной сферы. Для примера, в работах М. Портера описывается такая конкурентная стратегия, которая предусматривает некую экономию на затратах, направленных на удовлетворение потребностей работников, четкую разработанную стандартизацию трудовых функций, качества продукции и в то же время минимизацию существующих цен за счет меньшей, чем у конкурентов, стоимости рабочей силы. А, например, Марксовое видение роста общественной производительности труда в условиях капиталистического производства предполагает постоянное увеличение как физических объемов товаров, производимых за единицу рабочего времени, так и масштабов стоимости продукции, приходящейся на единицу затрат на рабочую силу. В Отчетах по человеческому развитию часто говорится о том, что обычно в условиях рыночных отношений крайне плохо выполняются общественные задачи, а именно: обеспечение безопасности, стабильности, достойного уровня здравоохранения и образования. Так, фирмы, которые производят дешевые трудоемкие товары или эксплуатирующие природные ресурсы, при условии, что рынок характеризуется избытком рабочей силы и нет определенной потребности в квалифицированных кадрах, особо не уделяют внимания удовлетворения благ и их здоровью.

Но современные реалии просто требуют, чтобы развитие сферы социальных услуг становилось основой воспроизводства и сохранения такого конкурентного преимущества, которое будет основываться на высшей образованности, мотивированности, высших трудовых усилиях работников и всего персонала. В итоге развитие ресурсного обеспечения сферы социальных услуг как бы встраивается в существующий механизм поддержки конкурентоспособности национального бизнеса и, соответственно, влияет на обеспечение желаемого уровня его доходности. Так, развитие сферы социальных услуг автоматически становится специфической формой проявления согласования экономических интересов широких слоев населения (наемных работников) и собственников бизнеса.

Такие подходы адаптации национальной экономической системы к глобализации конкуренции привлекают внимание к процессам социализации экономики и к таким рыночным механизмам распределения, которые обеспечивают рациональное совместное участие работодателя и наемного работника в финансировании инвестиций в человеческий капитал, а также требуют дальнейшего исследования участия коммерческого сектора в формировании ресурсного обеспечения и определении целевых показателей функционирования сферы социальных услуг через призму наращивания человеческого капитала и его влияния на рост экономики в целом.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Характеризуя участие бизнеса в процессах ресурсного обеспечения и определение целевых показателей деятельности сферы социальных услуг, важно выделить два этапа, которые, по нашему мнению, принципиально отличаются мотивацией поведения предпринимателей. Кажется важным, что не только система мотивации наемных работников к соблюдению общественно необходимых стандартов эффективности труда радикально изменилась в течение XX в. Итак, в рамках первого типа адаптации бизнеса к глобализации конкуренции мы считаем целесообразным выделить два этапа. При этом для первого этапа развития адаптации бизнеса к глобализации конкуренции свойственна классическая (доминирующая во второй трети XX века) модель повышения конкурентоспособности предприятия благодаря наращиванию качества персонала. Она основывалась на ограничении объекта инвестирования в человеческий капитал. Работодатель выделял ресурсы для улучшения жизненных условий работников, ориентируясь на собственные требования к качеству человеческих ресурсов и ограничивая круг получателей дополнительных преимуществ (в виде роста оплаты труда или финансирования их участия в программах пенсионного, медицинского характера, на случай несчастного случая и т. п. страхования) только трудовым коллективом собственного предприятия. Эта черта инвестирования в сферу формирования образованности, здоровья и социальной защищенности работника отражена в классической теории человеческого капитала.

Исследования проблематики, связанной с человеческим капиталом, осуществляли известные зарубежные ученые: Беккер Г. С., Бурдые П., Тоффлер Э., Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи К., Хэкман Дж. и другие. Благодаря научным исследованиям указанных ученых и наработкам их последователей целесообразность вложения средств в развитие человеческой личности сегодня нами воспринимается как аксиома. Поэтому современный контекст развития теории человеческого капитала сосредоточен на разных аспектах определения и повышения эффективности инвестирования в человека.

Научные поиски в области человеческого капитала продолжаются и в настоящее время. Среди российских ученых различные аспекты человеческого капитала исследуют Андрианова А. В. [1], Кобзистая Ю. Г. [6], Корицкий А. В. [7], Романовская Е. В. [9], Тугускина Г. Н. [11] и др.

В современной науке в рамках теорий эндогенного роста человеческий капитал рассматривается как одна из важных составляющих стабильного долгосрочного роста вместе с новыми технологиями через инновации (рисунок 1).

С учетом изложенного, общество должно акцентировать внимание на формировании человеческого капитала и эффективном его использовании. Увеличению человеческого капитала способствует не только качественное образование на всех уровнях, но и возможность осуществлять научно-исследовательскую работу непосредственно на предприятиях. При условии стабильной цены на современные технологии темпы экономического роста зависят

только от объема человеческого капитала, сосредоточенного в сфере получения новых знаний.

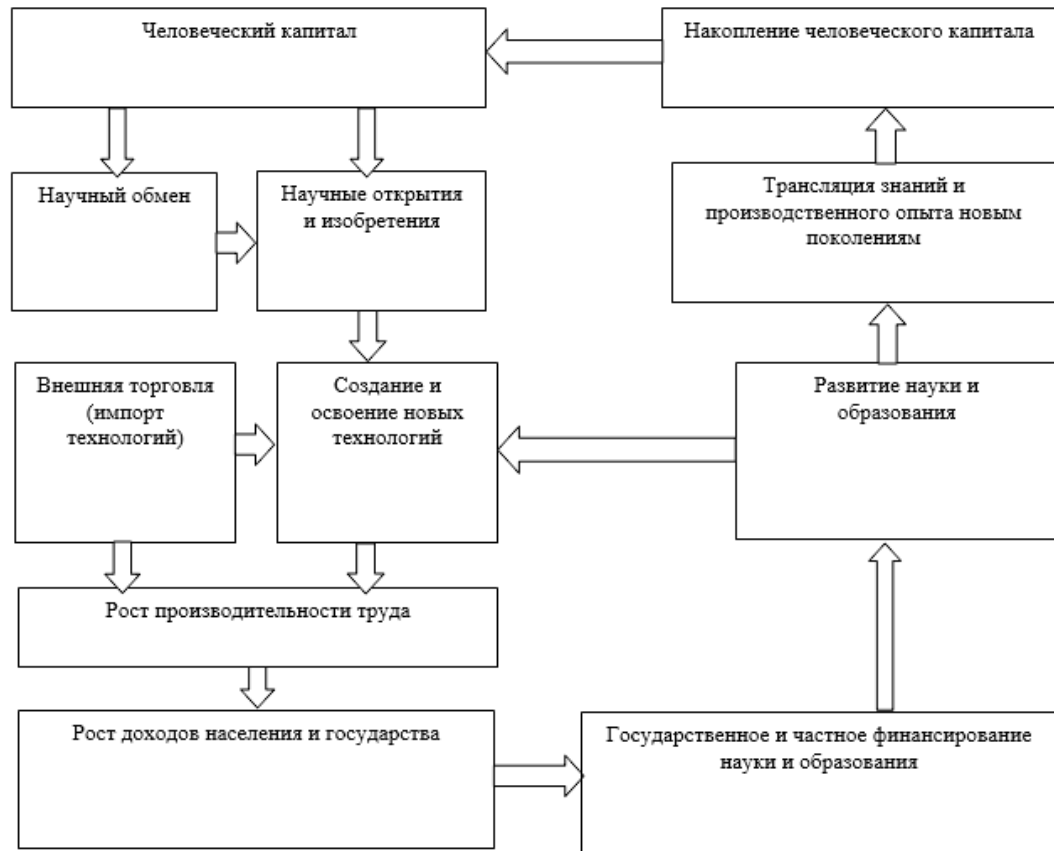

Рисунок 1. Прямая и обратная взаимосвязь накопления человеческого капитала и экономического развития

Так, в отношении расходов на профессиональную подготовку для объяснения распределения бремени финансирования таких расходов принято разделять общий и специфический человеческий капитал. Общим называют те знания и навыки, которые имеют ценность безотносительно места их применения (например, владение универсальными пакетами прикладных программ, такими как MS office), соответственно, обеспечивают дополнительную производительность труда и доходы владельцу знаний на любом рабочем месте.

Специфическим называют те составляющие человеческого капитала, которые имеют ценность и могут использоваться только там, где были получены, потому что теряют значение фактора роста производительности в любом другом месте приложения труда. Считается, что взаимодействие рациональных субъектов на рынке труда будет распределять бремя финансирования получения общих составляющих человеческого капитала на работника (как получателя преимущественной доли потока дополнительных доходов и выгод от профессиональной подготовки), а

финансирование профессиональной подготовки для получения специальных знаний – на работодателя,

Поскольку любой реальный процесс обучения (на рабочем месте или в учебных заведениях) предполагает получение как общих, так и специальных знаний, то и рыночные механизмы распределения обеспечивают совместное участие работодателя и наемного работника в финансировании инвестиций в человеческий капитал.

Принципиально важно следует отметить, что согласно теории человеческого капитала, существующая мотивация участия предпринимателя (собственника или работодателя) в инвестировании в социальную сферу основывается на стремлении получить превышение профессионально значимых свойств собственных работников над средним (общественным, нормальным, средним) уровнем. Это становится неким залогом конкурентного преимущества и дополнительных доходов, подчеркивая отличие индивидуальных качеств работников фирмы от распространенных в отрасли.

Однако с последней трети XX в. важные для работодателя характеристики ресурса труда все больше формируются не как функция индивидуальных (то есть локализованных в отношении определенного работника) инвестиций в человеческий капитал, а как результат функционирования определенной жизненной среды, которая одинакова для всех (независимо от участия в финансировании ее создания) и формируется общими усилиями бизнеса, правительства и населения. То есть важные для конкурентоспособности предприятия черты работников формируются все больше как функция обеспеченности общественными благами. Это значит, что потребление таких благ не является конкурентным (дополнительный потребитель не ограничивает возможности других воспользоваться этим благом), а ограничение доступа к таким благам – технически невозможным или очень сложным (расходным). Например, предприятие может существенно увеличивать затраты на оплату труда, надеясь, в частности, на улучшение физического здоровья собственного персонала, однако при отсутствии сформированного в обществе института доступа к качественным медицинским услугам и условиям здорового образа жизни такие расходы вряд ли дадут ожидаемую отдачу.

Предприятие может нести значительные затраты на дополнительное образование собственного персонала, однако при отсутствии развитых научных школ, традиций и институтов взаимодействия науки и бизнеса, высоких стандартов качества профессиональной подготовки эти затраты не могут быть эффективно освоены. Следовательно, значимые факторы результативности инвестирования в человеческий капитал, соответственно – эффективности бизнеса, находятся вне влияния инвестирования в индивидуальный человеческий капитал, их влияние оптимизируется лишь в той мере, в какой улучшается общий (одинаковый для всех и создаваемый общеобщественными усилиями) уровень обеспеченности продуктами сферы социальных услуг.

Предпринимателям приходится инвестировать не в работника, а в среду формирования его профессионально значимых качеств, что предполагает качественную трансформацию мотивов инвестирования: сопоставление индивидуальных выгод и затрат замещается пониманием необходимости участия в

формировании общих для общества предпосылок развития, соблюдения принципов социальной солидарности. Такая мотивация поведения предпринимателя не вписывается в видение современной неоклассической традиции, предполагающей несостоятельность рыночных стимулов обеспечивать аккумуляцию ресурсов для создания общественных благ.

Поэтому такое видение мотивации взаимодействия бизнеса и сферы социальных услуг ограничено и не в полной мере адекватно современным тенденциям социально-экономического развития. Это становится основанием для выделения второго этапа развития участия предпринимателей в ресурсном обеспечении сферы социальных услуг: этап инвестирования в среду формирования человеческого капитала, когда инвестирование по мотивам увеличения доходности дополняется инвестированием на основе социальной солидарности. В частности, распространение явления «социального предпринимательства» становится ярким подтверждением невозможности использования максимизации доходов как единой целевой функции деятельности бизнеса, необходимости включения принципов социальной солидарности и сознательного самоограничения эгоистических мотивов в модель хозяйственного поведения.

Второй тип адаптации к глобализации конкуренции – доминирование модели хозяйственного поведения, основанной на экономии стоимости рабочей силы, стремлении уменьшить влияние личностного фактора на параметры производственных процессов, уменьшить зависимость результативности бизнеса от удовлетворенности работников трудовой жизнью. В отличие от первой модели эта предполагает меньшую долю затрат на удовлетворение потребностей наемных работников в составе доходов предприятий. Следовательно, здесь предусмотрено значительно меньшее участие бизнеса в формировании текущего ресурсного обеспечения и определении направленности функционирования социального сектора страны.

В то же время такой тип адаптации предполагает рост нагрузки на систему социальных услуг со стороны тех лиц, которые не платежеспособны. Следовательно, сравнительно более низкие доходы подавляющего большинства работников обуславливают большую численность людей, заинтересованных в получении доступа к продуктам (услугам) социальной сферы, не имея собственных доходов для оплаты таких услуг. Однако модель хозяйственного поведения, доминирующая среди предпринимателей, не предусматривает их активности по ресурсному обеспечению социальной сферы, а значит, существенно ограничивает возможности расширения ее емкости. Соответственно, при такой адаптации экономики к глобальной конкуренции функционирование сферы социальных услуг характеризуется, во-первых, ростом роли государства в удовлетворении потребностей населения в социальных услугах, во-вторых, отрывом функционирования этой сферы от реальных потребностей общества, бюрократизацией процедур доступа к таким услугам, часто даже потерей реального общественного контроля за использованием ресурсов, выделяемых правительством на финансирование сферы социальных услуг.

Помимо вышеперечисленного сектор общегосударственного управления, будучи ведущим источником ресурсов развития социальной сферы, вынужден

увеличивать налоговое давление на действующие предприятия и личные доходы граждан. Это приводит к такой проблеме, которая отображается классическими моделями выбора равенства и эффективности. Расширение финансирования социальной сферы начинает противоречить заданным высоким темпам экономического роста, а решение социальных задач часто достигается ценой значительных экономических потерь. Отсюда происходит практическое изменение механизмов аккумуляции ресурсов, выделенных на развитие социальной сферы: вместо мер, заинтересованных в качественных услугах труда работодателей, ресурсы для развития этой сферы аккумулируют государственные учреждения.

Кроме того, вместо предупредительных мер (ресурсное обеспечение наращивания личностного потенциала как основы способности человека самостоятельно обеспечивать достойный уровень благосостояния себе и своей семье благодаря эффективной занятости) доминировать начинают компенсационные (разные формы материальной помощи, компенсаций, смягчение негативных последствий отлучения человека от ресурсов), необходимые для формирования и развития собственного потенциала и возможностей его реализации).

При этом на сферу социальных услуг действуют два фактора, имеющих разнонаправленный вектор. С одной стороны, государство, пользуясь правом принуждения и имея в качестве ресурсной базы всю национальную экономику, способно обеспечить более стабильные и независимые от циклических колебаний экономической активности поступления на развитие сферы социальных услуг. К тому же предоставление социальных услуг в общенациональных масштабах может позволить существенно снизить расходы на администрирование ресурсов (например, общенациональная система пенсионного или медицинского страхования имеет лучшие возможности снижать удельные расходы на администрирование взносов и выплат, чем частные субъекты хозяйствования).

Однако с другой стороны, опыт постсоветских стран и опыт функционирования государственных институтов социального обеспечения ряда государств свидетельствует о том, что если распоряжение этими ресурсами монополизировано государством, это приводит к снижению эффективности использования ресурсов, выделенных обществом для решения социальных вопросов.

Так, современные экономические исследования доказывают, что экономический рост не обязательно обеспечивает высокое качество жизни населения. Приоритетами развития в значительном количестве стратегических документов (в том числе в стратегиях международных организаций, национальных стратегиях и программах развития многих развитых стран) определено развитие человеческого потенциала, развитие инклюзивного общества и экономики, основанной на знаниях.

Понимание необходимости изменения фокуса планирования (с роста ВВП на повышение качества жизни, обеспечение благосостояния населения, социальную вовлеченность, охрану окружающей среды) определяет усиление роли процесса целеполагания и значимости мониторинговой составляющей в системе стратегического планирования развития. Изучение динамики показателей качества жизни, установленных в качестве целевых ориентиров в стратегических документах, позволяет осуществлять открытый общественный мониторинг состояния

выполнения обязательств политических партий и программных задач правительственных институтов, которые являются одним из главных признаков демократического общества.

Система индикаторов качества жизни в какой-либо стране предлагает ориентиры, по которым власть и граждане имеют возможность оценивать эффективность действий власти в дополнение к сугубо субъективному ощущению. Кроме того, использование набора показателей качества жизни предоставляет возможность анализировать отдельные компоненты качества жизни и проявления неравенства, которые могут нивелироваться при применении более общего набора экономических и социальных показателей, для своевременной корректировки государственной политики в отдельных сферах жизнедеятельности населения.

По данным Программы развития ООН (ПРООН), в мире разработано около 150 индикаторов оценивания благосостояния и эффективности страны в экономической, социальной сферах, причем разработчиками являются как государственные, так и частные учреждения. Кроме этого, существует огромное количество (больше ста) так называемых инициатив, касающихся вопросов использования показателей качества жизни в процессе принятия определенных решений как на национальном, так и на местном уровнях. Это глобальное движение характеризуется общими подходами, что обусловлено процессами глобализации, использованием Интернета, усилением глобального сотрудничества и активизацией деятельности международных организаций.

Однако Индекс человеческого развития (ИЧР, Human Development Index) ПРООН является единственным универсальным показателем качества жизни, который рассчитывается почти для всех стран мира в течение двадцати лет. Эта позиция разделяется практически всеми исследователями, которые специализируются на проблематике качества жизни.

Согласно последнему обзору Доклада о человеческом развитии «Выход из тупика» ПРООН, лидирующие позиции в рейтинге стран по ИЧР занимают Швейцария, Норвегия, Исландия, Гонконг, Дания, Швеция, Германия, Ирландия (таблица 1).

Из государств бывшего СССР в первую группу стран с высоким уровнем человеческого развития входят Литва, Латвия (37 места), Россия (56 место), Казахстан (67 место) и Беларусь (69 место). Другие страны СНГ включены в группу стран со средним уровнем развития.

Самый низкий уровень наблюдается в африканских странах.

Таблица 1

Рейтинг стран по Индексу человеческого развития в 2018–2022 гг.

Ранг в 2018 г.	Страна	Индекс				
		2022 г.	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2018 г.
1	Швейцария	0,967	0,965	0,957	0,960	0,946
2	Норвегия	0,966	0,964	0,963	0,961	0,954
3	Исландия	0,959	0,957	0,955	0,958	0,938
4	Гонконг	0,956	0,959	0,955	0,953	0,939
5	Дания	0,952	0,947	0,946	0,946	0,936
	Швеция	0,952	0,949	0,944	0,947	0,937
7	Германия	0,950	0,948	0,948	0,951	0,939
	Ирландия	0,950	0,946	0,945	0,942	0,942
9	Сингапур	0,949	0,942	0,942	0,945	0,935
10	Австралия	0,946	0,949	0,948	0,941	0,938
	Нидерланды	0,946	0,941	0,938	0,941	0,934
...						
56	Российская Федерация	0,821	0,818	0,826	0,839	0,824

Источник: составлено автором на основе данных [12]

Высокие позиции развитых стран в рейтинге по ИЧР объясняются соответствующими показателями продолжительности жизни населения, продолжительности обучения, а также показателем благосостояния – ВВП на душу населения.

В странах – лидерах рейтинга ожидаемая продолжительность жизни населения превышает 83 года. Средняя продолжительность обучения детей школьного возраста и средняя продолжительность обучения взрослого населения превышает 14,5 лет. Кроме того, население перечисленных стран имеет достойный уровень жизни (таблица 2).

Таблица 2.

Составляющие Индекса человеческого развития в 2022 г.

Страна	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Ожидаемая продолжительность обучения, лет	Средняя продолжительность обучения, лет	ВВП на душу населения, долл. США по ППС
Швейцария	84,3	16,6	13,9	69433
Норвегия	83,4	18,69	13,1	69190
Исландия	82,8	19,1	13,8	54688
Гонконг	84,3	17,8	12,3	62486
Дания	81,9	18,8	13,0	62019
Швеция	83,5	19,0	12,7	56996
Германия	81,0	17,3	14,3	55340
Ирландия	82,7	19,1	11,7	87468
Сингапур	84,1	16,9	11,9	88761
Нидерланды	82,5	18,6	12,6	57278
...				
Российская Федерация	70,1	15,7	12,4	26992

Источник: составлено автором на основе [12]

Российская Федерация существенно отстает от развитых стран мира по производству ВВП на душу населения (в два и более раз), что сдерживает темпы развития социальной инфраструктуры и не позволяет ощутимо улучшить уровень образованности нации и здоровья населения. Главная причина отставания нашей страны по показателю подушевого ВВП – это существующая низкая производительность труда, которая, в свою очередь, связана с высокой степенью износа основных средства, что требует принятия неотложных мер по стимулированию обновления материально-технической базы производства, а также привлечению инвесторов.

ВЫВОДЫ

К трансформации содержания и структуры человеческого капитала приводят современные инновационные процессы и их интенсификация, широкое распространение информационных технологий, наличие высокой интеллектуализация труда. Это все, безусловно, вносит определенные коррективы в процесс формирования, накопления и использования человеческого капитала, способствует изменению характера влияния активов человеческого капитала на экономическое развитие страны.

Согласно теории человеческого капитала, мотивация участия предпринимателя (собственника, работодателя) в инвестировании в социальную сферу основывается на стремлении получить превышение профессионально значимых свойств собственных работников над средним (общественным, нормальным, средним) уровнем. Именно такое отличие индивидуальных качеств работников фирмы от распространенных в отрасли становится залогом конкурентного преимущества и дополнительных доходов

Исключительные качества рабочей силы как в отношении отдельной фирмы, так и в национальной экономике в целом, становятся единственным источником конкурентного преимущества, который не поддается быстрому копированию и подражанию конкурентами и обеспечивает дополнительные доходы в течение длительного периода времени. Это говорит о наличии прямой связи между приближенностью реальных процессов в экономике к вышеизложенным моделям адаптации бизнеса и уровнем социально-экономического развития страны.

Участие государства в ресурсном обеспечении социальной сферы не обязательно позволяет привлекать большую долю общественных ресурсов для решения социальных задач. Оценка меры социализации экономики по параметрам функционирования сферы социальных услуг предполагает идентификацию по значениям и соотношениям фактических показателей тех альтернатив и этапов, которые определяют место национальной модели обеспечения социальными услугами в процессах социализации экономики.

Пандемия COVID–19, изменение климата и глобальный всплеск популизма и военных конфликтов – все это также способствовало изменению траектории человеческого развития и еще раз доказало, что в условиях усиления процессов глобализации развитие инновационно-инвестиционной модели экономики страны

зависит от уровня человеческого капитала и инвестиций в него. При этом развитие человеческого капитала определяется рядом факторов, на которые непосредственное влияние оказывают как носитель человеческого капитала, то есть человек, бизнес–структуры как источник финансирования сферы социальных услуг, так и государство через развитие программы социально-экономического развития.

Список литературы

1. Андрианова А. В. Формирование и динамика капитала здоровья нации: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. [Электронный ресурс]. URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01002948185.pdf.
2. Биглова Г. Ф., Бикметов Л. Ю., Герасимова Л. А. и др. Социализация экономики как фактор социального развития региона: монография / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф., акад. АН РБ Ф. С. Файзуллина. Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2019. 298 с.
3. Биглова Г. Ф., Житкевич Г. Я. Социализация и инновационность экономики: качественная взаимосвязь // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. 2019. № 7. С. 80–85.
4. Бодрунов С. Д. Социализация экономики: приоритеты современного развития России // Экономическое возрождение России. 2022. № 4 (74). С. 5–8.
5. Быченко Ю. Г., Логинова Л. В. Социализация экономики в России: проблемы и перспективы // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2009. Т. 1. № 1 (37). С. 262–272.
6. Кобзистая Ю. Г. Человеческий капитал: понятие и особенности // Фундаментальные исследования. 2018. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42085>.
7. Корицкий А. В. Влияние человеческого капитала на экономический рост: учеб. пособие; Новосиб. гос. архитектур.-строит. ун-т (Сибстрин). Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2013. 244 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sibstrin.ru/files/Semenikhina>.
8. Пуланова Т. И. Перспективы социализации экономики России // Управление социально-экономическими системами. 2019. № 2. С. 4–8.
9. Романовская Е. В., Колосова Ю. В. Значение социального и человеческого капитала. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.be5.biz/ekonomika1/r2010/01732.htm>.
10. Сергеев С. М. Социализация экономики: основные показатели и критерии в рамках программно-целевого подхода // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2022. № 4 (72). С. 6–13.
11. Тугускина Г. Н. Человеческий капитал регионов как основа формирования национального человеческого капитала // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2024. Т. 34. № 2. С. 271–277.
12. Human Development Reports / United Nations Development Programme [Электронный ресурс]. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2023-24>.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

УДК 338.2:004.9

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ИТ–ИНДУСТРИИ

Горда А. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: alx7777@mail.ru

В статье исследованы современные тенденции развития мировой ИТ–индустрии в условиях глобализации и цифровой трансформации бизнеса. Отмечается, что ИТ–индустрия стала основным драйвером экономического роста, а понимание тенденций ее развития необходимо для поддержания конкурентоспособности бизнеса. Особое внимание уделено оценке влияния новых технологий на рынок труда и необходимости интеграции новых инструментов в бизнес–процессы для снижения затрат, повышения эффективности и персонализации услуг. Проанализированы перспективы развития ИТ–сектора в условиях пандемии COVID–19, ускорившей цифровизацию, переход к дистанционной работе и развитие электронной коммерции, онлайн–образования и телемедицины. Определено, что растущая конкуренция вынуждает компании инвестировать в инновационные решения и стратегически планировать интеграцию новых технологий для сохранения конкурентоспособности, делая ИТ–индустрию не только важным экономическим сектором, но и ключевым фактором социальных и экономических преобразований.

Ключевые слова: ИТ–индустрия, цифровая трансформация, искусственный интеллект, блокчейн, Интернет вещей, облачные вычисления, технологические тенденции, глобализация.

ВВЕДЕНИЕ

Современные тенденции развития ИТ–индустрии напрямую связаны с необходимостью адаптации предприятий к изменяющимся условиям цифровой среды. Технологические инновации, такие как искусственный интеллект и блокчейн, становятся критическими факторами для обеспечения конкурентоспособности и эффективности бизнеса. Поэтому особенно актуальными становятся исследования влияния этих технологий на различные аспекты деятельности предприятий и разработка стратегий их интеграции в практику функционирования субъектов предпринимательской деятельности.

Последние исследования в области ИТ отмечают существенное влияние технологических инноваций на все сферы экономики. Например, развитие искусственного интеллекта и автоматизации бизнес–процессов открывает новые возможности для роста производительности труда и развития креативных индустрий. Также отмечаются тенденции интеграции Интернета вещей и блокчейна в разные сферы жизнедеятельности, что способствует созданию более прозрачных и эффективных бизнес–моделей. Это, в частности, подтверждается работами таких исследователей, как М. И. Бекбузарова [1], А. А. Валитов [2], П. П. Киреев, И. О. Малыгина [3], К. С. Кудрявцев [4], М. М. Кузнецов, М. Г. Никитина [5], М. В. Логвиненко [6], С. М. Мадаев, Р. Ю. Исраилов [7], С. А. Сеница [8], К. Г. Степанищева [9], М. А. Студяникова [10] и др. В своих работах они подробно исследовали различные аспекты развития ИТ–сектора в России и в мире, включая влияние цифровизации на экономическое развитие и перспективы развития технологий в условиях глобальных трансформаций.

Несмотря на значительный прогресс в технологиях, в ИТ-индустрии все еще существуют нерешенные проблемы, в частности, связанные с адаптацией и интеграцией новых технологий в бизнес-среду. Одной из главных проблем является обеспечение безопасности данных в новых цифровых системах, что особенно важно для глобальных бизнес-процессов. Отсутствие единого регулирования и стандартизации в отрасли также затрудняет широкое внедрение новых технологий на международном уровне. Кроме того, есть потребность в прогнозировании будущего развития ИТ-индустрии в мире. Одним из методов, широко применяемых для определения направления изменений на рынке, является линейная аппроксимация, позволяющая найти математическое уравнение, описывающее изменение объема рынка со временем. В этом контексте важна потребность в развитии навыков и подготовке кадров, способных адаптироваться к быстрым изменениям и эффективно использовать новейшие технологии для решения сложных экономических задач. Навыки работы с такими инструментами, как линейная аппроксимация и анализ трендов, необходимы для прогнозирования и оценки потенциала рынка ИТ-технологий, что позволяет принимать обоснованные решения в условиях быстро меняющейся рыночной среды.

Целью статьи является определение основных тенденций развития мировой ИТ-индустрии и выделение ключевых технологий, влияющих на развитие данного сектора, а также анализ перспектив развития субъектов международного бизнеса в глобальной цифровой среде.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Информационные технологии (ИТ) включают использование компьютеров, хранение данных, сети и инфраструктуру для создания, обработки, защиты и обмена электронными данными. Основные категории ИТ включают ИТ-услуги, компьютерное оборудование, телекоммуникации и программное обеспечение. Компьютерное оборудование включает в себя физические компоненты, необходимые для работы компьютерной системы, включая элементы в ПК или ноутбуках. ИТ-услуги ориентированы на предприятия различных секторов, таких как финансовые услуги, розничная торговля, производство, здравоохранение и другие.

Размер мирового рынка информационных технологий заметно вырос в последние годы. Рост данного рынка дополнительно стимулируется увеличением внедрения устройств Интернета вещей (IoT). Интернет вещей – это сеть физических объектов, оснащенных датчиками, программным обеспечением и возможностью подключения, что позволяет собирать и обмениваться данными через Интернет. Информационные технологии играют важную роль в успешном внедрении, управлении и использовании устройств IoT, предоставляя необходимую инфраструктуру, подключение, безопасность и возможности для аналитики.

По данным GSM Association, в январе 2022 года ожидался значительный рост глобальных подключений IoT, которые достигнут 23,3 млрд в текущем 2025 году по сравнению с 15,1 млрд подключений в 2021 году. Этот значимый рост внедрения устройств IoT является главным драйвером для роста рынка ИТ [11].

Пандемия COVID–19 стала серьезным препятствием для развития рынка информационных технологий в 2020 году. Правительственные меры по сдерживанию передачи вируса привели к уменьшению экономической активности и широкомасштабным локдаунам. Проблемы были обусловлены в основном перебоями в цепях поставок из-за торговых ограничений, а также трудностями, с которыми сталкивались люди, работавшие дистанционно из-за глобальных локдаунов. Эти ограничения заставили бизнес адаптироваться к моделям работы из дома, что вызвало трудности, связанные с инфраструктурой и коммуникацией. В течение 2020 г. и до конца 2021 г. пандемия оказала негативное влияние на бизнес по всему миру. Однако мировой рынок ИТ достаточно быстро восстановился после этого спада. Несмотря на существующие трудности, прогнозируется, что дальнейшее восстановление рынка произойдет в краткосрочной перспективе, при этом произошедший в период пандемии спад не является признаком серьезных или фундаментальных проблем функционирования данного рынка [12].

В современном мире цифровые технологии играют ключевую роль в трансформации бизнеса, экономики и общества в целом. Инновации, внедряемые в различных областях деятельности, позволяют не только значительно улучшить эффективность, но и создают новые возможности для развития и глобальной интеграции. Такие технологии, как блокчейн, 3D–печать, Интернет вещей (IoT), сети 5G, облачные вычисления, робототехника и искусственный интеллект, быстро меняют ландшафт различных индустрий, создавая новые модели ведения бизнеса и коммуникаций. Эти технологии обладают потенциалом кардинально изменить не только бизнес–процессы, но и социальную структуру, экономическую стабильность и условия международной конкуренции. Однако для их успешного внедрения важно учитывать не только технологические, но и экономические, культурные и политические аспекты (табл. 1).

В целом, мировой рынок ИТ растет быстрыми темпами благодаря развитию технологий, инноваций и увеличению потребности в цифровых услугах для поддержки и развития бизнеса в различных секторах. К основным компаниям, работающим на рынке информационных технологий, относятся: Apple Inc.; Microsoft Corporation; Verizon Communications Inc.; China Mobile Limited; AT&T Inc.; Huawei Technologies Co. Ltd.; Deutsche Telekom AG; Dell Technologies Inc.; Samsung Electronics Co. Ltd.; Comcast Corporation; International Business Machines Corporation (IBM); Ericsson AB; Intel Corporation; Oracle Corporation и др.

Ведущие компании на мировом рынке информационных технологий сосредотачивают своё внимание на внедрении инновационных языковых моделей следующего поколения как основы стратегии стимулирования доходов. Эти языковые модели, являющиеся типом технологии искусственного интеллекта, направлены на совершенствование обработки и понимания естественного языка. Важным примером является запуск Google новой речевой модели в мае 2023 года [12]. Эта модель предназначена для совершенствования предыдущих достижений в больших языковых моделях, включая улучшение смешивания наборов данных, архитектуры моделей и их целей, а также оптимальное масштабирование с использованием вычислительных ресурсов. Это нововведение подчеркивает

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ИТ-ИНДУСТРИИ

постоянные усилия по расширению возможностей обработки языковых данных в сфере информационных технологий.

Таблица 1

Тенденции развития цифровых технологий

Технология	Перспективы развития	Лидеры внедрения
Блокчейн	После начального этапа роста (2018–2021 гг.) прогнозируется значительное увеличение инвестиций в технологии блокчейн, создание новых моделей, что приведет к увеличению его стоимости до 3 трлн долларов США к 2026 году.	США, Китай
Трехмерная печать	Развитие 3D-печати может радикально изменить производственные процессы, заменив готовые продукты дизайнами. Развивающиеся страны будут вынуждены адаптироваться к новым методам производства.	США, Китай, Япония, Германия, Великобритания
Интернет вещей (IoT)	В 2018 году количество устройств, подключенных к Интернету (8,6 млрд), превысило количество людей (5,7 млрд). Прогнозируется, что к концу 2025 года количество подключений IoT достигнет более 22 млрд, увеличиваясь на 17 % ежегодно.	США, Китай, Япония, Германия, Республика Корея, Франция, Великобритания
Сети 5G	Сети 5G способны обрабатывать данные в 1000 раз быстрее существующих систем. Тестирование 5G проводится с 2019 года и ожидается, что широкомасштабное внедрение начнется в 2025 году.	США, Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион
Облачные вычисления	Облачные технологии меняют традиционные бизнес-модели, уменьшая потребность в собственных ИТ-ресурсах, обеспечивая масштабируемость и эффективность управления программами и сервисами.	Северная Америка, Азиатско-Тихоокеанский регион, Западная Европа
Автоматизация и робототехника	Глобальный рынок промышленных роботов удвоился с 2013 по 2017 год и этот тренд сохранится в будущем. Прогнозируется увеличение продаж роботов с 381300 единиц в 2017 году до 630000 единиц в 2025 году.	Китай, Япония, Республика Корея, США, Германия
Искусственный интеллект (ИИ) и анализ данных	Технологии ИИ могут способствовать значительному росту мировой экономики. Ожидается, что в период до 2030 года технологии искусственного интеллекта ежегодно в среднем способны увеличивать мировой ВВП на 1,2 %.	Китай, США, Япония

Составлено автором на основе [12, 13, 14]

Блокчейн – технология, получившая популярность благодаря криптовалютам, имеющая потенциал для значительного развития в ближайшие годы. Прогнозируется, что блокчейн станет основой для новых бизнес-моделей, позволяющих эффективно осуществлять финансовые операции, снижая затраты и повышая уровень безопасности. Ожидается значительное увеличение инвестиций в блокчейн, что может привести к росту его стоимости до 3 трлн долларов США к 2026

году [14]. США и Китай являются основными лидерами в этом направлении, поскольку обладают наибольшим инвестиционным потенциалом и технологической базой для развития этой технологии.

Трехмерная печать (3D-печать) изменяет традиционные производственные процессы, позволяя создавать продукты непосредственно из цифровых моделей. Это может значительно сократить затраты на производство и транспортировку готовой продукции. 3D-печать также может стимулировать международную торговлю, если упор будет делаться на дизайнах, а не на физических товарах. Развивающиеся страны будут вынуждены адаптировать свои производственные процессы к новым условиям. Лидерами в данном направлении выступают США, Китай, Япония, Германия и Великобритания.

Интернет вещей (IoT) охватывает сеть подключенных к Интернету и обменивающихся данными устройств. Уже в 2018 году количество таких устройств превысило количество людей на планете. В 2024 году количество подключенных устройств к IoT превысило 22 млрд, что предоставляет новые возможности для автоматизации бизнес-процессов и улучшения взаимодействия между различными системами. США, Китай, Япония, Германия и Республика Корея являются основными игроками мирового рынка IoT [14].

Сети 5G способны значительно повысить скорость передачи данных в мобильных сетях, что открывает новые возможности для развития мобильных технологий, автономных транспортных средств и интеллектуальных сетей. Первые тесты 5G прошли в 2019 году, а масштабное внедрение сети ожидается в 2025 году. США, Европа и Азиатско-Тихоокеанский регион являются лидерами по внедрению этой технологии.

Облачные вычисления позволяют компаниям хранить и обрабатывать большие объемы данных без необходимости поддержки собственных серверов и инфраструктуры. Это делает бизнес-процессы более гибкими и доступными. Облачные технологии также снижают затраты на ИТ-ресурсы и позволяют масштабировать бизнес. Северная Америка, Азиатско-Тихоокеанский регион и Западная Европа являются крупнейшими центрами развития облачных технологий.

Автоматизация и робототехника оказывают большое влияние на индустриальный сектор, в частности, на производство. За последние несколько лет наблюдается рост продаж промышленных роботов, что является следствием необходимости повышения эффективности производства и уменьшения доли человеческого труда. Прогнозируется, что рынок роботов будет увеличиваться и дальше, а крупнейшими лидерами мирового рынка робототехники являются Китай, Япония, Республика Корея, США и Германия.

Искусственный интеллект и анализ данных – это технологии, которые могут значительно увеличить эффективность бизнес-процессов, автоматизируя анализ больших объемов данных и улучшая принятие решений. Согласно прогнозам, ИИ может добавить в мировую экономику до 13 триллионов долларов к 2030 году, что положительно повлияет на ежегодный рост ВВП на 1,2 %. Лидерами в разработке технологий ИИ являются Китай, США и Япония [14].

Цифровые технологии могут стать основой для развития новых бизнес-моделей и трансформации мировой экономики. Инвестиции в эти технологии растут, и страны, активно их внедряющие, смогут получить конкурентные преимущества в глобальном масштабе. Однако для достижения максимальных результатов необходимо обеспечить надлежащие условия для развития соответствующей инфраструктуры и образования, что позволит странам оперативно и эффективно адаптироваться к быстро меняющейся технологической среде. Учитывая лидерство США, Китая и других ведущих государств, наша страна также должна активно интегрировать эти технологии для повышения своей конкурентоспособности на международных рынках.

Глобальный инновационный индекс (Global Innovation Index, GII) является важным инструментом оценки способностей стран к развитию инноваций и их потенциала в различных сферах экономики и технологий. Он учитывает различные факторы, такие как инфраструктура, человеческий капитал, исследования и разработки, финансирование инноваций и эффективность инновационных процессов на уровне предприятий и правительств. Рейтинг стран по GII полезен для анализа сильных и слабых сторон инновационной деятельности, что позволяет оценить, какие страны наиболее эффективно используют инновации для улучшения своего экономического развития. Рейтинг стран по GII за 2024 г. показывает интересные тенденции и сравнения между развитыми и развивающимися странами, в частности, относительно их позиций в глобальной экономике (рис. 1).

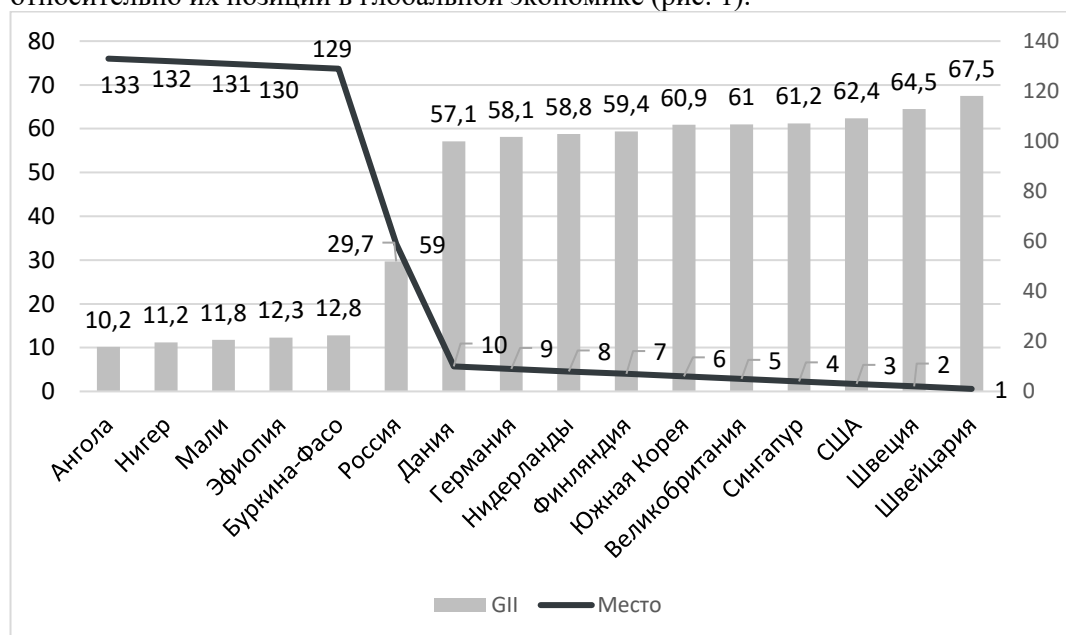

Рисунок 1. Рейтинг отдельных стран мира в соответствии с Global Innovation Index в 2024 г.

Составлено автором на основе [15]

Рейтинг Global Innovation Index в 2024 году представлен различными странами, занимающими в нем места в зависимости от их инновационного потенциала. Страны, занимающие самые высокие позиции, обладают развитой инновационной инфраструктурой, высоким уровнем научных исследований и технических разработок, а также поддержкой инноваций со стороны правительств и частного сектора. Швейцария, занявшая первое место, является примером страны с чрезвычайно высоким уровнем инвестиций в исследования и разработки, а также сильной инновационной экосистемой. Ее лидерство в индексе GI обусловлено значительными достижениями в науке, высокими технологиями и эффективной экономической политикой.

На втором месте идет Швеция, которая также известна своей сильной инновационной политикой, высоким уровнем инвестиций в науку и технологии и благоприятными условиями для развития стартапов и инновационно-ориентированных предприятий. США и Сингапур занимают третью и четвертую позиции соответственно и продолжают быть важными центрами для развития инноваций во многих отраслях. Они демонстрируют высокую эффективность в использовании новейших технологий и поддержке научных исследований.

Страны с более низким уровнем инноваций, такие как Ангола, Нигер и Мали, занимают последние места в рейтинге. Это объясняется низким уровнем инвестиций в исследования, слабой инфраструктурой и ограниченными возможностями развития научных и технологических исследований. Эти страны сталкиваются с проблемами нестабильности своих экономических систем, отсутствием доступа к высоким технологиям и недостаточной поддержкой развития инноваций правительствами.

Российская Федерация занимает 59-ю позицию, свидетельствующую, с одной стороны, об определенных достижениях в инновационном развитии, но, с другой стороны, и о наличии существенных проблем. Несмотря на прогресс в сфере ИТ и реализации стартапов, наша страна сталкивается с трудностями из-за экономической нестабильности, санкционного давления, а также ограниченной поддержки инноваций со стороны бизнес-сообщества. Россия, пытаясь улучшить свою позицию в рейтинге, должна сосредоточить усилия на стимулировании инновационного потенциала в таких сферах, как ИТ, стартапы и технологические исследования. Рост инвестиций в эти направления поможет нашей стране улучшить свою инновационную позицию в будущем.

Рейтинг Global Innovation Index в 2024 году показывает, что страны с высоким уровнем экономического развития, такие как Швейцария, Швеция, США, Сингапур и Великобритания, занимают и лидирующие позиции в инновационном развитии. Это подтверждает значимость инвестиций в научные исследования, технологические инновации и эффективного управления инновационными процессами для поддержания высоких темпов экономического роста. Для стран с более низким рейтингом, таких как Ангола, Нигер, Мали, Эфиопия, Буркина-Фасо, основными проблемами является практически отсутствие инвестиций в научно-технический прогресс и слабая инфраструктура, что ограничивает их потенциал для развития инноваций. Для таких стран важно создание благоприятных условий для развития инноваций, привлечения инвестиций и улучшения образования в сфере технологий.

Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index, IDI) является одним из основных инструментов оценки уровня развития информационных технологий и телекоммуникаций в странах мира. Этот индекс учитывает ряд показателей, таких как доступность и качество Интернета, уровень цифровой инфраструктуры, использования мобильных технологий и цифровой грамотности населения. Позиция страны в рейтинге IDI позволяет оценить ее способность к внедрению и развитию технологий, которые могут служить основой ее экономического роста и инновационного развития (рис. 2).

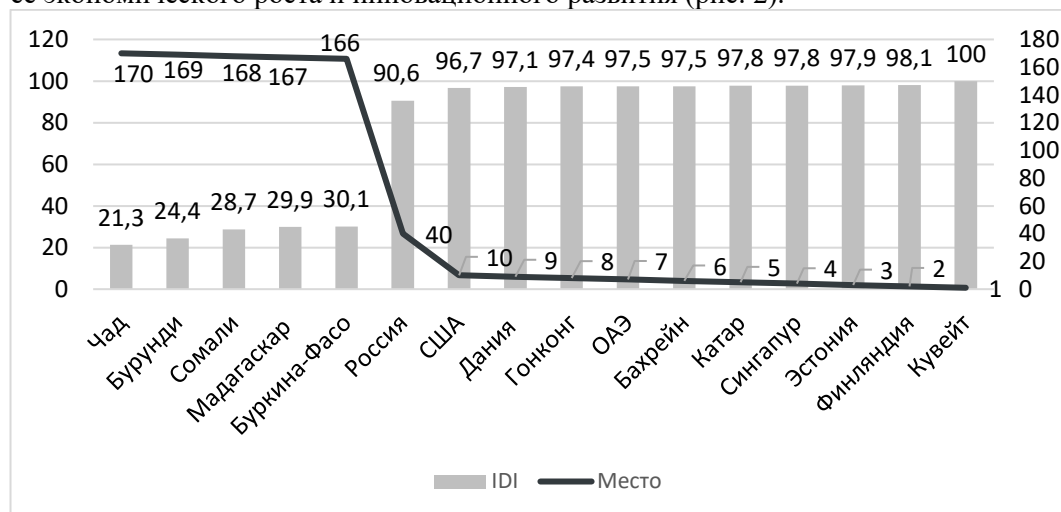

Рисунок 2. Рейтинг стран мира в соответствии с ICT Development Index в 2024 г. Составлено автором на основе [16]

Рейтинг стран по ICT Development Index 2024 г. показывает значительные различия в уровне развития информационных технологий между странами с разным уровнем экономического развития. Лидеры рейтинга – Кувейт, Финляндия, Эстония, Сингапур и Катар – демонстрируют высокий уровень цифровизации, эффективно используют современные информационно-коммуникационные технологии для улучшения качества жизни граждан и обеспечения роста экономической эффективности производственной сферы и сферы услуг.

Кувейт с высоким индексом (100) занимает первое место, отражающее наличие эффективной инфраструктуры для развития информационных технологий, высокий уровень доступа к цифровым услугам и технологическую инновационность. Финляндия (98,1) и Эстония (97,9) также являются лидерами цифровых технологий. Эти страны инвестируют значительные средства в развитие цифровой инфраструктуры и поддержку инноваций, что позволяет обеспечивать высокий уровень доступа к современным ИТ-ресурсам и услугам. Эстония известна своей цифровой трансформацией и является примером для других стран, демонстрируя успешную реализацию цифровых услуг на государственном уровне, таких как электронное голосование и цифровые подписи.

На противоположном конце рейтинга находятся страны с низким уровнем развития ИТ-инфраструктуры, такие как Чад (21,3), Бурунди (24,4) и Сомали (28,4). Они сталкиваются с большими трудностями в доступе к современным ИТ-технологиям из-за низкого уровня инвестиций в цифровую инфраструктуру, ограниченного доступа в интернет и отсутствия квалифицированных кадров для поддержки технологических инициатив.

Российская Федерация с индексом 90,6 (40 место) находится значительно выше середины рейтинга, что свидетельствует о значительном прогрессе в цифровизации, однако наша страна все еще имеет большой потенциал для улучшения доступа к информационно-коммуникационным технологиям и развитию цифровой экономики.

Рейтинг ICT Development Index 2024 четко демонстрирует глобальные диспропорции среди стран мира в уровне развития информационно-коммуникационных технологий. Лидеры рейтинга, такие как Кувейт, Финляндия, Эстония, Сингапур и Катар, показывают высокий уровень цифровой трансформации, что позволяет эффективно использовать ИТ-технологии и ИТ-инфраструктуру для повышения экономической производительности и роста социального благосостояния. Это делает их привлекательными для инвесторов и обеспечивает высокий уровень развития инновационных секторов. В то же время страны с низким уровнем ИТ-развития, такие как Чад, Бурунди и Сомали, имеют ограниченные возможности для улучшения своей инфраструктуры и обеспечения доступа к новейшим технологиям, что может привести к еще большей экономической отсталости. Россия хотя и находится на 40 месте, имеет потенциал для дальнейшего развития цифровых технологий, что может стать одним из основных факторов для модернизации экономики и повышения ее конкурентоспособности на международной арене.

Мировой рынок ИТ-технологий является важной составляющей глобальной экономики, определяющей направления развития других секторов, таких как производство, услуги, торговля и социальные инфраструктуры. В последние десятилетия этот рынок демонстрирует устойчивый рост, обусловленный широким внедрением новейших технологий, повышением спроса на цифровые решения и инновации. Динамика объема мирового рынка ИТ-технологий в период с 2013 по 2023 гг. свидетельствует о постоянном расширении и развитии этого сектора (рис. 3).

В течение анализируемого десятилетия наблюдался не только рост общего объема рынка, но и значительные изменения в его структуре, связанные с развитием новых технологий, таких как облачные вычисления, искусственный интеллект и Интернет вещей (IoT). За период с 2013 по 2023 год объем мирового рынка ИТ-технологий вырос на 484,3 млрд долларов США, что является свидетельством устойчивого развития этого сектора.

В 2013–2015 гг. объем рынка увеличивался несколько меньшими темпами: с 756,7 млрд долларов США в 2013 году до 810,1 млрд долларов США в 2015 году. Это свидетельствует об устойчивом росте, хотя и менее динамичном, чем в последующие годы.

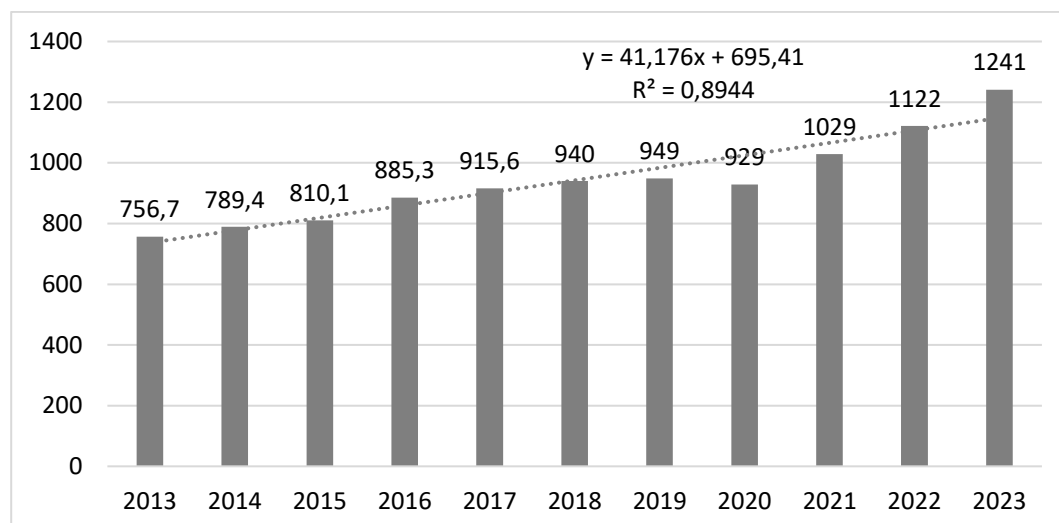

Рисунок 3. Динамика объёмов мирового рынка ИТ-технологий, млрд долл. США
Составлено автором на основе [17]

В 2016–2017 гг. отмечался более быстрый рост, рынок ИТ-технологий вырос с 885,3 млрд долларов США в 2016 году до 915,6 млрд долларов США в 2017 году. Это было связано с активизацией внедрения новых технологий и цифровых инноваций в различные отрасли, а также с ростом спроса на персональные компьютеры и мобильные устройства. В 2018–2019 гг. после устойчивого роста рынок достиг 949 млрд долларов США. Это увеличение было обусловлено прогрессом в облачных вычислениях, Интернете вещей и развитием инфраструктуры для передачи данных.

В 2020 году пандемия COVID-19 вызвала временное снижение объёмов рынка с 949 до 929 млрд долларов США, поскольку многие компании отложили инвестиции в технологии из-за экономической неопределённости. В 2021–2023 гг., после пандемии, рынок ИТ-технологий восстановился и вырос до 1241 млрд долларов США в 2023 году, что является самым высоким показателем за весь исследуемый период. Этот резкий рост можно объяснить восстановлением мировой экономики, быстрым внедрением технологий для работы в условиях новой реальности, в частности, в сфере удалённой работы, а также ростом спроса на технологии автоматизации и цифровых инноваций.

Общая динамика мирового рынка ИТ-технологий за 2013–2023 годы демонстрирует стабильный рост, являющийся результатом как технологического прогресса, так и растущего спроса на инновационные решения в разных сферах. Наибольший рост наблюдается после 2020 г., когда рынок восстановился после пандемии, а потребность в цифровых технологиях для поддержания новых форм труда и коммуникаций возросла. Безусловно, спрос на ИТ-технологии продолжит расти, в том числе в таких сферах, как искусственный интеллект, облачные сервисы, Интернет вещей и кибербезопасность. Период с 2021 по 2023 гг. стал свидетельством стабильного и быстрого восстановления и расширения мирового рынка ИТ-

технологий, что подчеркивает важность цифровых технологий для будущего развития глобальной экономики.

Анализ трендов развития мирового рынка ИТ-технологий является важным инструментом прогнозирования будущего развития этой отрасли и оценки ее влияния на глобальную экономику. Одним из методов, широко применяемых для определения направления изменений на рынке, является линейная аппроксимация, позволяющая найти математическое уравнение, описывающее изменение объема рынка со временем. В данном случае используем линейный тренд объема мирового рынка ИТ-технологий, заданный уравнением:

$$y = 41,176x + 695,41 \quad (1),$$

где Y – объем рынка в миллиардах долларов США; x – год.

Для прогнозирования объемов рынка на следующие три года применим это уравнение к конкретным значениям x :

1. Для первого запланированного года ($x=12$):
 $Y_1 = 41,176 \cdot 12 + 695,41 = 1189,5$ млрд дол. США.
2. Для второго запланированного года ($x=13$):
 $Y_2 = 41,176 \cdot 13 + 695,41 = 1230,7$ млрд дол. США.
3. Для третьего запланированного года ($x=14$):
 $Y_3 = 41,176 \cdot 14 + 695,41 = 1271,9$ млрд дол. США.

Проведенные расчеты дают представление о будущем развитии мирового рынка ИТ-технологий. Кроме того, для оценки точности линейной аппроксимации важен коэффициент детерминации R^2 . В данном случае $R^2=0,8944$, что указывает на высокую точность аппроксимации – около 89,44 % вариации значений объема рынка можно объяснить линейным трендом, а величина коэффициента детерминации свидетельствует о высокой точности построения линейной модели для прогнозирования.

Согласно полученным результатам, объем мирового рынка ИТ-технологий имеет тенденцию к устойчивому росту, причем этот тренд демонстрирует значительное повышение в последующие годы. Прогнозируемые значения объема рынка на ближайшие годы подтверждают устойчивый тренд его роста. Таким образом, на основе линейной аппроксимации можно ожидать дальнейшего устойчивого роста мирового рынка ИТ-технологий в ближайшие годы, что подтверждает положительные перспективы развития этого сектора.

В то же время, одной из самых больших проблем для мировой ИТ-индустрии являются растущие угрозы кибербезопасности. Хакерские атаки, кража персональных данных и злоупотребление новейшими технологиями, такими как блокчейн, создают серьезные вызовы для многих компаний. Многие организации вынуждены тратить значительные ресурсы на усиление мер безопасности своих информационных систем, чтобы предотвратить кибер-инциденты, которые могут привести к большим финансовым и репутационным потерям.

Другой значимой проблемой является нестабильность глобальных цепей поставок. Пандемия COVID-19, торговые войны и геополитическое напряжение проявили уязвимость мировых цепей поставок для технологических компаний. Перебои в снабжении комплектующими, в частности чипов, приводят к задержкам в

производстве и реализации проектов, что негативно влияет на общее развитие индустрии.

Этические и регуляторные вопросы также важны для развития мировой ИТ-индустрии. С прогрессом в таких технологиях, как искусственный интеллект и большие данные, растет потребность в разработке четких этических норм и законодательных стандартов, позволяющих минимизировать риски и максимизировать пользу этих технологий для общества. Многие страны сталкиваются с трудностями в формировании эффективных регулирующих механизмов использования новейших технологий, что создает дополнительные сложности для их внедрения.

Неравенство доступа к новейшим технологиям также остается одной из самых больших проблем в глобальном контексте. Развивающиеся страны часто сталкиваются с ограниченным доступом к современным технологическим инновациям, что приводит к увеличению социально-экономического неравенства. В то время как развитые страны получают доступ к передовым ИТ-решениям, многие другие не могут оперативно воспользоваться их преимуществами в полной мере.

Одной из наиболее перспективных сфер развития является искусственный интеллект и машинное обучение. Эти технологии обладают огромным потенциалом для трансформации многочисленных отраслей, таких как медицина, финансы, транспорт и даже культура. Ожидается, что искусственный интеллект станет основой многих новых инноваций, таких как автономные транспортные средства и персонализированные медицинские решения, что значительно повысит эффективность и качество жизни.

Интернет вещей (IoT) способен стать важным драйвером экономического роста, поскольку позволит подключить миллиарды устройств к глобальной сети, собирать большие объемы данных и использовать их для автоматизации производства, совершенствования городской инфраструктуры и эффективного управления ресурсами. Это откроет новые возможности для бизнеса и повысит эффективность различных сфер деятельности.

Технологии 5G и последующие поколения мобильной связи имеют большой потенциал для развития мировой ИТ-индустрии. Внедрение 5G сулит значительное повышение скорости и пропускной способности мобильного интернета, что позволит создавать новые бизнес-модели, а также совершенствовать существующие. В частности, 5G будет способствовать развитию таких инноваций как автономные автомобили, удалённая медицина и новые формы виртуальной и дополненной реальности.

Криптовалюты и технологии блокчейн также имеют огромный потенциал для развития. Несмотря на некоторые трудности и неопределенности, блокчейн продолжает трансформировать финансовую отрасль, создавая новые возможности для безопасного обмена информацией и хранения данных. Его применение может быть расширено в разных секторах, в частности в здравоохранении, логистике и других отраслях, требующих высокой безопасности.

В условиях растущего экологического сознания и необходимости уменьшения углеродных выбросов ИТ-индустрия также делает акцент на разработку «зеленых»

технологий. Это включает в себя использование энергоэффективных решений, экологически более чистых процессов производства и программные решения, направленные на уменьшение негативного влияния на окружающую среду. Ожидается, что подобные технологии станут важным направлением развития на следующие десятилетия.

ВЫВОДЫ

Современные тенденции развития мировой ИТ-индустрии являются ярким свидетельством стремительных и кардинальных изменений, происходящих под влиянием новейших технологических достижений. Эти изменения не только преобразуют устоявшиеся бизнес-процессы, но и оказывают глубокое влияние на глобальную экономику в целом, формируя новые модели взаимодействия и создавая беспрецедентные возможности. Индустрия ИТ сегодня – это динамичная и постоянно развивающаяся среда, где инновации становятся ключевым фактором конкурентоспособности и устойчивого роста.

Технологии, такие как блокчейн, Интернет вещей (IoT), 3D-печать, сети 5G, облачные вычисления, искусственный интеллект (ИИ) и робототехника, выступают в роли катализаторов этих изменений, создавая платформу для развития и глобальной интеграции. Инвестиции в эти передовые технологии неуклонно растут, отражая их огромный потенциал и важность для будущего экономического роста. Страны, активно внедряющие и поддерживающие развитие этих технологий, получают значительные конкурентные преимущества, укрепляя свои позиции на мировом рынке.

Отдельные ИТ-технологии, в частности, блокчейн и искусственный интеллект, обладают потенциалом существенно изменить структуру мировой экономики. Блокчейн может повысить прозрачность и эффективность финансовых транзакций, оптимизировать цепочки поставок и упростить процессы управления данными. ИИ, в свою очередь, способен повысить производительность в различных секторах экономики, автоматизируя рутинные задачи и обеспечивая новые возможности для ведения бизнеса: от разработки новых продуктов и услуг до оптимизации маркетинговых стратегий и улучшения обслуживания клиентов. Однако для достижения максимального эффекта от внедрения этих технологий необходимо учитывать не только их технические возможности, но и социальные, культурные, экономические и политические аспекты их использования.

Внедрение новых ИТ-технологий должно сопровождаться изменениями в образовании и подготовке кадров, чтобы обеспечить наличие квалифицированных специалистов, способных эффективно использовать эти технологии. Необходимо также учитывать социальные последствия автоматизации и роботизации, чтобы минимизировать негативное влияние на занятость и обеспечить социальную справедливость. Кроме того, важно учитывать культурные особенности различных регионов и стран, чтобы адаптировать технологии к местным условиям и потребностям. Необходимо учитывать и политические факторы, такие как

регулирование интернета, защита данных и кибербезопасность, чтобы создать благоприятную и безопасную среду для развития ИТ-индустрии.

Россия активно интегрирует инновационные ИТ-технологии, что является важным шагом в повышении конкурентоспособности страны на международном рынке. Реализация национальных программ, направленных на развитие цифровой экономики, способствует созданию благоприятных условий для развития ИТ-компаний, привлечению инвестиций и подготовке кадров. Активное внедрение цифровых технологий в различных секторах экономики: от промышленности до здравоохранения, позволяет повысить эффективность работы предприятий, улучшить качество услуг и создать новые возможности для экономического роста. Однако для достижения долгосрочного успеха необходимо продолжать инвестировать в образование и науку, создавать благоприятные условия для реализации инноваций, развития технологического предпринимательства и обеспечения технологического суверенитета.

Список литературы

1. Бекбузарова М. И. Цифровая экономика как инструмент современных ИТ-решений в экономике и бизнесе // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 3. № 5 (125). С. 123–131. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2022.05.03.017. EDN KUJMVU.
2. Валитов А. А. Сравнительный анализ факторов, влияющих на инновационную активность в мировой ИТ-индустрии // Экономика и управление: теория, методология, практика: Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции, Уфа (Россия) – Шэньян (Китай), 23 мая 2024 года. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2024. С. 67–70. EDN ENJQYF.
3. Киреев П. П., Малыхина И. О. Сущность и классификация высокотехнологичных промышленных систем в современных условиях // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2024. № 4. С. 248–255. DOI 10.26118/2782-4586.2024.17.98.035. EDN HBNHWE.
4. Кудрявцев К. С. Обзор российского рынка разработки программного обеспечения: динамика, ключевые и технологические тренды, региональные и отраслевые особенности // Инновации и инвестиции. 2024. № 5. С. 250–254. EDN NSKVHA.
5. Кузнецов М. М., Никитина М. Г. Креативные индустрии в условиях цифровой организации пространства // Социо-пространственный контекст формирования человеко-ориентированной среды жизнедеятельности. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2024. С. 21–31. EDN RHEDIM.
6. Логвиненко М. В. Развитие ИТ-индустрии России в условиях санкций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 3–2 (61). С. 129–132. DOI 10.24411/2411-0450-2020-10224. EDN WPXQBA.
7. Мадаев С. М., Исраилов Р. Ю. Расцвет виртуальных устройств: изучение влияния на ИТ-индустрию // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96–8. С. 65–68. DOI 10.18411/trnio-04-2023-410. EDN FBZKHE.
8. Сеница С. А. Проблемы и перспективы мировой ИТ-индустрии в ситуации пандемии коронавируса // Национальная безопасность / Nota Bene. 2021. № 3. С. 46–52. DOI 10.7256/2454-0668.2021.3.35680. EDN NMXHSO.
9. Степанищева К. Г. Анализ конкурентных сил Китая в области ИТ и технологий с применением теории М. Портера // Экономика и управление: Сборник научных трудов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024. С. 140–150. EDN LAKXIP.
10. Студяникова М. А. Новые вызовы времени в условиях санкций в российской ИТ-индустрии // Актуальные проблемы и перспективы в сфере инженерной подготовки. Оренбург: Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2023. С. 129–136. EDN LEYHFF.

11. Tutak M., Brodny J. Technological progress in central and eastern Europe: Digitalization and business innovation leaders and outsiders // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. Volume 10. Issue 4. December 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.joitmc.2024.100404>
12. The Business Research Company / Information Technology Global Market Report 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.giiresearch.com/report/tbrc1435419-information-technology-global-market-report.html>
13. E-Government Survey 2022: The Future of Digital Government / United Nations. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2022-09/Web%20version%20E-Government%202022.pdf>
14. Digital 2024: Global Overview Report / Datareportal. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://datareportal.com/reports/?tag=Global>
15. Global Innovation Index 2024 / World Intellectual Property Organization. 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/assets/67729/2000%20Global%20Innovation%20Index%202024_WEB3lite.pdf
16. ICT Development Index 2024 / International Telecommunication Union. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/idi2024/>
17. Digital economy report 2024 / UNCTAD. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/publication/digital-economy-report-2024>

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

УДК 338.47:004(008)

ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Горда О. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: alx2777@mail.ru

В статье исследованы тренды развития креативных индустрий в условиях цифровизации с применением экосистемного подхода, который рассматривается как более эффективный, чем традиционные, за счет учёта специфики сектора, основанного на инновациях, творчестве и межотраслевой интеграции. Предложено авторское определение экосистемы креативных индустрий, учитывающее локальные и глобальные процессы, экономические, социальные и культурные аспекты, а также взаимодействие различных участников. Анализ локального (государственное регулирование, образование, инфраструктура) и глобального (международные организации, корпорации, платформы) уровней показал, что эффективное развитие требует сочетания государственных инициатив, образовательных реформ, международного сотрудничества и технологических инноваций, позволяя адаптировать креативные индустрии к современным экономическим вызовам, повышая их устойчивость и конкурентоспособность в эпоху цифровизации.

Ключевые слова: креативные индустрии, экосистемный подход, инновации, экосистема креативных индустрий, занятость, цифровая трансформация, стейкхолдеры.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире креативность является одним из ключевых факторов развития международных экономических отношений. Традиционно экономический прогресс определялся, прежде всего, такими факторами, как природные ресурсы, рабочая сила и капитал. В современную цифровую эпоху, когда технологический прогресс создал равные условия для всех, творчество стало жизненно важным компонентом для развития инноваций, повышения конкурентоспособности и стимулирования экономического роста. Экспоненциальный рост технологий в сочетании с глобализацией открыл эру, когда адаптивность, оригинальность и воображение стали важными факторами развития и процветания бизнеса. В этом контексте креативность является катализатором, который открывает новые перспективы для международного бизнеса, генерирует прорывные идеи и ориентирует бизнес к реализации новых возможностей.

Поэтому современная глобальная экономика характеризуется ростом роли креативных отраслей, которые становятся ключевыми драйверами экономического развития, конкурентоспособности и инноваций. Согласно отчету UNCTAD «Creative Economy Outlook 2024», ежегодный доход креативных отраслей экономики достигает около 2,3 трлн долл. США, что составляет 3,1 % мирового ВВП [1]. Однако в условиях глобализации и цифровой трансформации креативные индустрии все больше зависят от эффективности взаимодействия между государством, бизнесом, гражданским обществом и образовательными учреждениями, что формирует целостные экосистемы развития. Традиционные экономические подходы не учитывают специфику развития креативного сектора экономики, в частности,

зависимость от инноваций, цифровых технологий и межсекторальной интеграции. Существует потребность в разработке эффективных моделей развития, обеспечивающих устойчивый рост и конкурентоспособность этого сектора.

Экосистемный подход позволяет рассмотреть креативные индустрии как систему взаимодействия государства, бизнеса, образовательных учреждений, международных организаций, инвесторов и потребителей, что способствует созданию устойчивой среды для инноваций, развитию креативного потенциала и эффективной интеграции в глобальную экономику. Он обеспечивает согласованность стратегий развития, способствует привлечению инвестиций, расширению международных партнерств и адаптации к современным технологическим и рыночным изменениям. Благодаря этому подходу креативные индустрии могут не только расширять собственные экономические возможности, но и формировать благоприятный инновационный климат, что повышает их конкурентоспособность и долгосрочную устойчивость.

Анализ современных исследований свидетельствует о растущем интересе к креативным индустриям как движущей силе экономического развития. В то же время исследования UNCTAD и UNESCO акцентируют внимание на возрастании роли креативных индустрий и необходимости адаптации политик для развития креативных индустрий как глобального общественного блага. Отмечается, что рост этого сектора в значительной степени зависит от взаимодействия государства, бизнеса, образовательных учреждений и гражданского общества, что является основой экосистемного подхода [1, 2].

Исследование разнообразных аспектов, связанных со становлением креативных индустрий, в том числе их теоретических и методологических принципов, остается предметом научного поиска среди широкого круга экспертов, таких как В. Г. Антонова, Ю. А. Елисеева [3], М. Н. Беда [4], М. Г. Никитина [5, 8], В. В. Побирченко [5, 8], Е. А. Шутаева [5, 8], Н. В. Грицких, О. Н. Кононова, Н. С. Рыбак [6], М. М. Кузнецов [7], В. В. Соколов [9], А. Д. Евменов, Л. А. Еникеева, Т. А. Сорвина, П. А. Булочников [10], Э. Ш. Шаймиева, Г. И. Гумерова, Р. Н. Хакимова [11], А. А. Шурус, М. В. Дорошенко [12]. Проведенный анализ исследований подтверждает важность экосистемного подхода как инструмента для исследования развития креативных отраслей экономики. Он позволяет лучше понять факторы, влияющие на конкурентоспособность и устойчивость творческих индустрий, а также определить пути их дальнейшего развития в условиях цифровизации.

Цель статьи состоит в исследовании концептуальных основ применения экосистемного подхода к обеспечению эффективного развития креативных индустрий в условиях цифровой трансформации глобальной экономики.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Креативные индустрии, как правило, рассматриваются как социокультурное явление, присущее обществам поздней индустриальной и ранней постиндустриальной эпохи. Появление технологического прогресса в методах

производства и последующий переход к постиндустриальной экономике привели к заметным изменениям в характере занятости. Высвобождение времени работников способствовало модернизации социально-трудовых отношений, а следовательно, дало толчок развитию новых моделей занятости.

В условиях постиндустриального общества сочетание творчества и бизнеса, экономики и культуры, культурных достижений и коммерческого успеха воспринимается органично и целесообразно, поскольку главную роль играет интеллект, креативность, и появляется спрос на новый продукт на основе инновационных и цифровых технологий. Это, в свою очередь, приводит к появлению инновационного сектора, известного как креативная экономика. В 2004 году Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) было определено, что креативная экономика – это экономическая деятельность, основанная на знаниях и базирующаяся на креативных индустриях. Основными базовыми ценностями креативной экономики являются:

- экономическая ценность – по различным оценкам, вклад креативной экономики в глобальный ВВП составляет от 2 % до 7 %, или от 2 до 7 трлн долл. США (глобальный ВВП в 2023 г. составил 105 трлн долл.) [1, 2];

- инновационная ценность – учитывая, что инновации связаны с творчеством, те государства и компании, которым удастся не только накопить и продемонстрировать свой творческий потенциал, но также и монетизировать его, получают эффективный источник развития, роста и повышения конкурентоспособности как в традиционной деятельности, так и в новых цифровых технологиях;

- социальная ценность – креативная экономика основана на знаниях и таланте, поэтому её внедрение возглавляет так называемый «креативный класс» – ученые, художники, актеры, писатели, деятели культуры, дизайнеры, архитекторы и интеллектуальные лидеры;

- ценность устойчивого развития – креативные индустрии условно имеют неограниченное количество ресурсов, поскольку используют креативность и интеллектуальный капитал как «основные ресурсы» и производят товары и услуги с эстетической и функциональной ценностью. Именно поэтому в отраслях креативной экономики гораздо проще применять экологические и устойчивые бизнес-модели.

Креативные индустрии можно определить как экономическую деятельность, опирающуюся на знания, таланты и идеи, которые воплощаются в бизнес-моделях и технологиях с целью получения дохода и содействия реализации творческого потенциала. Они функционируют во всех сферах человеческой деятельности – индустрия развлечений, кино, мода, музыка, дизайн, архитектура, реклама, издательская и полиграфическая деятельность, зеленый туризм, ландшафтный дизайн, программное обеспечение, цифровые интерактивные товары и услуги и многое другое. Одной из ключевых причин растущего значения креативности является ее способность способствовать инновациям. С одной стороны, креативные индустрии могут разрабатывать и внедрять инновации как часть своей хозяйственной деятельности. Такие инновации включают в себя новые продукты и услуги, предлагаемые клиентам, а также новые технологии, повышающие эффективность процесса создания и качество продукции. С другой стороны, креативные индустрии

поддерживают инновации в других отраслях, то есть креативность, произведенная в творческих отраслях, используется потребителями других отраслей. Как создатели интеллектуальной собственности, творческие индустрии предлагают разнообразный набор творческих продуктов и услуг, которые можно интегрировать в инновационные процессы других компаний. Эти продукты, поддерживающие или сопровождающие инновации, могут варьироваться от идей для инноваций до поддержки научно-исследовательских разработок и дизайна.

В условиях глобализации и стремительных технологических изменений креативные отрасли экономики приобретают все большее значение как драйверы социально-экономического развития. В странах G20 вклад креативного сектора в добавленную стоимость колеблется от 0,7 % (в Мексике) до 3 % (в США) [1, 2]. Креативные индустрии обеспечивают 6,2 % глобальной занятости, хотя этот показатель существенно отличается в зависимости от страны. Например, в Турции доля креативных профессий составляет 1 %, в Австралии – 2,1 %. В странах, по которым доступны данные за последние десять лет, вклад креативной экономики в ВВП колеблется от 0,5 % до 7,3 %, а занятость – от 0,5 % до 12,5 % [2].

Традиционные подходы к развитию экономики, в частности кейнсианский, классический, неоклассический, не всегда способны адекватно учитывать специфику и потенциал креативных индустрий, основанных на инновациях, культурной ценности, творчестве и интеграции различных секторов. Поэтому, по нашему мнению, в данном контексте именно экосистемный подход становится ключевым инструментом для эффективного развития креативных индустрий, поскольку он позволяет объединить усилия различных стейкхолдеров и способствовать инновациям и предпринимательской деятельности в рамках более широкой сети взаимодействий.

Традиционный системный подход к инновационным системам воспринимает компоненты и связи как стабильную, статическую модель, сосредотачивая внимание на детальном анализе динамики потоков знаний только внутри системы. Экосистемный подход, напротив, фокусируется не столько на отдельных компонентах и функционировании системы, сколько на ее эволюции со временем и взаимодействии с внешней средой. Этот подход акцентирует внимание на динамике изменений, адаптации и взаимосвязях, что позволяет лучше понять, как система развивается и адаптируется в условиях изменяющейся внешней среды.

По нашему мнению, глобальная экосистема развития креативных отраслей экономики включает локальный и глобальный уровень. Экосистема креативных индустрий на локальном уровне представляет собой сложную взаимосвязанную систему, в центре которой находятся креативные предприятия (рис. 1).

Основными составляющими экосистемы креативных индустрий на локальном уровне являются:

1. Государство, которое играет центральную роль в развитии креативной экосистемы, выполняя функции регулирования, финансирования и инфраструктурной поддержки. Оно обеспечивает правовое регулирование, в частности, разработку законов и нормативных актов, способствующих развитию креативных индустрий, включая защиту интеллектуальной собственности,

налоговые льготы и стандартизацию отрасли. Финансовая поддержка государства проявляется через предоставление грантов, субсидий, льготных кредитов и других стимулов для развития креативного бизнеса. Кроме того, государство принимает участие в развитии инфраструктуры, создавая технопарки, культурные кластеры, креативные хабы, акселераторы и бизнес-инкубаторы.

Рисунок 1. Экосистема креативных индустрий (локальный уровень).
Составлено автором

2. Образовательные учреждения, среди которых высшие учебные заведения, колледжи, художественные школы и исследовательские центры. Они обеспечивают подготовку кадров, разрабатывая образовательные программы в области дизайна, аудиовизуального искусства, медиатехнологий, культурного менеджмента и т. п. Важным направлением деятельности таких учреждений является проведение научных исследований, направленных на анализ тенденций в креативных индустриях, исследование влияния технологий, культурных и экономических факторов на отрасль.

3. Развитие креативных индустрий зависит от доступа к финансированию, которое обеспечивают инвесторы и финансовые учреждения. К ним относятся банки и кредитные учреждения, предоставляющие финансовые продукты малому и среднему бизнесу в креативных секторах. Венчурные фонды поддерживают стартапы в области цифровых технологий, геймдева, киноиндустрии и других инновационных направлений.

4. Культурные организации, в том числе музеи, галереи, театры и концертные залы, выполняют функцию сохранения и популяризации культурного продукта. Они предоставляют платформы для демонстрации произведений искусства, выставок, театральных постановок, концертов. Организуют культурные события, фестивали, премии и другие мероприятия, способствующие развитию креативного сектора.

5. Медиа – ключевой канал продвижения и популяризации креативных индустрий. К медиасектору относятся печатные и онлайн–СМИ, телевидение, радио, освещающие культурные и креативные инициативы. Социальные сети становятся основным средством коммуникации между авторами и аудиторией, что способствует распространению творческих продуктов.

6. Потребители являются конечными пользователями креативного контента, продуктов и услуг. Они влияют на экосистему из-за спроса на креативные товары, такие как мода, дизайн, музыка, книги, кинематограф и т. д. Кроме того, они обеспечивают финансовую поддержку креативного сектора через участие в мероприятиях, подписки на платформы, приобретение цифрового контента.

7. Посредники и дистрибьюторы выполняют важную функцию продвижения и коммерциализации креативных продуктов. К ним относятся агенты и продюсерские компании, представляющие интересы художников, музыкантов, дизайнеров, а также дистрибьюторские компании, обеспечивающие распространение такого контента, как музыка, фильмы, книги, игры через различные каналы.

Глобальная экосистема креативных индустрий включает широкий спектр участников, взаимодействующих между собой на международном уровне, обеспечивая развитие, финансирование, распространение и популяризацию креативных продуктов и услуг (рис. 2). Она формируется за счет синергии государственных и частных инициатив, технологических возможностей и культурных обменов, способствующих экономическому росту и инновациям в сфере креативной экономики.

Рисунок 2. Экосистема креативных индустрий (глобальный уровень)

Составлено автором

Основными элементами экосистемы креативных индустрий на глобальном уровне выступают:

ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ...

1. Международные организации, которые играют ключевую роль в поддержке глобальных инициатив, направленных на стимулирование творческих индустрий. Например, Всемирный банк в сотрудничестве с ЮНЕСКО активно поддерживает развитие креативных индустрий как ключевого элемента устойчивого городского развития и инклюзивного роста.

2. Транснациональные корпорации (ТНК), такие как Google, Apple, Microsoft и др., играют ключевую роль в развитии цифровых инструментов для креативной экономики. Они предоставляют программное обеспечение, платформы создания контента и маркетинговые возможности, позволяющие художникам, дизайнерам и предпринимателям масштабировать свои проекты и выходить на глобальные рынки. Например, Microsoft предоставляет такие платформы, как Azure для облачных вычислений, и такие инструменты, как Visual Studio, которые поддерживают разработчиков в создании инновационных решений.

3. Цифровые платформы Netflix, Spotify, YouTube, Rutube, VK–video стали основными каналами распространения креативного контента, позволяющими креативным компаниям и независимым создателям добиваться признания международной аудитории. Эти платформы играют немаловажную роль в коммерциализации творческого контента, упрощая процесс его дистрибуции и монетизации.

4. Международные фонды также играют важную роль в поддержке креативных индустрий, предоставляя финансирование для развития креативных стартапов, способствуя инновациям в сфере культуры и искусства.

Таким образом, понятие «экосистема креативных индустрий» акцентирует внимание на интеграции различных секторов и участников, способствующих развитию креативных и культурных инициатив, и подчеркивает важность сотрудничества и взаимодействия в рамках этой специфической бизнес–среды. Экосистема креативных индустрий выступает сложной и динамичной структурой, включающей разнообразных участников и стейкхолдеров, которые вместе создают благоприятную среду для развития индустрии.

Учитывая вышеизложенное, с нашей точки зрения, категорию «экосистема креативных индустрий» можно охарактеризовать как специфический тип бизнес–экосистемы, формируемый на основе интеграции локальных и глобальных процессов, сочетающий экономические, социальные и культурные аспекты и функционирующий благодаря взаимодействию широкого круга участников для обеспечения устойчивого экономического роста, содействия раскрытию творческого потенциала общества и поддержанию конкурентоспособности креативного сектора в условиях цифровизации глобальной экономики.

Креативные индустрии находятся в авангарде применения новых цифровых технологий, позволяющих создавать, масштабировать и воспроизводить креативные продукты, адаптированные к массовому потреблению, но с персонифицированными предпочтениями. В эпоху цифровизации, когда новые цифровые инструменты являются источником экономического роста, бизнес должен постоянно искать новые инновационные решения для увеличения конкурентоспособности и повышения доходности. Кроме стимулирования инноваций и повышения

конкурентоспособности креативность способствует экономическому развитию, создает рабочие места и диверсифицирует структуру экономики. Пандемия изменила потребление креативных услуг – благодаря новым технологиям стали возможны трансляции событий в театрах, онлайн-экскурсии по музеям и художественным галереям. Появляется новый вид виртуального туризма, обладающий огромным потенциалом для продвижения «гибридного» туризма.

Креативные индустрии считаются одной из наиболее перспективных сфер экономической деятельности как в развитых, так и в развивающихся странах. Учитывая, что от пандемии сильно пострадали именно малые и средние предприятия, которые в большинстве своем являются движущей силой креативной экономики, тренды развития несколько замедлились. После падения в результате пандемии коронавируса на 2,3 % в 2020 г. общий глобальный доход от развлечений и медиа вырос на 10,4 % в 2021 г., а в 2024 г. достиг 2,75 трлн долл. США (рис. 3). Согласно отчету MarketWatch, к 2030 году сектор развлечений и медиа достигнет уровня доходов примерно в 6,4 трлн долл. США со среднегодовым темпом роста около 10 %. По данным Deloitte, доходы креативных секторов к 2030 г. вырастут на 40 % [13].

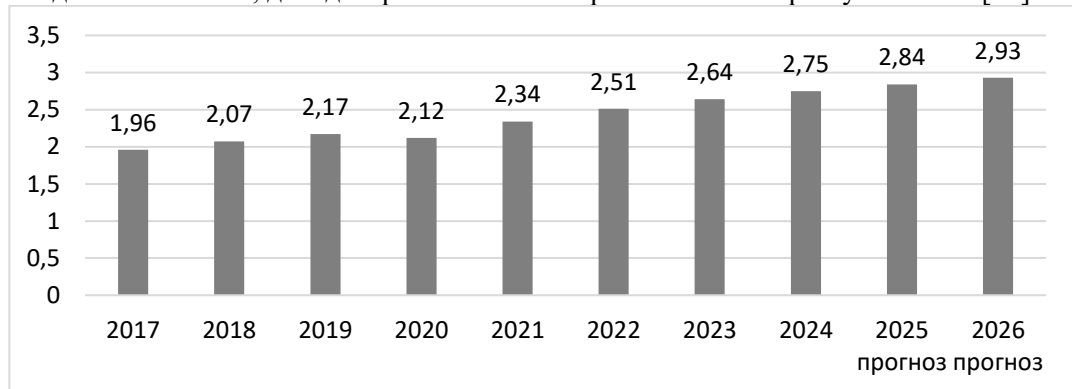

Рисунок 3. Динамика роста доходов мирового рынка развлечений и медиа, трлн долл. США

Составлено автором на основе [13]

В отраслях креативных индустрий распространены различные бизнес-модели. На самом базовом уровне можно считать, что компании креативного сектора отличаются своим производством товаров и услуг, а также своей ориентацией на модель бизнес для бизнеса (B2B) или бизнес для потребителя (B2C). Кроме того, существуют бизнес-модели, связанные с предложением продукта или услуги:

- модели продуктов, предусматривающие продажу или лицензирование стандартизированных товаров и услуг (например, продажа книг или записанной музыки);
- модели решений, включающие предложение индивидуальных решений для нужд клиентов (дизайнерские компании или рекламные агентства);
- модели поиска партнеров, подразумевающие связь производителей и потребителей и содействие продажам (художественные аукционные дома или онлайн-рынки) [14].

Цифровизация способствовала появлению новых бизнес–моделей и новых форм сотрудничества. 3D–печать, искусственный интеллект, дополненная и виртуальная реальность (AR/VR), облачные вычисления, Интернет вещей (IoT) создали новые модели для производства, распространения и потребления креативных товаров и услуг. Это открыло новые возможности для предпринимателей продавать и распространять контент среди большей аудитории и выходить на новые рынки. Цифровые технологии, ориентированные на потребителей – потоковая передача музыки, потоковая передача фильмов, видеохостинги и социальные сети – снизили барьеры для открытия талантов, распространения и получения прибыли от творческого контента. Электронная коммерция позволила креативным предприятиям и даже отдельным физическим лицам выйти на глобальные и национальные рынки благодаря маркетплейсам. Платформенные рынки для приложений и видеоигр позволили небольшим игровым стартапам охватить международную аудиторию.

Пандемия COVID–19 ускорила переход к электронной коммерции и цифровым платформам и трансформацию креативной экономики. По данным Международного союза электросвязи (МСЭ), количество пользователей Интернета выросло более чем вдвое с 2010 по 2019 г. А в 2022 г. примерно 5,3 млрд человек (66 % населения мира) пользовались Интернетом [15]. Цифровые технологии изменили способ потребления контента. Из-за локдауна 2020–2021 годов люди были вынуждены переходить на онлайн–решения, которые предложили Alibaba, Amazon, Netflix или Tencent, объединившие электронную коммерцию и электронные развлечения. Необходимо отметить, что цифровизация создает все более мощных посредников, представленных несколькими Интернет–платформами и социальными сетями.

Социальные сети активно используются для улучшения маркетинговых стратегий. В 2022 году во всем мире более 4,59 млрд человек пользовались социальными сетями. По прогнозам, в 2027 г. это количество вырастет почти до шести миллиардов. Лидером рынка остается Facebook с 3 млрд активных пользователей ежемесячно, далее следуют YouTube с 2,5 млрд пользователей, WhatsApp (2 млрд), WeChat (1,3 млрд), TikTok (1,2 млрд) [16]. Причинами такой популярности социальных сетей стали технологические изменения – переход от компьютеров к мобильным устройствам, изменения в поведении пользователей Интернета – сокращение концентрации внимания, заполнение свободного времени, поиск информации о брендах, доверие рекомендациям инфлюэнсеров и т. д. Понимая эти изменения, бизнес адаптирует свои маркетинговые стратегии для привлечения устойчивого внимания целевой аудитории. Для максимизации вовлечённости используются различные инструменты управления социальными сетями, в том числе основанные на искусственном интеллекте. В результате потребители Интернета тратят в среднем 151 минуту в день в социальных сетях, что на 40 минут больше, чем в 2015 г. Больше всего времени пользователи проводят в социальных сетях в Филиппинах (3 ч 53 мин в день) и Нигерии (более 4 ч в день) [16].

В последние годы стриминговые сервисы (SVOD) стали доминирующей силой в индустрии развлечений. Популярность потоковых сервисов, таких как Netflix, Amazon Prime и Disney+, Hulu, Peacock TV, HBO Max, резко возросла за последние годы, что привело к упадку традиционного кабельного телевидения и переходу к

потреблению цифрового контента. К концу 2022 года 38,1 % зрителей в США отдавали предпочтение стриминговым сервисам, 30,9 % – кабельному телевидению, 24,7 % – телевидению. Доходы стриминговых сервисов начали стремительно расти после 2020 г. и достигли в 2024 году 107,9 млрд долл. США [17].

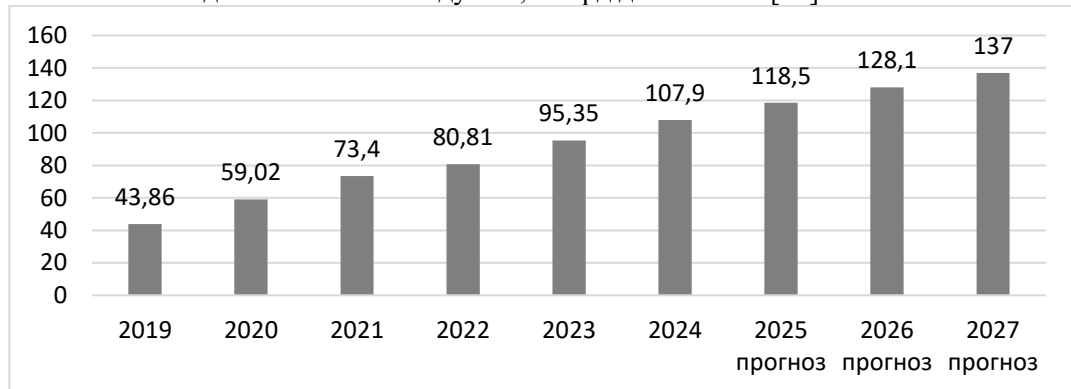

Рисунок 4. Динамика роста доходов стриминговых сервисов, млрд долл. США
Составлено автором на основе [13]

Почти 65 % от общего дохода от SVOD поступает из трех стран мира. Крупнейший рынок SVOD в США – 39,2 млрд долл. дохода в 2023 г. В последующие годы США сохраняют лидерство, в результате чего прогнозируемый объем рынка в 2027 г. составит 54,6 млрд долл. Вторым по величине является китайский рынок, где доходы от SVOD возрастут, согласно прогнозам, с 19,4 млрд долл. США в 2023 г. до 28,5 млрд долл. США. На третьем месте – Великобритания, где прогнозируется почти 5,5 млрд долл. дохода к 2027 г. [18].

Важно отметить, что развитие цифровых технологий оказывает и негативное влияние на функционирование креативных индустрий. Цифровые платформы могут использовать алгоритмы, которые несправедливо продвигают их собственные продукты или требуют более высокой платы за лучшее продвижение. Использование искусственного интеллекта беспокоит многих художников, писателей и журналистов, так как искусственный интеллект может писать тексты, создавать иллюстрации и другие визуальные решения в очень короткое время и на очень высоком уровне. 4 июля 2023 г. в США гильдия киноактеров США (SAG-AFTRA) начала крупнейшую за последнее время забастовку. Они выступали против использования искусственного интеллекта при написании сценариев и замены искусственным интеллектом актеров незначительных ролей.

Конфликтным вопросом также является защита авторских прав. Так, по существующим оценкам, цифровое пиратство видеосодержимого в США влечет за собой потерю доходов от 29,2 до 71,0 млрд долл. США в год [19]. Укрепление прав интеллектуальной собственности и обеспечение соблюдения законов об авторском праве жизненно важны для защиты креативного бизнеса. Внедрение четкой и эффективной правовой базы, а также доступные способы регистрации торговых марок, авторских прав и патентов могут защитить интересы креативных

предпринимателей. Для защиты авторских прав можно использовать невзаимозаменяемые токены (NFT), записывающие цифровые активы в цифровую книгу, что позволяет авторам получать вознаграждение за их работу. Эти технологии также позволяют генерировать данные о креативных индустриях, помогают правительствам понять актуальность креативных индустрий и разработать адекватную и эффективную регулирующую политику.

Процессы цифровизации однозначно изменят рабочие места в креативных индустриях, например, с точки зрения производимых и распространяемых культурных товаров и услуг. В этих условиях развитие надежной цифровой инфраструктуры будет иметь важное значение. Обеспечение надежного высокоскоростного доступа в Интернет, поддержка цифровых платформ для распространения контента и содействие внедрению цифровых технологий поможет креативному бизнесу охватить более широкую аудиторию и найти новые источники доходов.

Учитывая, что спрос на творческий контент на мировом рынке стабильно растет, развитие креативных индустрий может помочь в смягчении некоторых основных глобальных проблем, таких как безработица среди молодежи и рост бедности. Производить и распространять креативные товары можно с меньшими затратами по сравнению с другими отраслями промышленности (зачастую, достаточно креативной идеи и доступа в Интернет). На предприятиях креативной экономики работают миллионы работников из различных социальных слоев, с разным уровнем образования. К тому же после пандемии COVID-19 многие компании пересмотрели свои экономические и корпоративные стратегии в сторону более устойчивых и инклюзивных подходов, включающих культурные, социальные, экологические и экономические факторы. Следовательно, развитие креативных индустрий может повлиять на способность экономики быть инклюзивной, особенно в развивающихся странах.

С нашей точки зрения, в Российской Федерации для дальнейшего эффективного функционирования экосистемы креативных индустрий целесообразно сосредоточить усилия всех заинтересованных сторон на следующих стратегических направлениях ее эффективного функционирования:

1. Усиление государственной поддержки креативного сектора через разработку специальных программ финансирования, налоговых стимулов и грантовых инициатив для предприятий, работающих в сфере креативной экономики. Это будет способствовать созданию благоприятного бизнес-климата и стимулировать предпринимателей к инвестированию в творческие стартапы и проекты.

2. Расширение сотрудничества между государственными, частными и образовательными учреждениями по обеспечению подготовки высококвалифицированных специалистов в сфере креативных индустрий. Важной задачей в данном аспекте является разработка адаптивных образовательных программ, отвечающих современным вызовам цифровой экономики и технологических инноваций.

3. Содействие развитию цифровых платформ и технологических инструментов для креативных предприятий, что позволит значительно расширить их доступ к

международным рынкам. Использование искусственного интеллекта, блокчейн технологий и NFT может открыть новые возможности для монетизации творческого контента и расширения аудитории потребителей.

4. Создание условий для международного партнерства и интеграции креативных компаний в глобальные рынки. Данный аспект требует поддержки участия в международных фестивалях, ярмарках, выставках и программах обмена опытом.

5. Совершенствование регуляторной политики защиты интеллектуальной собственности, что будет способствовать повышению доверия инвесторов и стимулировать дальнейший рост креативных индустрий. Внедрение эффективных механизмов авторского права и регулирование цифровых платформ обеспечит справедливую компенсацию создателям и поддержит развитие инноваций в креативном секторе.

ВЫВОДЫ

Концепции развития и подходы к определению сущности креативной экономики разнообразны, что отражает культурное разнообразие стран, различия их экономических структур и направления социально-экономического развития. Креативная экономика, как и все остальные сектора экономики, во всех странах мира сильно пострадала от пандемии. Но, учитывая, что креативные индустрии основаны на инновациях, они выступают движущей силой инноваций для других секторов и повышают конкурентоспособность экономики в целом. Креативные индустрии создают новые эмоционально-привлекательные продукты и услуги, новые источники дохода и новый персонифицированный опыт для пользователей.

Цифровизация создала совершенно новые креативные индустрии 4.0, позволяющие создателям цифрового контента получать доход от своих творческих продуктов с помощью цифровых технологий и приложений. Главным трендом последних лет является интеграция развлекательного элемента в маркетинговые стратегии. Для этого бренды взаимодействуют с артистами, блогерами и профессионалами креативных индустрий, что генерирует еще больше развлекательного контента, что, в свою очередь, побуждает ускоренный рост новых технологий из-за жесткой конкуренции за внимание потребителей.

Цифровизация креативной экономики увеличила ее масштабы и влияние на общество. Креативная экономика стала цифровой не только на уровне услуг, но и на уровне продуктов. Искусственный интеллект, виртуальная реальность, большие данные и другие цифровые технологии облегчают производство и потребление креативных услуг и продуктов. Тенденция объединения развлечений с электронной коммерцией будет только расти. В цифровой среде социальные сети и стриминговые сервисы изменили способ потребления контента. Экспоненциальный рост глобальных доходов демонстрирует ценность этих услуг как для потребителей, так и для компаний их производящих. Поскольку технологии продолжают развиваться, а социальные сети и стриминговые платформы расширяют свои предложения, эта тенденция сохранится и укрепит их позиции в качестве важных игроков креативной индустрии.

Учитывая, что мировая экономика подошла к новому долгосрочному циклу Кондратьева (начало которого было запланировано на 2018–2020 гг., но из-за монетарного стимулирования и пандемического кризиса было существенно смещено), то мир ожидает появления нового массмаркета на основе шестого технологического уклада. Есть все основания полагать, что появление такого товара будет связано именно с развитием креативных индустрий 4.0.

В то же время развитие креативных индустрий 4.0 рискует усилить существующее неравенство из-за цифрового разрыва в доступе к Интернету, концентрации цифровых платформ в нескольких странах и регионах, бизнес-моделей, не способствующих разнообразию контента и т. п. Поэтому правительствам государств необходимо активно содействовать разработке таксономии креативной экономики для стимулирования развития и фундаментальных изменений креативных индустрий в направлении устойчивого развития. Креативные индустрии играют решающее значение для программ устойчивого развития, поскольку они имеют огромный потенциал для поддержания инклюзивного и равномерного экономического развития в условиях цифрового будущего. Креативные индустрии с помощью цифровизации могут играть значительную роль в социальной интеграции, ответственном потреблении и инвестициях, сохранении материального и нематериального культурного наследия разных народов мира.

Сектор креативных индустрий трансформируется под влиянием цифровых технологий и является важным элементом экономического ландшафта как на национальном, так и региональном уровнях. Для обеспечения устойчивого развития творческих индустрий необходимо комплексное сочетание государственных инициатив, образовательных реформ, международного сотрудничества и использования новейших технологий. Интеграция этих направлений позволит создать эффективную экосистему, способствующую росту креативного сектора и его глобальной конкурентоспособности.

Список литературы

1. Creative Economy Outlook 2024 / UNCTAD. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2024d2_en.pdf.
2. Reshaping Policies for Creativity: Addressing Culture as a Global Public Good / UNESCO, Paris. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unesco.org/reports/reshaping-creativity/2022/en>
3. Антонова В. Г., Елисеева Ю. А. Реализация политики развития креативных индустрий в условиях цифровизации экономики // Петербургский экономический журнал. 2021. № 2. С. 66–73. DOI 10.24412/2307-5368-2021-2-66-73. EDN GAFLIH.
4. Беда М. Н. Перспективы развития креативных индустрий в условиях цифровизации экономики // Социально-экономическое развитие и инновации: вызовы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 14 ноября 2024 года. Москва: Московский политех, 2024. С. 189–195. EDN MGPFBU.
5. Геоэкономика. Понятийно-терминологическая система: академический словарь / [М. Г. Никитина, В. В. Побирченко, Е. А. Шутаева, И. Н. Буценко]; под ред. М. Г. Никитиной. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. 287 с.
6. Грицких Н. В., Кононова О. Н., Рыбак Н. С. Развитие креативных индустрий в условиях цифровизации // Социология. 2022. № 6. С. 39–47. EDN BEOHVL.
7. Кузнецов М. М., Никитина М. Г. Креативные индустрии в условиях цифровой организации пространства // Социо-пространственный контекст формирования человеко-ориентированной среды жизнедеятельности. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2024. С. 21–31. EDN RHEDIM.

8. Никитина М. Г., Побирченко В. В., Шутаева Е. А. Креативная экономика в парадигме социо-пространственного развития территорий // Механизмы формирования модели креативного пространственного развития экономики Республики Крым / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации ФГАОУВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Симферополь: ИП Корниенко, 2023. С. 9–21. EDN EOZYQF.
9. Соколов В. В. Цифровизация в поддержке и развитии творческих (креативных) индустрий // Гуманитарный трактат. 2022. № 131. С. 26–32. EDN TVLLKS.
10. Формирование инфраструктуры креативных (творческих) индустрии регионов: перспективные направления развития в условиях цифровизации / А. Д. Евменов, Л. А. Еникеева, Т. А. Сорвина, П. А. Булочников. Санкт–Петербург: Санкт–Петербургский государственный экономический университет, 2024. 160 с. EDN INPIDO.
11. Шаймиева Э. Ш., Гумерова Г. И., Хакимова Р. Н. Исследование цифровых экосистем через разработку концепции менеджмента стартапа креативных индустрий // Вопросы инновационной экономики. 2024. Т. 14. № 1. С. 37–54. DOI 10.18334/vines.14.1.119772. EDN PBJMCD.
12. Шулуз А. А., Дорошенко М. В. Современный опыт использования инструментов цифровизации в платформенных экосистемах креативных индустрий // Вестник МИРБИС. 2024. № 2 (38). С. 138–145. DOI 10.25634/MIRBIS.2024.2.16. EDN FZQCJV.
13. The Future of the Creative Economy / A report by Deloitte. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deloitte.com/uk/en/Industries/tmt/perspectives/the-future-of-the-creative-economy.html>.
14. The Culture Fix. Creative People, Places and Industries / OECD. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/publications/the-culture-fix-991bb520-en.htm>.
15. Committed to connecting the world / TU Statistics. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx>.
16. Most popular social networks Streaming services remain most popular destination for TV viewing in December / Nielsen. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nielsen.com/insights/2023/streaming-services-remain-most-popular-destination-for-tv-viewing-in-december/>.
17. Video Streaming Services Stats. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://explodingtopics.com/blog/video-streaming-stats>.
18. Video Streaming (SVoD) – Worldwide. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/outlook/dmo/digital-media/video-on-demand/video-streaming-svod/worldwide>.
19. Digital video piracy costs movie and TV industry at least \$29 billion a year, study says / CNET. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnet.com/tech/mobile/digital-video-piracy-costs-the-movie-and-tv-industry-at-least-29-billion-study-says/>.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

УДК 339.9

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕР ПОДДЕРЖКИ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Илясова Ю. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: ilyasovajuli@mail.ru

В статье проводится анализ проблем, связанных с реализацией механизмов поддержки и притоком ПИИ в наиболее капиталоемкие и ресурсоемкие отрасли экономики. В ходе исследования выделены внутренние и внешние факторы, препятствующие эффективной реализации мер государственной поддержки ПИИ в реальный сектор экономики РФ.

Ключевые слова: ПИИ, инвестиционный климат, инвестиционная привлекательность, инвестиционный потенциал, реальный сектор экономики, механизмы государственной поддержки ПИИ, эффективность ПИИ.

ВВЕДЕНИЕ

Иностранные инвестиции играют значительную роль в экономическом развитии страны, однако эффективность привлеченных инвестиций зависит от целого ряда факторов: направленности, характера инвестиционных проектов, степени развития внутреннего рынка и конкуренции, финансовых, экономических и социальных условий в принимающей стране, внешних политических факторов и т. д.

Как и во многих других государствах, законодательством России также предусмотрены следующие гарантии для иностранных инвесторов: гарантия компенсации убытков при реквизиции или национализации имущества, гарантия от неблагоприятного для инвестора изменения законодательства, право на использование доходов и прибыли для реинвестирования и беспрепятственного перевода за пределы РФ, право на беспрепятственный вывоз за пределы РФ имущества и информации, которые были первоначально ввезены на территорию РФ в качестве иностранной инвестиции.

Безусловно, участие страны в международных инвестиционных соглашениях, закрепленные в законодательстве гарантии защиты прав инвесторов, наличие институтов привлечения и поддержки иностранных инвестиций создают базу для рассмотрения страны потенциальным инвестором в качестве площадки для размещения капитала. Однако в условиях интернационализации капитала, развития процессов интеграции и международного разделения труда все более значимым фактором привлечения ПИИ выступают конкретные инструменты и механизмы поддержки, реализация которых позволяет потенциальному инвестору уменьшить издержки от инвестиционной деятельности (включая логистические, таможенные, налоговые, административные), создать конкурентоспособный продукт и обеспечить его беспрепятственную реализацию в стране размещения капитала и за ее пределами.

Исследованием направлений и факторов поддержки иностранных инвестиций посвящены работы таких авторов, как Бакли П., Грэм Э., Кругман П., Бейли Д. В., Верещагин А. В., Булатов А. С., Зайцев Ю. А., Егоров М. В., Сидоренко Т. С., Кочетков Е. Е., Поздняков К. К., Валдайцев С. В., Воробьев П. В., Сергеев И. В., Шеховцов В. В. и др.

Цель работы – выявить проблемы и факторы, оказывающие влияние на механизмы государственной поддержки иностранных инвестиций в реальный сектор Российской Федерации.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Разработка и модернизация механизмов поддержки ПИИ напрямую связана с преодолением сдерживающих факторов экономического развития страны и инвестиционного потенциала. Анализ структуры системы государственной поддержки ПИИ в реальный сектор, качества инвестиционного климата в России, эффективности функционирования не только механизмов поддержки иностранных инвестиций, но и привлекаемых ПИИ в российскую экономику в целом и реальный сектор в частности, позволяет выявить основные факторы, негативно влияющие на внутренний инвестиционный климат и, как следствие, эффективность всей системы государственной поддержки ПИИ в России. Ряд международных сравнений с развитыми странами, располагающими благоприятным инвестиционным климатом, также позволили выделить определенные проблемы и недостатки в работе механизмов поддержки ПИИ в России, на которые следует обратить внимание при разработке программ модернизации.

Более того, акцент на реальном секторе РФ позволил выделить проблемы, связанные с реализацией механизмов поддержки и притоком ПИИ в наиболее капиталоемкие и ресурсоемкие отрасли экономики, определяющие экономическое положение и развитие страны в целом, что придает задаче по их преодолению стратегический характер.

Факторы, оказывающие негативное влияние на реализацию государственных мер поддержки ПИИ в реальный сектор, можно условно разделить на две группы – внешние и внутренние. Внешние факторы обусловлены явлениями и процессами, преодоление которых путем совершенствования внутренних механизмов и инструментов представляется мало возможным. Внутренние факторы, напротив, связаны с недостатками российской экономической среды, инвестиционного климата, функционированием отдельных элементов и механизмов поддержки ПИИ [1].

Основным внешним фактором, ограничивающим приток ПИИ в РФ на современном этапе, является внешнеполитический. Ежегодное исследование ЮНКТАД о мировых инвестициях показывает, что в 2022 г. около 70 % всех принятых инвестиционных мер в мире пришлось на западные страны, а точнее на принятые санкции и контрсанкции в отношении ПИИ из и в Россию и Беларусь. Ограничения затронули широкий спектр инвестиционных сделок на территории России, что оказало влияние на иностранную инвестиционную деятельность в стране.

Санкции затронули как финансовые учреждения и предприятия в сфере торговли, так и крупнейшие ТНК, добывающие и обрабатывающие компании, функционирующие на территории России, что привело к массовому закрытию филиалов, производств, приостановке инвестиций и уходу с российского рынка. Итогом введенных санкций для российской экономики стал рекордный отток ПИИ, который, по данным Всемирного банка, составил около 40 млрд долларов США при том, что годом ранее то же значение сальдо притока ПИИ имело положительное значение.

Значительное влияние внешнеполитического фактора на инвестиционную привлекательность страны подтверждают и международные рейтинги. Так, в 2023 г. Россия оказалась на последнем месте по индексу стабильности операционной деятельности для бизнеса, что значительно снизило общую позицию РФ в рейтинге глобальной конкурентоспособности.

Анализ инвестиционного климата и притока ПИИ в Россию за последние пять лет обозначил две противоположные тенденции. С одной стороны, показатели, характеризующие уровень социально-экономического развития российской экономики, ресурсы для осуществления инвестиций, объем внутренних инвестиций, демонстрируют улучшение или не ухудшение предпринимательского и инвестиционного климата в стране, тогда как динамика ПИИ говорит о массовом оттоке иностранного капитала из страны. В итоге получается ситуация, при которой внутренний российский рынок функционирует в том же режиме, применяются все те же механизмы поддержки иностранных инвестиций, покупательская способность населения существенно не меняется, но иностранный бизнес добровольно отказывается от своей доли на рынке и терпит колоссальные убытки [5]. По данным информагентства Reuters, журналисты которого проанализировали отчетность компаний, ушедших с российского рынка после февраля 2022 г., на апрель 2024 г. общий объем убытков этих компаний превысил 107 млрд долларов США [3].

Подобное поведение инвестором обусловлено исключительно влиянием правительств государств, где базируются активы данных компаний, на принятие ими решений о функционировании на российском рынке. В связи с этим внешнеполитический фактор оказывает значительное влияние на приток ПИИ и одновременно с этим никак не нивелируется инвестиционными стимулами, предлагаемыми государством, объемом внутреннего рынка, деловой средой и прочими условиями осуществления предпринимательской деятельности в стране. Поэтому данный фактор необходимо воспринимать как объективную реальность на мировом рынке капиталов и адаптироваться под ее изменение.

Второй фактор, препятствующий эффективной реализации мер государственной поддержки ПИИ в реальный сектор, обусловлен необходимостью адаптации к новой экономической реальности. Несмотря на отсутствие статистических данных со стороны Центрального Банка о географической структуре поступлений ПИИ, очевиден факт существенного сокращения притока капитальных вложений из западных стран, являвшихся на протяжении последних 10–15 лет ключевыми инвестиционными партнерами России. По данным исследований ЕУ и статистики ЦБ РФ за 2021 г., только на долю Германии, США и Италии пришлось 40 % всех реализуемых инвестиционных проектов (54 из 141), в то время как доля этих стран в

чистом притоке ПИИ в РФ составила 10 % (4 из 40 млрд долларов США). А возвращаясь к статистике 2022 г., можно уверенно сказать, что отток ПИИ объемом 80 млрд долларов США из российской экономики также состоит из западных капиталовложений.

Как итог, сворачивание инвестиционных проектов с участием западных стран и одновременно необходимость создания внутренних производств с целью импортозамещения привели в рост как внутреннего инвестирования, так и поиску новых инвесторов из «дружественных стран». В 2022 г. объем ПИИ из стран Центральной Азии вырос более чем в 4 раза, из Китая – почти в 2 раза. На официальном уровне Президентом РФ в ходе государственного визита в Китай было объявлено о выделении дополнительных льгот для инвесторов из Китая. Расширение БРИКС странами Южной Америки и Персидского залива также создает предпосылки для увеличения инвестиционного сотрудничества. Таким образом, косвенные статистические данные и наблюдения большинства мировых экономистов и исследователей говорят о трансформации российского инвестиционного сотрудничества и «развороте на восток», что говорит о новых приоритетах в поиске инвестиционных партнеров.

Однако для данных стран российский внутренний рынок, институты регулирования инвестиций и программы поощрения и поддержки ПИИ являются мало изученными, что создает барьеры по входу капитала из данных стран. Кроме этого, экономики большинства «дружественных стран», за исключением Китая, находятся в развивающейся стадии и сами остро нуждаются в иностранном капитале, технологиях и инновациях. В связи с этим под сомнение ставится и возможность резидентов данных стран к расширению производственной деятельности и инвестированию в реальный сектор России.

Третьим внешним фактором, ограничивающим приток ПИИ в Россию и, соответственно, реализацию программ поддержки иностранных инвесторов, выступает общее снижение инвестиционной активности в мире и рост протекционистских мер в отношении иностранных инвесторов. По данным статистики Всемирного Банка, общий объем ПИИ во всем мире в 2022 г. по сравнению с 2021 г. снизился на 520 млрд долларов США, что составило 23 %. Одновременно с этим ЮНКТАД в последние несколько лет фиксирует ужесточение инвестиционной политики большинством государств, главным образом среди развитых стран. Основными причинами такого поведения инвесторов являются надвигающийся очередной экономический кризис, главным образом затрагивающий западные страны, рост цен на сырье и энергоносители, что побуждает инвесторов сокращать свою инвестиционную деятельность в других странах в целях экономии и снижения рисков.

К внутренним факторам, снижающим эффективность государственных программ поддержки ПИИ в реальный сектор в России, можно отнести следующие.

1. Высокая доля ПИИ из офшорных зон. Прямые иностранные инвестиции из стран, признанных Минюстом России офшорными юрисдикциями, не имеют материального воплощения в производстве, что особенно актуально в контексте развития реального сектора. Такие инвестиции носят спекулятивный характер и

используются, как правило, резидентами России для обхода налогообложения, вывода капитала за рубеж. На рисунке 1 представлена диаграмма распределения ПИИ в Россию в 2021 г. по группам стран – офшорные зоны, страны ЕС и Северной Америки (условный «Запад») и остальные страны (СНГ, Африка и Азия) [2].

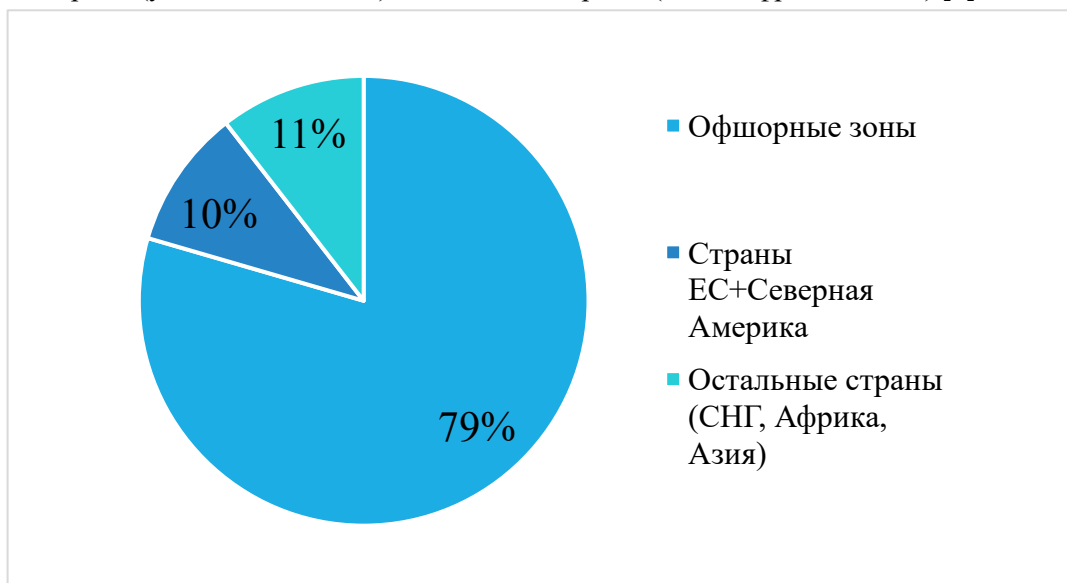

Рисунок 1. Структура поступлений ПИИ в экономику РФ в 2021 г. (чистый приток ПИИ по сальдо операций) по группам стран, %

Источник: составлено автором на основании [2, 4]

Как видно из диаграммы, почти 80 % всего положительного притока ПИИ в 2021 г. пришлось на офшорные зоны, что объясняет низкую степень влияния иностранного капитала на российскую экономику. Более того, инвесторы из таких стран (а это, чаще всего, российские компании) не заинтересованы в получении льгот и привилегий в рамках государственных программ поддержки, поскольку это требует строгой отчетности о результатах инвестиционной деятельности, что особенно актуально для инвестиций в реальный сектор. В результате, большинством поступающих ПИИ механизмы поддержки не используются, что снижает их потенциал и приводит к отсутствию возможности их объективной оценки и модернизации.

Однако с 2022 г. степень «офшоризации» российского капитала стремительно снижается, что связано с введением западными странами санкций, заморозке активов предприятий, аффилированных с российскими юридическими и физическими лицами и, как следствие, возросшим риском хранения накопленного инвестиционного капитала за рубежом. В частности, до 2022 г. большинство ПИИ в Россию приходило из Кипра, который находится под влиянием европейских стран. Издание Forbes отмечает, что в 2022–2023 гг. крупнейшие российские корпорации заявили о завершении процесса перевода своих холдинговых компаний в Россию. Безусловно, как и в случае с инвестиционными партнерами, происходит

переориентация и офшорных зон, которые также функционируют на территории «дружественных» стран, однако многочисленные прецеденты заморозки иностранных активов подталкивают российский бизнес к хранению и реинвестированию накопленного капитала в России.

2. Низкая эффективность ПИИ в реальном секторе. Данный фактор является прямым следствием используемых источников привлекаемого в Россию капитала. Несмотря на номинальный объем поступающих инвестиций, и даже высокую долю реального сектора в отраслевой структуре ПИИ, фактически реализуемых, реальных инвестиционных проектов в России насчитывается не так много. Так, еще в 2021 г. при относительно спокойной инвестиционной среде в России иностранными инвесторами, по данным ЕУ, реализовывался лишь 141 проект, в то время как по данным Минэкономразвития за 2023 г., только на территориях опережающего развития (ТОР) на Дальнем Востоке, ориентированных больше на внутренние инвестиции, было запущено 62 проекта. Низкая степень участия иностранного капитала в развитии реального сектора также нашла отражение в проведенном корреляционном анализе притока ПИИ и динамики общих экономических показателей и показателей развития отраслей реального сектора России. По результатам анализа, достоверное и прогнозируемое влияние ПИИ не было зафиксировано ни по одному из экономически и социально значимых показателей.

Еще одним косвенным фактом, подтверждающим низкую степень влияния ПИИ на российскую экономику, является сохранение положительной динамики развития даже после введения санкций и оттока иностранного капитала. Рост ВВП России в 2023 г. составил 3,6 %, став, как отмечает издание Forbes, самым высоким за последнее десятилетие. Среди основных драйверов отмечаются рост потребительского спроса и, соответственно, доходов и накоплений российских производителей. Степень участия иностранного капитала во внутренних экономических процессах России оказалась настолько незначительна, что его отсутствие не повлияло в значительной степени на внутренний рынок.

Таким образом, низкая эффективность ПИИ в России обусловлена отсутствием достаточного числа реальных инвестиционных проектов, подразумевающих создание производств, инфраструктуры, рабочих мест и т. д. В данных условиях снижается и актуальность разрабатываемых и финансируемых государством мер поддержки ПИИ, в том числе, в реальный сектор.

3. Высокая степень централизации ПИИ. Данный фактор обусловлен, в первую очередь, внутренними российскими трендами на сосредоточение основных финансовых потоков, крупнейших государственных проектов и программ развития, объектов инфраструктуры вокруг административных центров. В результате значительный региональный дисбаланс отмечается и в притоке ПИИ. По мере роста привлекаемых ПИИ растет и их централизация. Более того, в 2021 г. при относительно спокойной инвестиционной обстановке в стране из общего числа поступивших в Россию ПИИ, объемом 188 млрд долларов США, 75 % пришлось только на Москву и Московскую область. Даже в разрезе реальных инвестиционных проектов наблюдается существенный дисбаланс, когда на долю данных двух регионов пришлось 30 % всех реализуемых проектов с участием иностранных

инвесторов, а на долю топ-5 регионов (среди которых также Санкт-Петербург и Ленинградская область, Республика Татарстан, Калужская и Новосибирская области) – 58 %. По факту получается ситуация, при которой 7 из 89 субъектов РФ (7,8 %) получают более половины всех ПИИ (причем в данном случае речь идет об инвестициях, оказывающих влияние на развитие отраслей реального сектора, инфраструктуру, социальную сферу и т. д.). В данных условиях многие механизмы поддержки ПИИ, направленные на стимулирование инвестиций в регионы (дополнительные льготы, создание особых экономических зон), становятся невостребованными и малоэффективными.

4. Отсутствие развитой инфраструктуры в отдаленных от центра регионах. Диспропорция в региональном развитии России в качестве фактора, сдерживающего реализацию мер поддержки ПИИ в реальный сектор, важно отметить неравномерное развитие транспортной, логистической, социальной и коммуникационной инфраструктуры в регионах. Несмотря на функционирование инфраструктурных механизмов поддержки ПИИ, реализации механизма «специального инвестиционного контракта (СПИК)» по гарантированному обеспечению потенциального инвестора всей необходимой инфраструктурой, инвестиционная привлекательность отдаленных регионов России не увеличивается. Даже при условии организации в подобных регионах ОЭЗ, иностранным инвесторам значительно проще и менее затратно (с точки зрения административных и временных издержек) организовать работу промышленного предприятия на территориях с уже развитой инфраструктурой, а не создавать ее с нуля даже при поддержке государства.

Аналитики рейтингового агентства «Эксперт РА», занимающегося оценкой инвестиционной привлекательности российских регионов, также указывают на то, что основным драйвером привлечения инвестиций в регионы является инфраструктура, которая, к сожалению, развита неравномерно. В лидерах по инвестиционному потенциалу оказываются регионы с более развитыми сетями автомобильных и железных дорог, внутренних водных путей, торговыми площадями, системой воздушного и городского пассажирского транспорта, информационно-коммуникационной инфраструктурой, социальными учреждениями. В 2024 году в тройке лучших по инфраструктурной обеспеченности оказались Санкт-Петербург, Владимирская область и Москва. Эксперты также отмечают, что не все регионы имеют возможность существенно улучшить инфраструктуру в силу низкой экономической базы и обеспеченности бюджета. В связи с этим имеет смысл переосмыслить текущие и потенциальные затраты, связанные с предоставлением льгот иностранным инвесторам на строительство инфраструктуры в отстающих регионах и перенаправить их туда в форме дополнительных дотаций на ее строительство с привлечением внутренних ресурсов.

Выявленные внешние и внутренние фактора, препятствующие эффективному функционированию механизмов поддержки ПИИ в реальный сектор России, позволяют объективно оценить условия функционирования данных механизмов и сформировать предложения, отвечающие экономической реальности, что особенно актуально для российской экономики на современном этапе. Более того, программа модернизации системы государственной поддержки ПИИ в реальный сектор должна

строиться исходя из необходимости минимизации эффекта или устранения негативных факторов.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ механизмов поддержки иностранных инвестиций, эффективности привлекаемых ПИИ и их влияния на экономические показатели России и отрасли реального сектора позволил выделить ряд проблем, препятствующих эффективной реализации механизмов поддержки ПИИ в реальный сектор РФ. Негативные факторы были разделены на внешние и внутренние. Внешние факторы, мало поддающиеся влиянию через совершенствование инструментов поддержки ПИИ, представлены внешнеполитической обстановкой, меняющейся структурой инвестиционных партнеров РФ и вектора международного экономического сотрудничества, мировыми тенденциями к снижению инвестиций за рубеж и усилению протекционистских мер в инвестиционной политике большинства стран. Среди внутренних негативных факторов были выделены: высокая доля ПИИ из офшорных зон и, как следствие, низкая эффективность ПИИ в реальном секторе РФ, высокая степень централизации ПИИ и отсутствие развитой инфраструктуры в отдаленных от центра регионах. Как итог, выявленные внутренние проблемы позволяют построить программу модернизации механизмов поддержки ПИИ в реальный сектор, направленную на снижение влияния негативных факторов.

Список литературы

1. Илясова Ю. В., Дмитриев А. В. Факторы привлечения иностранного капитала в РФ в условиях меняющегося геоэкономического пространства // Интеграционные процессы в современном геоэкономическом пространстве: материалы научно-практической конференции. 2022. С. 167–170.
2. Список офшорных юрисдикций // Федеральная налоговая служба. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.gov.ru/m77/related_activities/megdunarodnoe/spisok_ofshor/
3. Убытки иностранных компаний от ухода с рынка РФ превысили 107 млрд долл. США. 28.03.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20379577>
4. Центральный банк Российской Федерации: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/>
5. Эксперты оценили потери ушедших из России компаний в 240 млрд долл. США. Иностранцы продают российские бизнесы с дисконтами в 70% // РБК. 07.10.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/10/2022/633e94809a79475aa5d84f00>

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

УДК 339.9 (510)

ВЕКТОРЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В КНР

Какутич Е. Ю.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: niurp@mail.ru

В условиях глобальных экономических изменений Китайская Народная Республика демонстрирует устойчивые темпы роста, опираясь на комплексную стратегию стимулирования экономики. В статье рассмотрены ключевые векторы экономического развития Китая, включающие государственную инвестиционную политику, научно-технические инновации, модернизацию промышленного сектора и развитие внутреннего рынка. Особое внимание уделяется анализу программ экономической трансформации, таких как «Made in China 2025» и инициатива «Один пояс, один путь», направленных на повышение конкурентоспособности китайской экономики и ее интеграцию в мировые торговые и финансовые цепочки.

В статье исследуется влияние экспортной и импортозамещающей политики КНР на динамику внешнеэкономических связей, а также роль государственных субсидий, налоговых льгот и инвестиционных стимулов в развитии ключевых отраслей. Анализируются механизмы финансирования инновационных предприятий и технологических стартапов, а также влияние цифровизации и искусственного интеллекта на экономическое развитие.

Отдельное внимание уделяется вызовам и рискам, стоящим перед китайской экономикой, включая демографические изменения, рост государственного и корпоративного долга, торговые ограничения со стороны западных стран и необходимость экологической модернизации производства.

Ключевые слова: экономический рост, Китай, государственная политика, инвестиционная стратегия, инновации, международная торговля, промышленное производство, финансовая система, инициатива «Один пояс, один путь», цифровая экономика, структурные реформы.

ВВЕДЕНИЕ

Китайская Народная Республика (КНР) занимает ключевую позицию в глобальной экономике, являясь крупнейшим производственным центром, основным экспортером товаров и одной из ведущих мировых держав по объему валового внутреннего продукта (ВВП). По данным Всемирного банка, в 2023 году ВВП Китая составил 17,8 трлн долл. США, что делает его второй по величине экономикой мира после США [27]. Вклад КНР в мировой экономический рост остается значительным: по оценкам Международного валютного фонда, на Китай приходится более 30 % глобального экономического роста за последнее десятилетие [14].

Структурные изменения в китайской экономике, связанные с переходом от экспортоориентированной модели к стратегии внутреннего потребления и инновационного развития, оказывают влияние на глобальные экономические процессы. КНР является крупнейшим торговым партнером более чем 120 стран, включая государства Европейского союза, США, страны АСЕАН и Россию [29]. В условиях глобальной экономической нестабильности, вызванной геополитическими рисками, торговыми ограничениями и последствиями пандемии COVID-19, Китай продолжает демонстрировать адаптивные механизмы экономического роста, включая инвестиции в высокие технологии, инфраструктурное развитие и меры по стимулированию внутреннего спроса.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа векторов экономического роста КНР, которые обеспечивают его устойчивое развитие на фоне глобальных вызовов, а также выявления возможных уроков для других стран, стремящихся к устойчивому развитию.

Исследование экономического роста Китая и механизмов его стимулирования является одним из ключевых направлений в современной экономической науке. Анализ научной литературы показывает, что данная тема активно изучается как зарубежными, так и российскими учеными. Зарубежные исследования сосредоточены на институциональных аспектах китайской экономики, структурных реформах, роли промышленной политики и глобальном влиянии Китая на мировые рынки. Работы таких авторов, как Джастин Ифу Лин (Lin J. Y., 2012) [15], Барри Нотон (Naughton B., 2007) [19], Дани Родрик (Rodrik D., 2012) [22], Дэвид Шамбау (Shambaugh D., 2020) [23] и Ричард Болдуин (Baldwin R., 2016) [12], позволяют лучше понять стратегию экономического развития КНР, а также ее успехи и вызовы в контексте международной торговли и глобализации.

Российские исследователи, включая М. Ф. Ткаченко [10], Д. В. Кузьмина [3], А. И. Купцова [4], Д. С. Апинян и К. Г. Сусанян [1], Икэ Ши и Н. Р. Эпову [11], О. В. Столетова [8], В. В. Побирченко и Е. А. Шутаеву [6], А. В. Семенова [7] и других уделяют особое внимание взаимодействию Китая с Россией и ЕАЭС, а также анализу китайской экономической модели через призму глобальных экономических изменений.

Однако несмотря на широкий круг исследований, остаются аспекты, требующие дальнейшего углубленного изучения.

Цель исследования – выявить ключевые векторы стимулирования экономического роста КНР, оценить их эффективность и определить перспективы дальнейшего развития китайской экономики в контексте глобальных экономических изменений.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Экономический рост представляет собой увеличение объемов производства товаров и услуг в экономике в долгосрочной перспективе. В экономической науке существует несколько ключевых теорий, объясняющих факторы и механизмы роста. Классические экономисты, такие как А. Смит (Smith, 1776) и Д. Рикардо, рассматривали экономический рост через призму накопления капитала, развития разделения труда и расширения рынков (Ricardo, 1817).

Неоклассическая теория, основанная на модели Солоу–Свана (Solow, 1956), утверждает, что долгосрочный экономический рост определяется совокупностью факторов, включая уровень инвестиций, технический прогресс и динамику трудовых ресурсов.

Эндогенные теории роста (Romer, 1986), (Lucas, 1988) подчеркивают роль человеческого капитала, инноваций и знаний в экономическом развитии.

ВЕКТОРЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В КНР

Институциональная теория роста (North, 1990) рассматривает качество государственного управления, уровень защиты прав собственности и развитие финансовых институтов как ключевые факторы.

Экономический рост определяется множеством факторов, в том числе, физическим капиталом, технологическими инновациями, человеческим капиталом, государственной политикой, а также внешнеэкономическими условиями, однако опыт Китая является уникальным примером успешного долгосрочного развития в современных условиях глобальной экономики.

«Рассматривая эволюцию экономической модели Китая, можно прийти к выводу о том, что богатство и благополучие китайской нации по большей части было обеспечено его поэтапной и глубокой интеграцией в мировую экономику и использованием им плодов глобализации и либерализации товарных, инвестиционных и трудовых межгосударственных потоков» [10]. КНР продемонстрировала небывалые темпы экономического роста, сочетая государственное регулирование, инвестиции в инфраструктуру, развитие инноваций и активное участие в международной торговле. Китайская модель роста объединяет элементы неоклассической теории, эндогенного роста и институционального подхода, что делает ее особенно интересной для анализа. Рассмотрение ключевых векторов экономического роста Китая, его институциональной среды, влияния технологических инноваций и роли государственной политики поможет лучше понять механизмы устойчивого развития экономики КНР и выявить потенциальные риски на будущее.

Экономический рост Китая обеспечивается комплексным сочетанием инвестиционной активности, научно-технического развития, человеческого капитала, стратегического государственного регулирования и адаптации к внешнеэкономическим вызовам (см. табл. 1).

Таблица 1

Ключевые драйверы экономического роста Китая, 2023 г.

Фактор	Описание
Инвестиции в основные фонды	Объем капитальных вложений превысил 50 трлн юаней, что свидетельствует о развитии промышленной и инфраструктурной базы (NBS, 2024) [17]
Технологические инновации	Расходы на НИОКР составили 2,64 % ВВП, что позволяет КНР укреплять свои позиции в стратегических отраслях, таких как искусственный интеллект, микроэлектроника и биотехнологии (OECD, 2024) [20]
Человеческий капитал	Высокий уровень доступности образования и ежегодный выпуск более 10 млн специалистов обеспечивают Китай квалифицированными кадрами для промышленности и инновационной экономики (UNESCO, 2023) [24]

Фактор	Описание
Государственная политика	Программы стимулирования экономики, включая «Made in China 2025» и стратегию «двойного обращения», поддерживают развитие приоритетных отраслей и внутренний рынок (Government of China, 2024)
Внутреннее потребление	Розничный товарооборот вырос на 7,6 %, что свидетельствует о росте платежеспособного спроса населения (NBS, 2024) [17]
Инфраструктурные проекты	Введено в эксплуатацию 3200 км новых железных дорог, включая высокоскоростные магистрали (NBS, 2024) [17]
Международная торговля	Китай является крупнейшим торговым партнером более 120 стран. В 2023 году экспорт в страны АСЕАН вырос на 8,6 %, а с Африкой – на 10,2 % (WTO, 2024) [29]
Инициатива «Один пояс, один путь»	В 2023 году Китай инвестировал 140 млрд долл. США в проекты в рамках BRI, что способствует экономической интеграции (MOFCOM, 2024) [16]
Финансовая система	Народный банк Китая снижает процентные ставки и регулирует кредитную политику, способствуя инвестициям и потребительскому спросу (PBOC, 2024) [21]

Кроме того, Китай делает ставку на технологические инновации и науку, а развитие человеческого капитала играет ключевую роль в устойчивом росте.

Следует отметить, что государственная стратегия «двойного обращения» направлена на баланс между внутренним потреблением и внешнеэкономической активностью. Это снижает зависимость Китая от экспортоориентированной модели и усиливает внутренний рынок (Government of China, 2024).

Кроме того, Китай адаптируется к изменениям в глобальной торговле. В ответ на обострение отношений с США КНР активно диверсифицирует экспортные рынки, расширяя торговлю со странами Азии, Ближнего Востока и Африки [29].

Экономическая модель Китая базируется на стратегическом планировании, модернизации и гибкой внешней политике. Эти ключевые факторы обеспечивают устойчивое развитие экономики КНР, несмотря на глобальные вызовы и структурные изменения.

Но есть и другие, не менее важные факторы. Так, государственное регулирование играет важную роль в экономическом развитии Китая, обеспечивая стратегическое планирование и направляя ресурсы в приоритетные отрасли. Одним из важнейших инструментов экономического роста является индустриальная политика, в рамках которой КНР активно поддерживает развитие высокотехнологичных секторов. Программа «Made in China 2025» ориентирована на

модернизацию промышленности, снижение зависимости от импорта передовых технологий и создание конкурентоспособных национальных компаний в области робототехники, искусственного интеллекта и микроэлектроники [18].

Важным фактором экономического роста является развитие инфраструктуры, которое остается приоритетным направлением государственной политики. Китай инвестирует значительные средства в строительство транспортных и энергетических объектов, что позволило ввести в эксплуатацию только в 2023 году 3200 км новых железнодорожных магистралей, включая высокоскоростные маршруты. Это способствует не только ускорению грузоперевозок и повышению логистической эффективности, но и развитию внутреннего рынка за счет улучшения транспортной доступности городов и регионов [17].

Государство также играет активную роль в стимулировании внутреннего потребления, стремясь снизить зависимость экономики от экспортной модели. Развитие внутреннего рынка стало одной из ключевых задач стратегии «двойного обращения», направленной на укрепление платежеспособного спроса населения. Рост розничного товарооборота в последние 5 лет свидетельствует о повышении потребительской активности и эффективности государственной политики в этом направлении [17]. Однако сохраняется «проблема расширения внутреннего частного спроса в КНР, которая связана с существенным отставанием страны от развитых экономик по уровню развития общей и социальной инфраструктуры, т. е. неразвитостью каналов расходования денежных доходов» [3].

Современное состояние китайской экономики определяется не только внутренними процессами, но и глобальными вызовами, которые оказывают значительное влияние на динамику ее развития. Геополитическая напряженность и торговые ограничения остаются важным фактором, влияющим на экспортоориентированные отрасли. Китай продолжает сталкиваться с санкционными мерами и торговыми ограничениями со стороны США, что привело к снижению объема экспорта в эту страну на 13,4 % в 2024 году. Однако в ответ на эти вызовы КНР активно диверсифицирует торговые связи, укрепляя сотрудничество с государствами АСЕАН, Россией и странами БРИКС [29].

Еще одним значительным вызовом является кризис в сфере недвижимости, вызванный долговыми проблемами крупнейших девелоперов, включая Evergrande и Country Garden. Замедление роста в этом секторе оказывает негативное влияние на всю экономику, так как ранее на него приходилось до 25 % ВВП Китая. В 2020–2024 гг. наблюдается снижение объема продаж недвижимости, что свидетельствует о масштабных проблемах, требующих государственной поддержки и реформирования строительного рынка [17]. В динамике процесс протекает следующим образом: в 2020 году продажи недвижимости по площади уменьшились на 24,3 % по сравнению с 2019 годом, что стало максимальным сокращением рынка с 1992 года, в 2021 году – объем продаж новых домов достиг рекордного максимума в 16273 млрд юаней в декабре, в 2022 году – инвестиции в жилье сократились на 9,5 %, объем продаж упал на 25 %, а непроданные площади увеличились на 18,4 %, достигнув 269,5 млн кв. м., в 2023 году инвестиции в недвижимость упали еще на 9,3 %, продажи сократились на 8,3 %, а нереализованные объемы жилья достигли 331

млн кв. м., в 2024 году – объем продаж сократился еще на 25 % по сравнению с 2023 годом.

Параллельно с этим растет долговая нагрузка страны. Совокупный государственный и корпоративный долг Китая в 2024 году превысил 300 % ВВП, что является рекордным уровнем и создает серьезные риски для финансовой стабильности. По оценке Международного валютного фонда, ситуация требует мер по оптимизации кредитной политики и снижению нагрузки на банковский сектор [14].

Демографические изменения представляют вызов для экономики Китая. В 2023 году численность населения страны впервые за десятилетия сократилась на 2,08 млн человек. В 2024 году было зарегистрировано 9,54 млн рождений и 10,93 млн смертей [17], что свидетельствует о продолжающемся снижении рождаемости. Старение населения увеличивает нагрузку на пенсионную систему и рынок труда, что требует реформирования социальной политики. Государственные меры направлены на поддержку семейной политики и модернизацию пенсионного обеспечения.

Наконец, структурная трансформация экономики требует изменений в модели роста. Китай движется от традиционной экспортоориентированной экономики к стратегии «двойного обращения», где ключевую роль играет развитие внутреннего потребления. Это означает усиленное внимание к цифровой экономике, искусственному интеллекту и инновационным технологиям, которые становятся главными двигателями будущего роста. Такая перестройка требует значительных инвестиций и адаптации финансовых и промышленных механизмов к новым условиям.

Современная экономическая политика Китая направлена на обеспечение устойчивого роста и преодоление структурных дисбалансов. Основные направления стимулирования включают развитие высокотехнологичных отраслей, поддержку внутреннего спроса, модернизацию инфраструктуры и усиление внешнеэкономической экспансии.

Технологии и инновации способствуют модернизации промышленности и укреплению позиций Китая в мире. В последние годы Китай делает ставку на развитие высокотехнологичных отраслей и переход к экономике знаний, что выражается в активном финансировании научных исследований, цифровой трансформации и поддержке стратегически важных индустрий.

Одним из ключевых инструментов технологического роста является программа «Made in China 2025», направленная на снижение зависимости страны от импорта передовых технологий и создание собственной мощной индустриальной базы. В рамках этой стратегии правительство Китая инвестирует значительные ресурсы в производство микрочипов, робототехнику, биотехнологии и искусственный интеллект, что позволяет стране ускоренно развивать новые сектора экономики и укреплять позиции на глобальном рынке [18].

Важную роль в инновационной политике играет финансирование научных исследований и разработок (НИОКР). В 2024 году расходы Китая на исследования составили 2,78 % ВВП (см. рис. 1), что эквивалентно 3,4646 трлн юаней (около 460 млрд долл. США). Этот показатель демонстрирует стремление Китая к технологическому лидерству и поддержке научно-инновационных отраслей [20].

ВЕКТОРЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В КНР

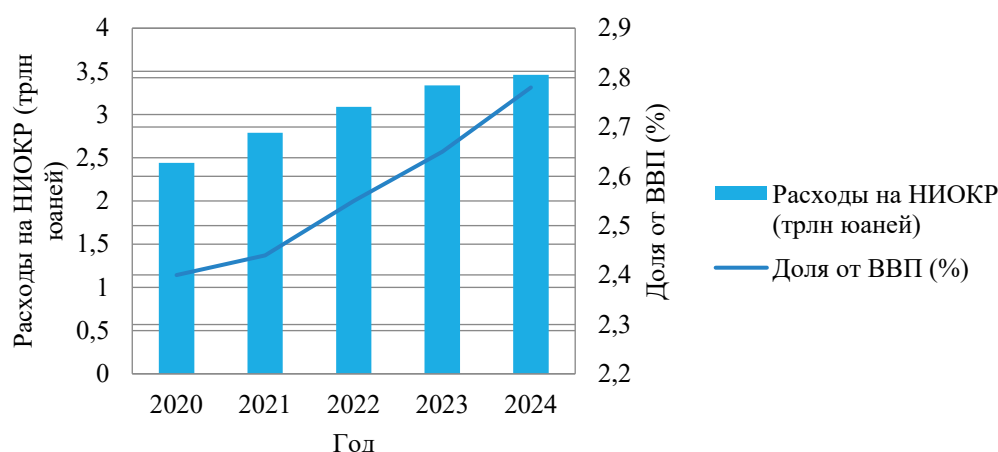

Рисунок 1. Динамика финансирования НИОКР в Китае, 2020–2024 гг.

Источник: составлено автором по [20]

Китай также занимает лидирующие позиции в цифровой экономике, активно внедряя 5G–технологии и разрабатывая инфраструктуру умных городов. На сегодняшний день КНР контролирует около 40 % мирового рынка 5G (см. рис. 2), что делает ее крупнейшим игроком в этой сфере и позволяет значительно ускорить процессы автоматизации промышленности, логистики и телекоммуникаций [13].

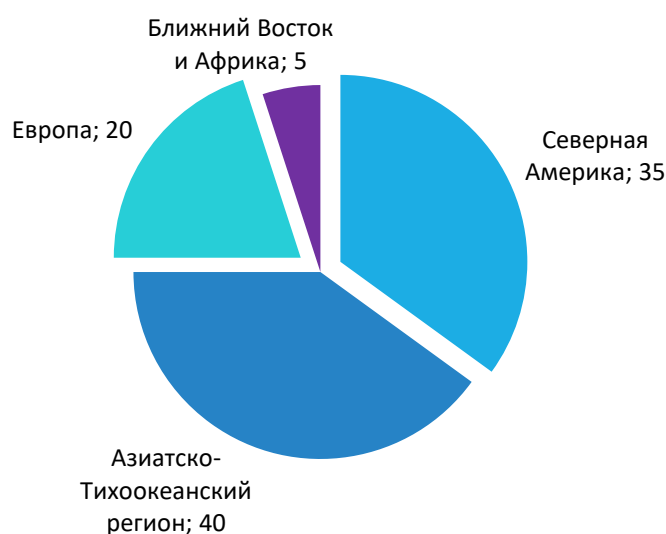

Рисунок 2. Географическое сегментирование рынка 5G, %, 2024 год

Источник: составлено втором по [13]

Еще одним важным направлением технологического развития является искусственный интеллект, в котором Китай стремится выйти на ведущие позиции. С

2014 по 2023 годы на долю Китая пришлось около 70 % всех патентов в сфере генеративного искусственного интеллекта [2], что значительно превышает показатели других стран. Активное развитие алгоритмов машинного обучения, компьютерного зрения и автоматизированных систем управления способствует модернизации промышленности, медицины, финансового сектора и госуправления [28].

Таким образом, технологическое развитие остается ключевым фактором экономического роста Китая, способствуя не только повышению производительности и конкурентоспособности промышленности, но и созданию новых экономических секторов. Инвестиции в инновации, цифровую экономику и научные исследования позволяют Китаю формировать устойчивую модель роста, основанную на передовых технологиях и высокой добавленной стоимости продукции.

Промышленная и инвестиционная политика играет важнейшую роль в обеспечении экономического роста Китая, способствуя модернизации производства, развитию высокотехнологичных отраслей и укреплению конкурентоспособности страны на мировом рынке. Государство активно поддерживает ключевые секторы экономики через инвестиции, субсидии и налоговые стимулы, что позволяет не только ускорять индустриализацию, но и формировать новые технологические цепочки добавленной стоимости.

Развитие высокотехнологичного производства является одним из главных приоритетов промышленной политики Китая. «Согласно данным международных рейтингов, Китай находится в списке первых 20 государств с наиболее развитым технологическим сектором в 75 % случаев» [4]. В 2023 году объем производства в передовых технологических секторах вырос на 7,8 %, что значительно опережает темпы роста традиционной промышленности, увеличившейся всего на 3,5 % [17]. Такая динамика отражает стратегический курс Китая на переход к экономике знаний и повышению технологической автономии.

Государственные инвестиции также остаются важным инструментом поддержки промышленного развития. В 2023 году объем вложений в обрабатывающую промышленность составил 18,4 трлн юаней (около 2,6 трлн долларов США) [17], что подтверждает долгосрочную стратегию модернизации национального производства и повышения его эффективности. Эти вложения направлены на автоматизацию производств, цифровизацию производственных процессов и развитие новых промышленных кластеров.

Особое внимание уделяется стимулированию частного сектора, который играет все большую роль в экономике Китая. В 2023 году объем кредитования малого и среднего бизнеса увеличился на 15,2 % [21], что свидетельствует о стремлении правительства поддерживать предпринимательскую активность, способствующую инновациям и созданию новых рабочих мест.

Однако остается проблема дисбаланса между государственным и частным секторами. Хотя государственные предприятия продолжают получать значительные субсидии и инвестиционную поддержку, в долгосрочной перспективе китайской экономике необходимо проводить реформы, направленные на создание равных

условий для всех рыночных участников. Оптимизация промышленной политики и повышение эффективности использования государственных инвестиций станут ключевыми факторами для поддержания устойчивого роста и конкурентоспособности Китая в глобальной экономике.

Внутреннее потребление и развитие внутреннего рынка играют решающую роль в обеспечении стабильного экономического роста Китая, особенно в условиях меняющейся глобальной экономической конъюнктуры. В рамках стратегии «двойного обращения» (dual circulation) китайское правительство делает ставку на стимулирование внутреннего спроса, снижая зависимость от экспорта и усиливая роль потребительского сектора:

- Рост доходов населения. В 2023 году средний доход на душу населения увеличился на 5,1 %, достигнув 39 218 юаней (около 5 500 долларов США) [17].
- Стимулирование потребительского кредитования. В 2023 году объем потребительских кредитов увеличился на 12,3 % [21].
- Субсидирование покупок. Правительство Китая активно поддерживает потребительский спрос через программы субсидирования покупки жилья, автомобилей и бытовой техники [16].

Таким образом, развитие внутреннего рынка и стимулирование потребления становятся важнейшими драйверами экономического роста Китая, позволяя компенсировать снижение экспорта и поддерживать устойчивое развитие национальной экономики. Государственная политика в этой сфере направлена на обеспечение долгосрочной финансовой стабильности, повышение уровня жизни населения и укрепление позиций Китая как одной из крупнейших мировых экономик.

Китайская финансовая система играет ключевую роль в стимулировании экономики, обеспечивая поддержку бизнеса, развитие современных платежных технологий и управление макроэкономическими рисками. В 2023 году Народный банк Китая предпринял меры по снижению процентных ставок, что позволило удешевить кредиты для предприятий и населения, стимулируя инвестиции и потребление [21]. Одновременно правительство активно контролирует долговую нагрузку, предпринимая шаги по снижению рисков в банковском секторе. Введение цифрового юаня ускоряет платежные операции и повышает прозрачность финансовых потоков.

Китай активно внедряет цифровую валюту, которая уже используется в 26 городах и применяется более чем в 400 миллионах транзакций [21]. Это нововведение направлено на ускорение платежных операций, повышение прозрачности финансовых потоков и сокращение зависимости от традиционных банковских механизмов.

Помимо стимулирующих мер правительство активно контролирует долговую нагрузку, предпринимая шаги по снижению рисков в банковском секторе. В 2023 году был инициирован процесс реструктуризации задолженности проблемных компаний, что позволило избежать системных кризисов и обеспечить финансовую стабильность. Эти меры особенно важны в условиях растущего корпоративного и государственного долга, который может угрожать устойчивости экономического роста [14].

Китай активно развивает инфраструктуру и новые экономические центры:

- Инфраструктурные мегапроекты (строительство железных дорог, включая высокоскоростные магистрали).
- Развитие «умных городов». В 2023 году более 500 городов Китая внедрили системы интеллектуального управления на базе больших данных и IoT (Government of China, 2024).
- Стимулирование экономики западных регионов. Вложено более 6 трлн юаней (около 850 млрд долларов США) в проекты по развитию провинций Синьцзян, Тибет и Внутренней Монголии [18].

Таким образом, урбанизация остается важным драйвером роста китайской экономики.

Международная торговля является важнейшим фактором экономического роста Китая, способствуя расширению рынков сбыта, привлечению инвестиций и укреплению позиций страны в глобальной экономике. В рамках своей геоэкономической стратегии Китай усиливает ориентацию на взаимодействие с развивающимися странами [3]. В последние годы КНР активно развивает торговые связи, особенно с государствами Азии и Африки, что позволяет компенсировать влияние торговых ограничений со стороны западных стран. В 2023 году объем торговли Китая с странами АСЕАН вырос на 8,6 %, а с африканскими государствами – на 10,2 % (см. рис. 3), что свидетельствует о росте экономического сотрудничества с развивающимися регионами. Основным трендом внешней торговли между Россией и Китаем является устойчивый рост товарооборота [6], достигший в 2023 году рекордных 240,11 млрд долл. США, с увеличением экспорта китайских товаров в Россию на 46,9 % и импорта российских товаров в Китай на 12,7 %.

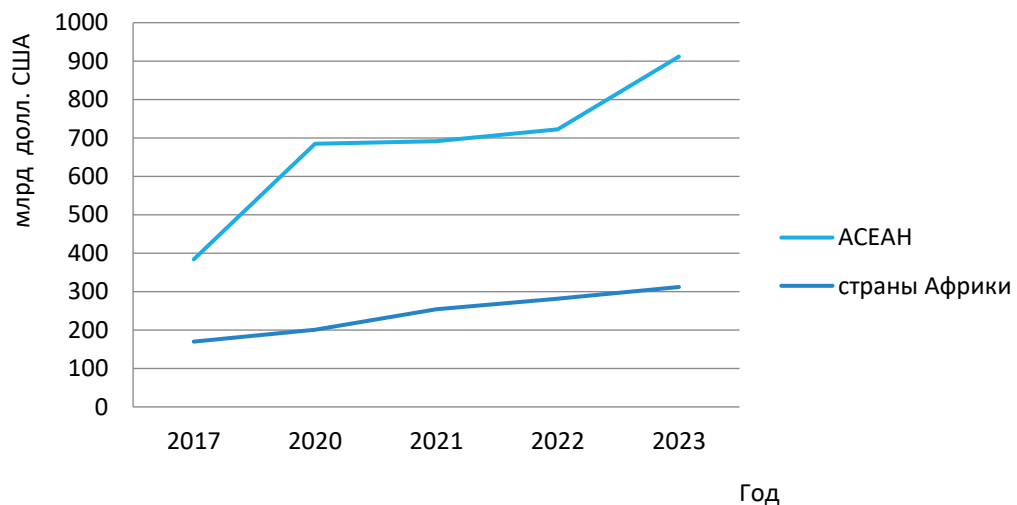

Рисунок 3. Динамика торговли Китая с АСЕАН и странами Африки, 2017–2023 гг., млрд долл. США

Источник: составлено автором по [17; 29].

Одним из ключевых инструментов международного экономического влияния Китая является инициатива «Один пояс, один путь» (BRI), направленная на развитие инфраструктуры, логистики и инвестиционных проектов в различных странах. В 2023 году Китай вложил 140 млрд долларов США [16] в реализацию этой инициативы, что позволило укрепить торговые связи, улучшить транспортную доступность и повысить уровень экономической интеграции между КНР и партнерами по BRI. Инициатива «Один пояс, один путь» (Belt and Road Initiative, BRI) стала крупнейшим международным проектом. С 2013 по 2021 годы общий объем импорта и экспорта между Китаем и странами вдоль «Одного пояса, одного пути» увеличился с 6,5 трлн юаней до 11,6 трлн юаней, что соответствует среднегодовому темпу роста 7,5 %. Доля этих стран в общей стоимости внешней торговли Китая за тот же период возросла с 25 % до 29,7 % [9]. В 2023 году общий объем торговли Китая в рамках BRI превысил 1,8 трлн долл. США, что подчеркивает значимость данной стратегии для укрепления позиций страны на мировых рынках [16]. За весь период с 2013 года наибольший объем вложений со стороны Китая в рамках BRI приходится на Россию и Пакистан, где Пекин участвует в реализации энергетических и транспортных проектов, обладающих наибольшей капиталоемкостью. К 2023 году количество проектов, поддерживаемых Азиатским банком инфраструктурных инвестиций (АБИИ), достигло 212, а их общий портфель превысил 40 млрд долл. США [5].

Дополнительную поддержку внешнеэкономической экспансии обеспечивает развитие свободных экономических зон (СЭЗ). В настоящее время в Китае функционирует 21 зона свободной торговли, предоставляющая благоприятные условия для иностранных инвесторов, снижение тарифов и налоговые льготы. Эти меры способствуют привлечению международного капитала и созданию новых предприятий, что усиливает промышленный потенциал страны и способствует долгосрочному росту экономики [17].

Таким образом, Китай продолжает укреплять свои позиции в международной торговле, адаптируясь к изменяющимся условиям глобального рынка. Расширение торговых партнерств, инвестиции в инфраструктуру и развитие механизмов свободной торговли позволяют КНР диверсифицировать экономические связи и поддерживать высокие темпы роста даже в условиях геополитической нестабильности.

В рамках долгосрочной стратегии устойчивого развития Китай предпринимает комплексные меры для стимулирования экономического роста. Однако эффективность этих мер требует всестороннего анализа, включающего как положительные результаты, так и потенциальные вызовы.

Анализ эффективности реализуемых мер показывает, что Китай достиг значительных успехов в модернизации экономики:

- Благодаря стратегии «Made in China 2025», Китай укрепил позиции в ключевых высокотехнологичных секторах, таких как микроэлектроника, искусственный интеллект и биотехнологии. В 2024 году страна зарегистрировала 38 % мировых патентов в области ИИ [28].

- В результате реализации политики «двойного обращения» розничный товарооборот вырос на 7,6 % в 2023 году [17].
- Развитие транспортной сети продолжается высокими темпами – в 2023 году введено в эксплуатацию 3200 км железных дорог [17].
- В рамках программы социального развития уровень крайней бедности в Китае практически ликвидирован [27].

Несмотря на позитивные результаты, остаются определенные риски и структурные вызовы, требующие внимания. Экономический рост Китая сталкивается с рядом внутренних и внешних факторов, которые могут повлиять на его устойчивость в долгосрочной перспективе. Значимым риском остается долговая нагрузка, так как совокупный долг Китая (государственный и корпоративный) в 2023 году превысил 280 % ВВП [14]. Финансовая нестабильность в секторе недвижимости, связанная с кризисами крупных девелоперов, таких как Evergrande, усиливает опасения по поводу возможных дефолтов и системных рисков для банковского сектора. Международные рейтинговые агентства отмечают, что долговая нагрузка остается серьезным вызовом для финансовой системы страны.

Геополитическая ситуация также оказывает значительное влияние на экономику Китая. Продолжающаяся торговая война с США привела к 13,4 % снижению экспорта в 2023 году, что негативно сказалось на экспортоориентированных отраслях [29]. Вдобавок санкционные ограничения на китайские технологии, в частности на производство полупроводников, могут замедлить развитие ключевых отраслей промышленности и ограничить доступ Китая к передовым технологиям.

Еще одним важным вызовом является замедление роста ВВП. В 2023 году китайская экономика выросла на 5,2 %, что ниже среднегодовых значений предыдущих десятилетий [27]. Кроме того, инвестиции в основной капитал показывают замедление роста до 3 %, что свидетельствует о снижении доверия инвесторов и необходимости стимулирующих мер со стороны государства [17].

Экологические вызовы также остаются значительной проблемой для Китая. Высокий уровень загрязнения окружающей среды требует перехода к более устойчивым моделям развития, что ставит перед правительством задачу по балансированию между экономическим ростом и экологической безопасностью [25]. Хотя Китай активно инвестирует в возобновляемые источники энергии, доля угольной генерации по-прежнему остается высокой – 56 % в 2023 году, что замедляет процесс декарбонизации экономики [24].

Таким образом, экономика Китая сталкивается с рядом серьезных вызовов, включая демографический спад, долговую нагрузку, геополитическую нестабильность, замедление экономического роста и экологические ограничения. Устойчивость экономического развития будет зависеть от способности Китая адаптироваться к этим вызовам путем реформирования финансового сектора, развития внутреннего спроса, стимулирования инноваций и перехода к более экологически устойчивым моделям производства.

ВЫВОДЫ

Экономическое развитие Китая является одним из самых значимых явлений современной глобальной экономики. За последние десятилетия КНР продемонстрировала способность к устойчивому росту, основанному на сочетании государственной поддержки, структурных реформ, технологического прогресса и активной интеграции в мировую торговую систему. Однако текущая макроэкономическая ситуация требует пересмотра отдельных стратегий и адаптации к новым глобальным вызовам.

Китай остается одним из ведущих центров мировой экономики. Несмотря на замедление темпов роста, экономика КНР по-прежнему оказывает значительное влияние на мировые рынки. По данным Всемирного банка, вклад Китая в глобальный ВВП в 2023 году составил 18,4 %, а на страну пришлось более 30 % мирового экономического роста [27].

Основные направления стимулирования роста Китая включают:

- 1) Развитие инновационной экономики и технологий (искусственный интеллект, робототехника, цифровая экономика, биотехнологии).
- 2) Поддержка внутреннего спроса через стимулирование потребления и повышение доходов населения.
- 3) Финансовое регулирование и контроль за долговыми рисками.
- 4) Инфраструктурные проекты, урбанизация и развитие региональных экономических центров.
- 5) Диверсификация внешнеэкономической политики, в том числе за счет инициативы «Один пояс, один путь».

Эффективность экономической политики Китая подтверждается рядом положительных результатов. В 2024 году темпы роста ВВП составили 5,2 %, что соответствует целевым показателям правительства. Инвестиции в исследования и разработки достигли 2,78 % ВВП, что позволило Китаю выйти на передовые позиции в сфере искусственного интеллекта и полупроводников. Розничные продажи выросли на 7,6 %, что свидетельствует о растущей роли внутреннего потребления. В рамках инициативы BRI объем торговли с развивающимися странами превысил 1,8 трлн долл. США, что снизило зависимость Китая от западных рынков.

Однако сохраняются серьезные вызовы, требующие комплексного решения, в том числе, демографический кризис, рост долговой нагрузки, торговые ограничения и геополитическая напряженность, экологические вызовы.

С учетом текущих тенденций можно выделить несколько ключевых направлений развития экономики Китая в среднесрочной перспективе:

1. Глубокая экономическая трансформация. Китай постепенно переходит от модели индустриального роста к экономике знаний и инноваций. Рост инвестиций в высокотехнологичные отрасли (5G, искусственный интеллект, возобновляемая энергетика) позволит повысить конкурентоспособность страны.
2. Усиление роли внутреннего рынка. В рамках стратегии «двойного обращения» КНР стремится снизить зависимость от экспорта и укрепить внутренний

рынок. Поддержка доходов населения, развитие частного предпринимательства и расширение рынка услуг станут важными факторами экономического роста.

3. Финансовая стабильность и контроль за долгами. Народный банк Китая и правительство проводят меры по снижению рисков в банковском секторе и регулированию долговых обязательств компаний, особенно в сфере недвижимости.

4. Экологическая модернизация. В ближайшие годы КНР продолжит реализацию программ «зеленого» роста, увеличивая долю возобновляемых источников энергии и снижая зависимость от угольной генерации. Согласно прогнозам Международного энергетического агентства, Китай к 2030 году станет мировым лидером по внедрению возобновляемых источников энергии.

5. Расширение внешнеэкономических связей. Китай продолжает укреплять позиции на глобальном рынке через проекты BRI, развитие экономических связей с Африкой, Ближним Востоком, Латинской Америкой и странами АСЕАН.

Однако для сохранения темпов роста КНР потребуются реализация глубоких структурных реформ, направленных на диверсификацию экономики, развитие инновационного потенциала и поддержку устойчивого потребления.

Перспективы дальнейшего исследования экономики Китая включают анализ эффективности существующих стратегий стимулирования роста, а также оценку их влияния на глобальную экономическую архитектуру. Важно изучить механизмы адаптации Китая к новым вызовам, таким как технологическая конкуренция, ограничения на экспорт передовых технологий, изменения в структуре мирового спроса и глобальная декарбонизация.

Список литературы

1. Апинян Д. С., Сусаянн, К. Г. ЕАЭС и Китай: партнерство в современных условиях // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 9. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eaes-i-kitay-partnerstvo-v-sovremennyh-usloviyah>
2. Китай лидирует по количеству патентов в сфере генеративного ИИ [Электронный ресурс]. URL: <https://m.realnoevremya.ru/news/312406-kitay-lidiruet-po-kolichestvu-patentov-v-sfere-generativnogo-ii>
3. Кузьмин Д. В. Внешние и внутренние источники экономического роста КНР // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2010. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnie-i-vnutrennie-istochniki-ekonomicheskogo-rosta-knr>
4. Купцов А. И., Резанов Д. Е. Цифровая экономика в Китае, перспективы и проблемы // Прогрессивная экономика. 2023. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-v-kitae-perspektivy-i-problemy>
5. Новый «Шелковый путь»: все ли идет по плану? [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/materials/novyy-shelkovyy-put-vse-li-idet-po-planu/>
6. Побирченко В. В., Шутаева Е. А. Факторы и основные тренды развития торгового сотрудничества России и Китая // Торгово-экономические отношения России: двусторонние и макрорегиональные измерения: Монография. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. С. 147–166.
7. Семенов А. В. К вопросу о стратегической инициативе КНР «Один пояс, один путь» в новую эпоху // Modern oriental studies. 2023. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-strategicheskoy-initsiative-knr-odin-poyas-odin-put-v-novuyu-epohu>
8. Столетов О. В. Геоэкономическая стратегия Китая в условиях «пробуждения» Глобального Юга // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2024. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geoekonomicheskaya-strategiya-kitaya-v-usloviyah-probuzhdeniya-globalnogo-yuga>
9. Строительство «Одного пояса, одного пути» дало плодотворные результаты и способствовало

всестороннему формированию модели внешней открытости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.theorychina.org.cn/c/2023-02-08/1460185.shtml>

10. Ткаченко М. Ф. Китайская модель экономической глобализации // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2023. № 2. (36). [Электронный ресурс]. URL: https://www.dipacademy.ru/documents/6751/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F_%D0%A2%D0%BA%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf

11. Ши Икэ, Эпова Н. Р. Влияние внешнеторговой политики на экономическое развитие Китая // Российско-китайские исследования. 2021. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-vneshnetorgovoy-politiki-na-ekonomicheskoe-razvitie-kitaya>

12. Baldwin R. The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. Harvard University Press. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.scribd.com/document/476775536/The-Great-Convergence-pdf>

13. International Energy Agency (IEA, 2024). Renewable Energy Development in China. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/>

14. International Monetary Fund (IMF, 2024). China Economic Outlook. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Countries/CHN>

15. Lin J. Y. Demystifying the Chinese Economy. Princeton University Press. [Электронный ресурс]. URL: https://assets.cambridge.org/9780521191807/frontmatter/9780521191807_frontmatter.pdf

16. Ministry of Commerce of China (MOFCOM, 2024). Belt and Road Initiative Trade Report. [Электронный ресурс]. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/>

17. National Bureau of Statistics of China (NBS, 2024). Key Economic Indicators. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/>

18. National Development and Reform Commission (NDRC, 2024). China's Industrial Policy. [Электронный ресурс]. URL: <https://en.ndrc.gov.cn/>

19. Naughton, B. (2007). The Chinese Economy: Adaptation and Growth. MIT Press. [Электронный ресурс]. URL: <https://valeriaribeiroufabc.wordpress.com/wp-content/uploads/2017/07/barry-naughton-the-chinese-economy-transitions-and-growth.pdf>

20. OECD. Research and Development Expenditure in China. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/sti/inno/researchanddevelopmentstatisticsrds.htm>

21. People's Bank of China (PBOC, 2024). Monetary Policy Report. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/>

22. Rodrik D. The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. Princeton University Press. [Электронный ресурс]. URL: <https://repository.unescap.org/bitstream/handle/20.500.12870/3866/ESCAP-2012-PB-globalization-paradox-democracy-future-economy-n4.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

23. Shambaugh D. Where Great Powers Meet: America and China in Southeast Asia. Yale University Press. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hinrichfoundation.com/research/book/where-great-powers-meet-america-and-china-in-sea/>

24. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO, 2024). China Education Statistics. [Электронный ресурс]. URL: <https://uis.unesco.org/en/country/cn>

25. United Nations Environment Programme (UNEP, 2024). China's Environmental Policy. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unep.org/>

26. US Department of Commerce (2024). Export Controls on China's Technology Sector. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.commerce.gov/>

27. World Bank (2024). China GDP Data. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=CN>

28. World Intellectual Property Organization (WIPO, 2024). AI and Patent Innovation. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/portal/en/index.html>

29. World Trade Organization (WTO, 2024). Global Trade Statistics. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_e.htm

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

УДК 330.1;351

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ (ЧАСТЬ 1)

Кравченко Л. А., Троян И. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: kravchenko_L.A@mail.ru

В статье представлено рассмотрение важных проблем экономической теории, в том числе методологические аспекты и элементы методологии науки как основы государственного управления. Обоснована системная роль государства и рассматривается формирование теоретико-методологического подхода в государственном управлении с применением современных экономических теорий. Отмечено, что в современных научных исследованиях необходимо использование методологии, которая позволяет системно и синергетически исследовать экономические процессы и явления. Выявлены преимущества использования междисциплинарного подхода как методологической основы исследования проблем государственного управления и показано, что такой подход позволяет максимально приблизить экономическую теорию к решению прикладных задач государственного управления. Подчеркивается необходимость такого регулирования, которое определяет стратегические цели развития и мобилизующего для этого эффективные инструменты государственного управления, позволяющие оперативно реагировать на новые проблемы и вызовы.

Ключевые слова: экономическая теория, методология, метод, системный подход, междисциплинарный подход, государственное регулирование, государственное управление.

ВВЕДЕНИЕ

Современный цивилизационный кризис выявил неспособность правительств разных стран обеспечить стабильное экономическое развитие. В условиях существенных изменений в позиционировании стран в мировой экономической и политической системе, межстранового противоборства, принимающего формы военных конфликтов или экономических санкций, чрезвычайно важно обладать прогностическим инструментарием, позволяющим научно обосновать возможные будущие трансформации с тем, чтобы не только подготовиться к ним, но и, по возможности, придать им управляемый характер [1].

Сегодня формируется новая экономическая реальность, во многом обусловленная турбулентностью мировой экономической системы. Поэтому актуальной проблемой и ключевой задачей остается обеспечение стабильности российской экономики и практики государственного управления. Так, возникает объективная необходимость разработки новых стратегий государственного управления, учитывающих фактор риска и неопределенности. В современных условиях кризисы порождаются новыми вызовами, на которые необходимо государству отвечать, но теоретические решения, разработанные различными учеными ранее, могут оказаться недостаточными для решения текущих проблем. При этом в настоящее время особое значение приобретает реактуализация фундаментальных экономических исследований закономерностей функционирования глобальной геоэкономической системы в условиях определения конфигурации новой мирохозяйственной системы, осмысление концепции

социально-экономического развития, а также выявление возможных вариантов его интерпретаций, широкое междисциплинарное обсуждение ключевых проблем современной экономики и выявление идей, моделей и механизмов переориентации экономической политики на приоритетное развитие высокотехнологичного производства, интегрированного с передовыми достижениями науки.

Экономическая наука включает в себя все сферы экономической деятельности общества, а также осмысление этой деятельности. Последнее влечет за собой широкий круг вопросов: от научных теоретических исследований до общественного мнения. Это означает, что экономическая деятельность составляет одну из основных сфер общественной жизни, поскольку она обеспечивает удовлетворение основных потребностей людей. Это объясняет тот факт, что экономические процессы быстро и непосредственно влияют на все показатели уровня и качества жизни людей. «Экономика не остается неизменной, регулярно трансформируются не только технологии, но с течением времени принципиально меняются и институты. Однако это происходит не по идеологическим клише, а по объективно действующим экономическим законам. Для успешного развития экономики нужна правильная научная теория, ведь «нет ничего практичнее хорошей теории». Но теория должна соответствовать научным критериям истинности, объяснять причинно-следственные связи, раскрывать реальные закономерности процессов воспроизводства экономики. Для этого аксиоматика экономической теории должна соответствовать реальности. К сожалению, господствующая в ней научная парадигма таким требованиям не соответствует» [2]. Часто вновь возникающие теории, позиционируемые как имеющие парадигмальный статус, приводят к появлению определенной мифологизации экономического пространства, являясь также свидетельством парадигмального кризиса в экономической науке. В качестве наиболее убедительных свидетельств кризиса современной экономической науки рассматриваются, с одной стороны, ее очевидные провалы в предсказании важных экономических событий, с другой – неоднократно проявлявшаяся неэффективность многих рекомендаций, предлагавшихся от ее имени [3]. Поэтому, чтобы построить эффективную систему управления развитием экономики, необходимо разработать новую научную парадигму, объясняющую закономерности развития современной экономики. Это делает исследования современной экономической теории приоритетными, необходимыми для стратегии дальнейшего развития экономики, а также для создания основ принятия управленческих решений, которые могут оптимизировать экономическую практику. Сегодня ученые–экономисты рассматривают широкий спектр вопросов, связанных с развитием современной экономической мысли: концептуальные основы мейнстрима и политической экономии, альтернативные направления развития теоретической экономики, механизмы взаимодействия экономических теорий в конструировании нового миропорядка, вклад экономической теории в решение проблем экспансии новых технологий, неравенства, экологической справедливости, глобализации, регионализации и полицентричного мира. В периоды кардинальных социально-экономических преобразований остро стоит проблема методологии.

Исследование теоретических и методологических основ развития российской экономики, приоритетных направлений ее государственного регулирования, а также инструментов государственного управления нашли отражение в трудах многих ученых [1–8]. Несмотря на значительные достижения в научных исследованиях и накопленный опыт многих стран, происходящие кардинальные сдвиги в мировом хозяйстве требуют адекватных современным трансформациям инструментов управления развитием национальной экономики. Анализ и обобщение теоретических основ государственного управления обусловлено изменениями институциональной среды и направлений развития национальной экономики России. В последние десятилетия значительно возросла важность научных исследований вызванных, прежде всего, коренными изменениями социально-экономической системы, логики внутреннего развития экономической теории и другими факторами, связанными с изменением мировых экономических процессов, что обуславливает необходимость осмысления междисциплинарных связей экономической теории с другими науками, в частности, с государственным управлением. Таким образом, сложность, недостаточная изученность и нерешенность на теоретическом и прикладном уровнях проблем развития российской экономики тесно связаны с поиском адекватных инструментов и методов государственного управления.

Целью статьи является выявление важнейших теоретических проблем экономической теории и обоснование методологических подходов для принятия эффективных решений в государственном управлении.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Развитие экономической теории свидетельствует, что к оценке роли государства существовали разные подходы, в их числе можно назвать различные экономические школы: меркантилизм, классическая теория, марксизм, кейнсианство, монетаризм, институционализм и другие экономические теории. Экономическая наука переосмысливала и отражала различную степень участия государственных органов в управлении экономикой на отдельных исторических этапах. При этом межуровневые связи, в частности, взаимосвязь между макроэкономическими процессами и поведением микроэкономических субъектов всегда остаются дискуссионным вопросом в экономической теории и не имеют универсального характера. Экономическим системам развитых стран присуща тесная взаимозависимость микро- и макроэкономических процессов, значительное влияние макроэкономических регуляторов на микроэкономических агентов, что создает объективную основу для применения различных моделей (кейнсианских, монетаристских, институциональных и других) регулирования и направлений государственного управления.

Связь экономической теории с хозяйственной практикой, предпринимательством, государственным управлением опосредована следующими функциями:

– теоретико-познавательной – исследование поведения хозяйствующих субъектов, познание и объяснение экономических процессов, построение моделей этих процессов с использованием экономических законов и категорий;

– методологической – с ее помощью научно-обоснованно доказываются взаимосвязи и фундаментальные взаимозависимости между экономическими явлениями и процессами, а также формирование методологических основ комплекса экономических наук: функциональных, отраслевых, государственного управления и других;

– практической – разработка ориентиров для экономической политики, управления хозяйственными процессами, что на основе экономических знаний позволяет принимать обоснованные, оптимальные управленческие решения по различным вопросам и на разных уровнях хозяйственной деятельности;

– прогностической – обоснование планов и прогнозирование перспектив экономического развития.

С развитием экономической науки сложнее становилась ее внутренняя структура, что проявляется в появлении новых уровней экономического анализа, расширении и спецификации объектов исследования, изменении аналитического инструментария. Актуальные направления экономической теории на современном этапе связаны с интеграцией разрозненных теоретических подходов с целью согласованного рассмотрения различных экономических процессов. Чем шире спектр наук, достижения которых интегрирует экономическая теория, тем объективнее она отражает реалии хозяйственной деятельности человеческого общества. Поэтому экономическая теория развивается в направлении расширения ее предмета за счет охвата новых сфер научных знаний, обогащения методологии экономических исследований. «Экономическая теория для разработки новых методологических подходов не может не впитывать в себя результаты исследований других социальных наук, то есть по сути своей должна носить междисциплинарный характер. Понимание экономики как органической составляющей общественного развития размещает «экономическое» в более общий контекст, в котором оно становится предметом междисциплинарного исследования. Тем самым удаётся максимально приблизить экономическую теорию к решению прикладных задач. Речь идёт об органической связи уровней философской методологии, методологии экономической теории и прикладной методологии, реализуемых в конкретных исследованиях» [9].

Методологию рассматривают «как учение о научных методах познания, как систему научных принципов, на которых основывается исследование и осуществляется выбор совокупности познавательных средств, приемов, методов исследования. Одновременно методология трактуется как теория исследовательских приемов, создание концепций, система знаний о теории науки» [10]. Следовательно, методологию следует рассматривать как концептуальное представление о методах исследования, правила, приемы и алгоритмы мышления при создании концепции научного исследования, которые обеспечивают достижение научно-исследовательских целей. Под методологической основой исследования необходимо понимать базовое положение, на котором строится научное исследование. Также

методологию понимают в двояком смысле: это и совокупность приемов, методов и принципов, которые использует наука в своем исследовании, также это отрасль знаний, изучающая средства и принципы организации познавательной и практической, преобразовательной деятельности человека [11]. Методология выражает теорию обоснования методов исследования, раскрывает сущность их применения, выявления причинно-следственных связей и закономерностей проявления знаний как в теории, так и на практике обоснования экономических отношений. Метод же означает прием, способ и форму проведения исследований в области теории, и в части проявления системы отношений в хозяйственной практике.

Экономическая методология представляет собой философию науки, применяемую в экономике. Философия науки исследует природу предположений, типы причинности, формы объяснения, используемые в науке и т. д. Соответственно, и экономическая методология исследует природу предположений (идеализаций), типы причинности и формы объяснений, которые используются в экономической науке. Построение методологии экономических исследований является сложной задачей из-за ряда принципиальных моментов, которые находятся в основе методологических аспектов идентификации сущности экономической динамики. В результате не существует универсального методологического подхода, на основании которого была бы возможна разработка наиболее эффективных направлений экономического развития и комплексная идентификация совокупности причин диспропорций в экономике. «Вне методологии на первое место выходит субъективизм исследователя, который создаёт трудности получения реально новых научных результатов исследований. Появление новых методологических новаций в ответ на острые вызовы общественного развития – нормальное явление в развитии любой науки. Новые объективные социально-экономические проблемы и вызовы настоятельно требуют теоретико-методологических ответов» [9].

Основой методологии экономической науки является развитие теории познания, отражение в обобщающих категориях, понятиях и законах всего разнообразия хозяйственной жизни общества, ее упорядочение и приведение к определенной структуре экономических процессов. Полнота исследования проблем государственного управления как результата исторического развития государства и общества в целом, зависит от умелого, целостного синтезированного применения методологии анализа экономики, культуры, истории религии, которые накладывают отпечаток на поведение людей, на деятельность государственных органов. При этом главным методологическим принципом современных исследований должно стать единство сущности понятий при использовании их различными экономическими науками и, одновременно, признание многоступенчатости сущности категорий, явлений и процессов [11]. Методология, используемая применительно к специфическому объекту исследования, представляет раздел междисциплинарной, сформировавшейся в связи с вычленением специального научного уровня исследований. Наибольшее распространение получили системная и синергетическая методологии.

Системный подход – это междисциплинарная методология. Методологическая специфика системного подхода определяется тем, что она ориентирует исследования

на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих его механизмов, на выявление многообразных типов связей, соединение их в единую теоретическую картину. Одним из преимуществ системного подхода является возможность рассмотрения сложных систем как целостного комплекса и совокупности отдельных его частей, что значительно упрощает проведение анализа функционирования системы и формирование механизма управления. Это требует рассматривать государственное управление как систему, имеющую свои цели, задачи, функции, структуру. Системный подход, по нашему мнению, выступает наиболее адекватным с методологической точки зрения инструментом анализа агентного взаимодействия в экономической сфере. В современном государственном управлении реализация системного подхода предполагает: «формулирование целей и выстраивание их иерархии до начала какой-либо деятельности, связанной с управлением и, в частности, с принятием решений; получение максимального эффекта, т. е. достижение поставленных целей при минимальных затратах путем сравнительного анализа альтернативных путей и методов достижения целей и осуществления соответствующего выбора; количественную оценку целей, методов и средств их достижения, основанную не на частных критериях, а на широкой и всесторонней оценке всех возможных и планируемых результатов деятельности» [2]. Применение системного подхода в государственном управлении дает возможность учитывать все необходимые взаимосвязи и взаимодействия экономических агентов, позволяет при определении целей оценивать все факторы и направлять механизмы управления на достижение синергетического эффекта от этого взаимодействия для всей системы в целом.

Методология синергетики обосновывает существенные различия статической и динамической механики, поведения замкнутых и открытых, равновесных и неравновесных систем, взаимодействия хаотической и упорядоченной форм развития, поэтому, на наш взгляд, ее необходимо использовать в научных исследованиях в государственном управлении. Методология государственного управления представляет собой систему категорий, принципов, норм, ценностей, парадигм, теорий и методов, используемых для познания и преобразования практики воздействия государственных органов на общественные отношения.

Теоретико-методологической основой обусловленности экономической сущности и принципов функционирования государственного управления стало обоснование в экономической науке теорий государственного регулирования рыночной экономики, теорий общественного выбора, теорий институционализма, общественного благосостояния и развития государственных услуг. «Теория государственного управления имеет свой предмет исследования, изучает закономерности организации управления обществом со стороны государства и возникающие во время этого процесса отношения между людьми, определяет методологические приемы, соответствующие специфике объекта исследований, разрабатывает систему и методы активного воздействия на объект управления и определяет способы предвидения и прогнозирования изучаемых процессов» [5].

Современная научная рациональность подталкивает ученых к междисциплинарности, которое, по нашему мнению, будет важной чертой

современного этапа научных исследований проблем государственного управления. Междисциплинарный подход предполагает использование различных методов как для формирования новой парадигмы, так и для изучения экономической практики, но он не включает в себя математизацию или биологизацию экономики, как это иногда происходит в некоторых отраслях, развивающихся в рамках философии экономики. Они провозглашают, что их объектом является человек во всей его целостности и его/ее неразрывная связь с природой, но подменяют философский и методологический анализ некими рассуждениями, которые они объявляют относящимися к метафизическому теоретическому уровню. Такой подход не может создать необходимых оснований для формирования новой парадигмы, поскольку философский анализ – это точный логико-методологический алгоритм, основанный на комплексе принципов и законов. В широком смысле междисциплинарность предусматривает взаимную интеграцию организационных концепций, методологических процедур, эпистемологии, терминологии, данных и организации исследований, объект которых становится более системным и многоаспектным, зависящим от значительного количества факторов.

Между тем само участие государства в экономической жизни, границы и параметры этого участия с самых первых шагов развития научной экономической мысли относились к числу самых дискутируемых вопросов. Данная проблема носит междисциплинарный характер, связывая воедино представления о справедливости того или иного общества, теорию образования государства и права, теорию власти и распределения ответственности и, конечно же, экономическую теорию.

«Проблема, однако, заключается в том, какие именно науки или теории имеет смысл привлекать для того, чтобы найти или предложить адекватные решения анализируемых или изучаемых задач. Обоснованность выбора соединяемых областей научных знаний определяется содержанием и характером предмета науки государственного управления и пониманием того, что считать успешным решением проблемы. Экономическая наука накопила значительные результаты для понимания и объяснения процессов управления. Специалисты, которых готовят для работы в государственном управлении, должны быть ознакомлены с этими результатами для того, чтобы понимать условия, в которых они будут работать. В условиях растущего согласия с тем, что теоретические основы государственного управления имеют междисциплинарный характер, важно включение в состав интегрируемых дисциплин также и экономической теории» [6].

Социально-экономические эффекты государственного управления – важный объект исследований, который вызван реальными практическими вызовами. Именно экономическая теория призвана объяснить причины несовпадения ожидаемых результатов от фактического эффекта. В методологическом плане наиболее перспективным является институциональное объяснение расхождений между ожидаемыми и фактическими последствиями реализации государственного управления. При этом на первый план выходит наличие асимметричности информации относительно содержания экономических реформ.

Парадокс синхронизации экономической теории и реального развития экономики в том, что современное государственное управление в отдельных странах базируется на экономических выводах, которые сначала отражали последствия, предостережения относительно развития отдельных явлений, а не основополагающие

принципы. Известно, что экономический анализ отталкивается от следующих базовых закономерностей развития экономики: законов конкуренции, регулирующих совокупный спрос и совокупное предложение, принципа экономического равновесия, альтернативности потребления и инвестирования; факторных моделей экономического роста; взаимодействия денежной и финансовой политики, инфляции и безработицы и других. В то же время, несмотря на высокий профессиональный уровень использования экономического регулирования, на сегодня достаточно частым является возникновение экономических кризисов.

Экономическая теория исследовала и продолжает исследовать функционирования экономических систем в основном в контексте взаимодействия двух ключевых институтов – рынка и государства. Традиционной была и остается дискуссия о соотношении функций рынка и государства, диапазон точек зрения при этом находится в пределах от полного отрицания государства как экономического субъекта до приоритетности этого института в структуре современной экономики. Доминирование в экономической науке последней трети XX – начала XXI в. ортодоксальных либеральных теорий сформулировало так называемый экономический «мейнстрим», спровоцировало достаточно критическое отношение к государству как экономическому субъекту, целесообразности государственного вмешательства в процессы экономического развития. Однако сформировавшаяся в начале 80-х гг. XX в. на этой теоретической идеологии экономическая политика западных стран одновременно потерпела фиаско под натиском глобального экономического кризиса и его последствий.

Ни одна экономическая теория не способна полностью охватить и объяснить все аспекты современной экономической реальности. Каждая экономическая теория уделяет внимание определенным аспектам экономики. Поэтому сочетание нескольких экономических теорий может быть вполне обоснованным и полезным подходом. Так как каждая теория обладает своими сильными и слабыми сторонами, объединение разных подходов позволяет использовать наилучшие стороны каждой из них и разрабатывать гибкие и адаптивные стратегии для различных экономических ситуаций. Некоторые экономические школы подчеркивают ключевую роль государства, другие определяют пределы вмешательства государства в экономику, а третьи даже ограничивают роль государства минимальными функциями. У каждого государства свой подход к экономической политике, который определяется геополитическим положением, доступностью ресурсов и многими другими факторами. В таких условиях комбинирование методов и сочетание нескольких экономических теорий представляется разумным и эффективным механизмом государственного управления [12].

Каждый этап развития экономической системы связан, прежде всего, с переоценкой роли как доминирующих ресурсов, так и институтов, которые обеспечивают ее полноценное функционирование. Так, уже очевидно, что постиндустриальный этап эволюции общества определяется формированием новой конфигурации институтов, которые представлены государством, рынком и организациями (бизнесом). Одним из препятствий в развитии эффективного государственного управления является отсутствие гибких механизмов разрешения конфликтов между частными и общественными интересами [13]. Осуществление экономической политики государства требует выхода на такую институциональную траекторию, которая способна задействовать модель, ориентированную

одновременно и на развитие конкуренции на преодоление ограничений рынка на основе целенаправленного формирования отношений сотрудничества между государством, предпринимательским сектором и обществом в целом. «На более фундаментальном уровне помимо выполнения базовых функций государство обеспечивает условия возникновения новых рынков, поддерживают стабильность уже существующих, в периоды кризисов берет на себя управление, минимизируя нанесённый ущерб, создавая правовую основу для корпораций. Государство также поддерживает функцию производства и распространения знания, покрывает издержки на разработку инноваций в частном секторе» [14]. Кроме того, высказывается мнение, что особенностью развития современной науки является дезактуализация противопоставления плановых и рыночных механизмов. Сейчас возникают новые формы согласований и координации экономических взаимодействий в деятельности всех хозяйствующих субъектов. Подобные процессы наблюдаются на макроэкономическом уровне, что требует их научного осмысления и использования при формировании доктрины государственного управления [15].

«Непременным объектом научных исследований должна также стать деятельность государственных органов, которая в не меньшей мере, чем обычные рыночные отношения, нуждается в теоретическом обосновании и в соответствующих практических рекомендациях. Гораздо больше внимания следует уделять процессам, происходящим в масштабе всего общества, нестандартным и неравновесным ситуациям, регулирующей деятельности государства и других общественных институтов как по поддержанию конкурентной рыночной среды, так и по обеспечению поступательного общественно-экономического развития» [4]. «Наука о государственном управлении развитием экономики не может игнорировать знания о человеке, общественном сознании и социальных отношениях, накопленных в смежных гуманитарных дисциплинах. Для того, чтобы между целями и результатами было соответствие, в системе государственного управления должны постоянно работать обратные связи, подвергающие практической проверке достижение установленных целей и корректирующие методы управления» [2].

ВЫВОДЫ

Таким образом, государственное управление, являясь инструментом прикладной реализации экономической теории, непосредственно воздействует на хозяйственную практику. Взаимодействие государства с обществом постоянно развивается: государство обретает новые функции и утрачивает устаревающие, формирует новые государственные услуги и способы их предоставления [16]. Исходя из этого понимания, можно проводить более содержательный анализ тенденций механизма государственного управления параллельно с дифференциацией его составляющих и обосновывая системную роль государства. Так, можно изучать проявления воздействия этого механизма в функционировании хозяйствующих субъектов на уровне государства, отдельных регионов и территорий, на уровне предприятий. Кроме того, интерес вызывают различные аспекты воздействия – экономические, правовые, административные и другие. Такая детализация механизма государственного управления содействует более глубокому изучению особенностей его реализации и ориентируется на системный подход. Разные объекты управления и

отношения, возникающие при их взаимодействии, нуждаются в различных подходах для определения способов и степени государственного влияния.

Дальнейшее исследование проблем государственного управления будет представлено во второй части статьи.

Список литературы

1. Бахтизин А. Р. Контуры новой мировой экономической системы и перспективы России // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2024. Т. 3. № 2. С. 40–50. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-40-50
2. Глазьев С. Ю. Управление развитием экономики: курс лекций. 2019. 759 с.
3. Некипелов А. Д. О социуме как объекте теоретических исследований и кризисе в современной экономической теории: Сборник статей. К 300-летию Российской академии наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, 2023. С. 672–677. EDN TMUUYC
4. Князев Ю. К. Современная экономика – синтез рынка и социального регулирования: Монография. М.: ИНФРА-М, 2014. С. 45–46.
5. Осейчук В. И. Теория государственного управления: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 252 с.
6. Тамбовцев В. Л., Рождественская И. А. Экономическая теория в составе научных оснований государственного управления // Terra Economicus. 2022. № 20 (2), С.6–20. DOI:10.18522/2073-6606-2022-20-2-6-20
7. Институты государственного управления: стратегические вызовы и тенденции развития: Сборник науч. трудов / Под ред. И. И. Смотрицкой, Е. С. Исламовой. М.: ИЭ РАН, 2018. 202 с.
8. Черных С. О соотношении процессов государственного управления и регулирования: теория и российская практика // Общество и экономика. 2024. № 5. С. 15–26. [Электронный ресурс]. URL: https://inecon.org/docs/2024/Chernykh_SE_5_2024.pdf?ysclid=m6rq78i231663832368
9. Мазараки А., Лагутин В. Перспективы методологических изменений в экономической теории XXI века // Экономическая теория. 2020. № 1. С. 5–18.
10. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд; Науч.-ред. совет.: В. С. Степин [и др.]. Москва: Мысль, 2000. 721 с.
11. Кравченко Л. А., Радько А. А. Методологические проблемы современных экономических исследований // Вестник ВСГТУ. Улан-Удэ, 2017. № 2 (65). С. 86–93.
12. Муслимов Р. А., Адамбекова А. А. Государственное управление через призму экономических теорий // Государство и бизнес: теория и практика управления. 2023. № 6 (153) С. 129–149 DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-6-129-149>
13. Ladilina I. P. Public administration: challenges and solution // International journal of applied and fundamental research. 2015. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.science-sd.com/460-24752>
14. Флигстин Н., Фогел С. Политическая экономия после неолиберализма // Экономическая социология. 2021. Т. 22. № 4. С. 35–48.
15. Камышова А. Б., Родименкова М. О. Трансформация методологии и практики государственного регулирования инвестиционной активности реального сектора России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2021. Т. 7 (73). № 4. С. 42–51.
16. Талапина Э. В., Козяр Д. Ю. Проактивные государственные услуги: на пути к алгоритмизации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 7–32. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-2-7-32.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

УДК 339.9:338.43:332.1

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ СТРАН–ОСНОВАТЕЛЬНИЦ БРИКС НА РЫНКЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кузнецов М. М.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация
E-mail: kuznecmikle@rambler.ru*

Исследование направлено на выявление сравнительных конкурентных преимуществ стран–основательниц БРИКС в экспорте продовольственных товаров, оценку рисков сырьевой зависимости и разработку стратегий укрепления их позиций на глобальном рынке. На основе анализа данных ITC Trade Map за 2019–2022 гг. и расчета индексов Херфиндаля–Хиршмана (HHI) и выявленных сравнительных преимуществ (RCA) установлено, что основные выявленные сравнительные конкурентные преимущества Бразилии относятся к категории экспорта масличных семян ($RCA > 7$) и мяса; Индия выделяется в специях и злаках ($RCA > 2.5$); Китай обладает диверсифицированным портфелем с акцентом на переработанные продукты ($RCA > 7$ для шеллака); Россия концентрируется на рыбе и зерне, а ЮАР – на растительных материалах. Главные риски в период турбулентности торговли продовольственными товарами заключаются в высокой зависимости от сырьевого экспорта: так, 65 % товарных групп России и ЮАР имеют $RCA < 0.8$. Также характерна уязвимость к геополитическим кризисам в виде санкций и логистических ограничений, а также возросшей конкуренции за рынки Азии и Ближнего Востока. В рамках исследования установлено, что основные направления решения вызовов турбулентности связаны с развитием производства готовых пищевых продуктов и занятием халяль–сегмента. Вместе с этим необходимы решения, направленные на расширение экспорта за счет рынков стран Африки и интеграционной инициативы по созданию транспортных коридоров. Не менее важна общая гармонизация стандартов внутри блока. Результаты подчеркивают необходимость перехода от сырьевой модели к экспорту продукции с добавленной стоимостью и усиление внутриалянской кооперации, что в конечном итоге позволит странам БРИКС минимизировать риски и закрепить лидерство в мировой торговле продовольственными товарами, обеспечив тем самым собственную безопасность.

Ключевые слова: турбулентность, страны БРИКС, продовольственный экспорт, диверсификация экспорта, выявленное сравнительное преимущество.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобализации и усиления конкуренции на мировых рынках диверсификация экспорта продовольствия становится ключевым фактором устойчивого развития экономик стран БРИКС, занимающих значимые позиции в международной торговле продовольствием, однако их экспортные стратегии остаются неравномерными. Одни страны ориентированы на сырьевой экспорт, другие демонстрируют успехи в поставках продуктов с высокой добавленной стоимостью. Актуальность работы обусловлена необходимостью оценки структурных изменений в агропродовольственном секторе БРИКС за период 2019–2022 гг., который включает вызовы пандемии, геополитические кризисы и трансформацию глобальных цепочек поставок.

В исследованиях Барсегяна А. Г. и Друзина Р. В. [1] подчеркивается важная макроэкономическая роль стран БРИКС в мировой экономике. Изыскания Тараскина Д. С. [2] и Яковенко Н. А. [3, 4] посвящены структурным изменениям агропродовольственного экспорта России, методики оценки конкурентоспособности и диверсификации. Влияние турбулентности на торговую политику стран–основательниц БРИКС и конкретно Российской Федерации исследуется в работе Никитиной М. Г. [5] и других авторов. Тем не менее, во многих исследованиях присутствуют региональные дисбалансы: так, ЮАР и Индия изучены менее подробно, чем Китай и Бразилия, что сохраняет дефицит работ, охватывающих все страны альянса и современные вызовы.

Цель статьи – выявить сравнительные конкурентные преимущества в экспорте продовольственных товаров стран–основательниц БРИКС, обосновать риски чрезмерной зависимости от узкой товарной номенклатуры и предложить возможные направления по укреплению позиций на мировом рынке продовольствия.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Глобальная турбулентность торговых отношений оказывает многогранное влияние на продовольственный рынок, затрагивая цепочки поставок, цены, доступность продуктов и продовольственную безопасность.

В период 2019–2022 годов торговые отношения претерпели значительные изменения, развиваясь под воздействием факторов турбулентности. Этот период стал временем глубоких потрясений и структурных сдвигов, вызванных наложением множества кризисов и вызовов, что показано в таблице 1.

Таблица 1.

Причинно-следственный базис турбулентности развития торговых отношений на рынке продовольствия

Причина	Следствие	Результат
Пандемия COVID–19	Разрушение глобальных цепочек поставок из-за локдаунов и закрытия границ. Резкий рост спроса на медицинские товары и продукты питания при сокращении логистических возможностей	Резкий рост цен на продовольствие Дефицит базовых продуктов
Геополитические конфликты	Торговая война США и Китая (повышение пошлин, ограничения на технологии). Конфликт на Украине (2022) и его последствия: санкции против России, блокада черноморских портов, кризис поставок зерна и удобрений.	
Климатические шоки	Экстремальные погодные явления (засухи, наводнения), снизившие урожайность в ключевых аграрных регионах (Индия, Аргентина, ЕС).	

Источник: составлено автором

Кризисы показали, что зависимость от узких цепочек поставок, климатическая уязвимость и геополитика способны за несколько месяцев перечеркнуть десятилетия

прогресса в борьбе с голодом. Несмотря на это, турбулентность ознаменовалась началом реформ с учетом ускорения цифровизации, инвестиций в агротехнологии и пересмотра стратегий продовольственной безопасности.

Агропромышленный комплекс стран БРИКС многомерный, требующий определенных подходов для выявления его особенностей [2]. Страны-основательницы БРИКС являются активными участниками международного разделения труда, занимая достаточно весомое место в мировом рейтинге экспортеров продовольственных товаров (рис. 1 и 2).

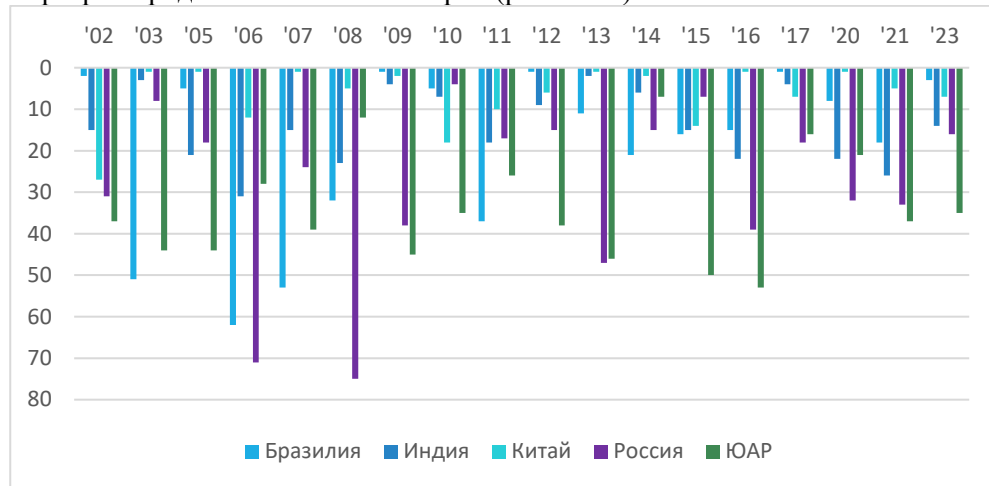

Рисунок 1. Страны БРИКС в рейтинге ТОП–10 в мировом экспорте продовольственных товаров по укрупненным группам, 2019 год

Источник: составлено автором по данным ITC Trade Map [6]

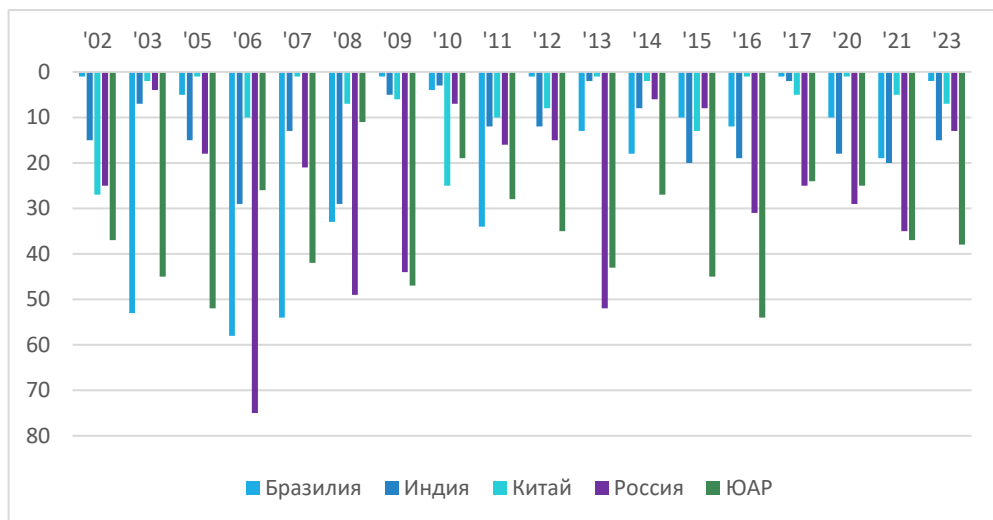

Рисунок 2. Страны БРИКС в рейтинге ТОП–10 в мировом экспорте продовольственных товаров по укрупненным группам, 2022 год

Источник: составлено автором по данным ITC Trade Map [6]

На рисунках все страны объединения выстроены согласно их позиции на 2019 и 2022 годы и относительно абсолютного показателя стоимости экспорта среди всех экспортирующих стран мира по продовольственным товарным группам.

Согласно данным рисунка, наблюдается следующая динамика в позициях стран БРИКС на рынке экспорта продовольственных товаров. Так, нами учитывались лишь те позиции, которые соответствовали рейтингу от 1 до 10 включительно, т. е. ТОП–10.

Учитывая произошедшие изменения, в 2022 г. ведущие позиции страны БРИКС занимали в следующих товарных группах (в скобках указан год, когда было попадание в ТОП, если год не указан, значит и в 2019 году в этой товарной группе страна входила в ТОП):

Основные позиции принадлежат следующим странам БРИКС по таким товарным группам, как:

- Живые животные и продукты животного происхождения: Бразилия – 02, 05; Индия – 03; Китай – 03, 05; Россия – 03; ЮАР – в 2022 году не входит в ТОП–10.

- Продукты растительного происхождения: Бразилия – 09, 10, 12; Индия – 09, 10, 12 (2019 г.), 13, 14; Китай – 06 (2022 г.), 07, 08, 09, 11, 12, 13, 14; Россия – 10, 14 (2022 г.); ЮАР – 14 (2019 г.).

- Жиры и масла животного или растительного происхождения: Бразилия – 15 (2022 г.); Россия – 15. Остальных стран нет в ТОП–10

- Готовые пищевые продукты; алкогольные и безалкогольные напитки и уксус: Бразилия – 17, 20, 23; Индия – 17; Китай – 16 (2019 г.), 17, 20, 21, 23; Россия и ЮАР не входят в ТОП–10.

Диверсификация по товарным группам в динамике относительно экспорта продовольствия странами БРИКС указывает на то, что в 2019 году наибольший удельный вес в общем объеме экспорта продовольствия в исследуемых странах приходился на группу «Продукты растительного происхождения» в Бразилии – 53 %, Индии – 47 %, Китае – 36 %, России – 42 % и ЮАР – 49 %. В 2022 году эта же группа занимает такую же значительную долю в структуре экспорта продовольственных товаров стран БРИКС.

Отметим, что для России за 2019 год в ее структуре экспорта продовольственных товаров 14,2 % приходится на группу «Жиры и масла животного или растительного происхождения», тогда как для других членов БРИКС эта доля колеблется от 1,4 %, как в Бразилии, до 3,5 %, как в ЮАР. В 2022 году произошло увеличение доли этой товарной группы на 2 % в России, примерно такая же ситуация наблюдается и по другим участникам БРИКС.

Диверсификация внутри этих товарных групп представлена на рисунках 3 и 4.

Результат анализа графиков демонстрирует, что странам БРИКС свойственен сырьевой характер экспорта продовольственных товаров. Особенно это касается позиций на продовольственном рынке Бразилии и Индии, которые экспортировали продовольственных товаров на сумму 76098987 и 33865216 тыс. долл. США соответственно [4]. Так, в 2019 году в Бразилии 75 %, в Индии 77,9 % приходилось на экспорт товаров из групп «Живые животные и продукты животного происхождения» и «Продукты растительного происхождения», а группе «Готовые

пищевые продукты; алкогольные и безалкогольные напитки и уксус» принадлежало 22,3 % и 18,7 % соответственно.

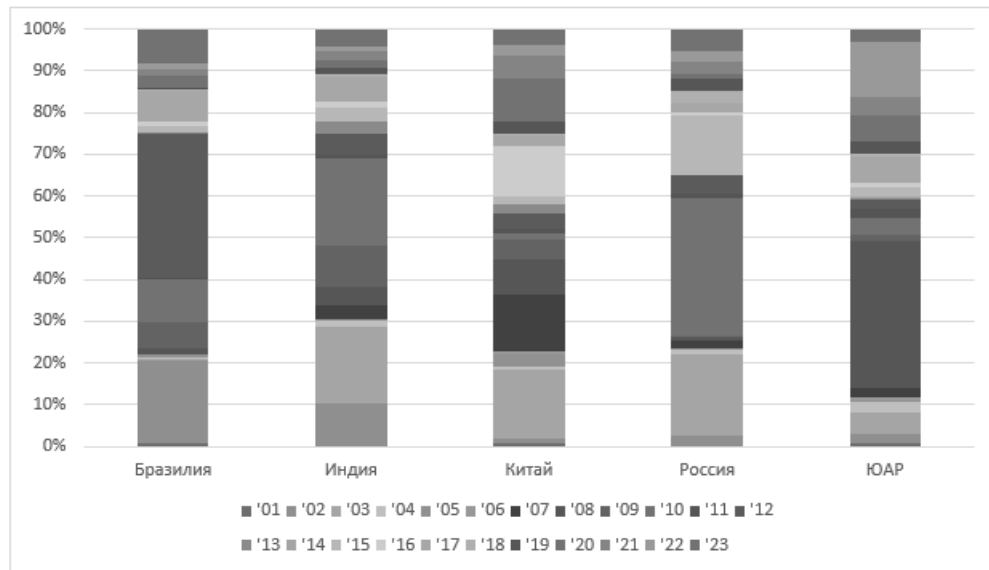

Рисунок 3. Диверсификация по товарным группам экспорта продовольствия стран БРИКС в 2019 году
Источник: рассчитано и составлено автором по данным ITC Trade Map [6]

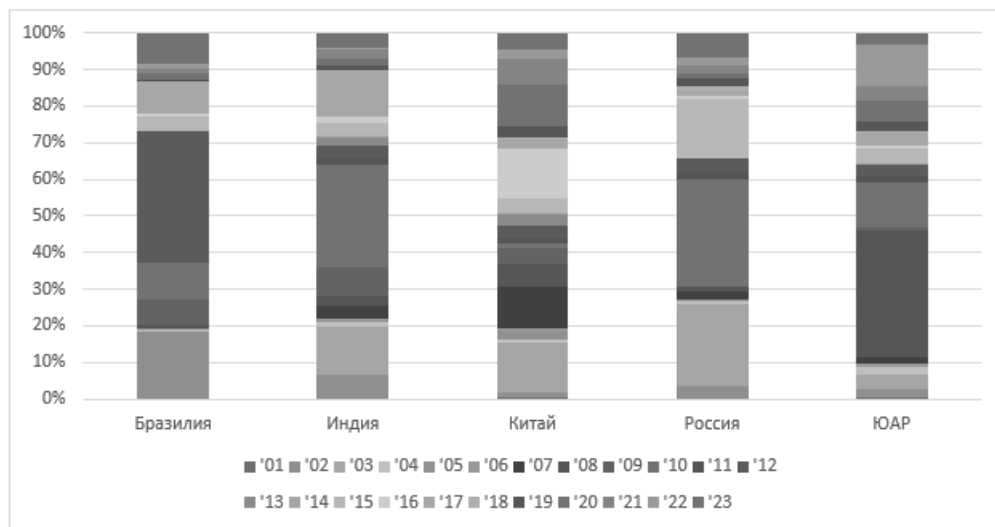

Рисунок 4. Диверсификация по товарным группам экспорта продовольствия стран БРИКС в 2022 году
Источник: рассчитано и составлено автором по данным ITC Trade Map [6]

Позиции остальных стран БРИКС в рамках их структуры экспорта продовольственных товаров в 2019 году выглядят следующим образом:

– в Китае 58,1 %, а в России 65 % приходилось на вышеуказанные группы, при этом группа «Готовые пищевые продукты; алкогольные и безалкогольные напитки и уксус» составляла 40,3 % и 20,8 % соответственно. Как было уже отмечено, для экспорта продовольственных товаров России характерна группа «Жиры и масла животного или растительного происхождения», поэтому доля продуктов с более высокой долей переработки составляет 35 %. При этом в 2019 году общая сумма экспорта продовольствия из этих стран составила 75531478 и 24218113 тыс. долл. США соответственно.

– в структуре экспорта ЮАР наблюдается преобладание двух групп: «Продукты растительного происхождения» с долей 48,8 % и «Готовые пищевые продукты; алкогольные и безалкогольные напитки и уксус» – 37,9 %. При этом остальные группы товаров занимают долю чуть более 11 %. В 2019 году общий экспорт продовольствия из ЮАР составил 9708984 тыс. долл. США.

За 2022 год зафиксированы значительные изменения не только в объеме, но и в структуре экспорта стран БРИКС – Китая (увеличился объем до 88242880 тыс. долл. США), ЮАР (снизился объем до 12826744 тыс. долл. США) и России (увеличился объем до 35641099 тыс. долл. США).

Китай в 2022 году нарастил долю экспорта на 4,8 % в группе «Готовые пищевые продукты; алкогольные и безалкогольные напитки и уксус» и на 2,5 % по группе «Жиры и масла животного или растительного происхождения». По другим группам наблюдалось снижение.

В ЮАР увеличилась доля экспорта на 6,6 % в группе «Продукты растительного происхождения» и снизилась на 6,2 % по группе «Готовые пищевые продукты; алкогольные и безалкогольные напитки и уксус».

Россия увеличила долю экспорта на 3,7 % в группе «Живые животные и продукты животного происхождения» и снизила на примерно 2 % по группам «Продукты растительного происхождения» и «Готовые пищевые продукты; алкогольные и безалкогольные напитки и уксус».

В 2022 году Бразилия нарастила экспорт продовольствия до 132712532 тыс. долл. США, а Индия до 50566607 тыс. долл. США. При этом в Бразилии значительных изменений в структуре не произошло, а вот в структуре продовольственного экспорта Индии наблюдался рост в группах 03 на 5 %, 09 на 2 %, 10 на 7 % и 17 на 7 %, а снижение демонстрировала группа 02 на 3,5 %.

Географическая диверсификация экспорта продовольственных товаров по странам–основательницам БРИКС неоднородна относительно тех товарных групп, где они входят в рейтинг ТОП–10.

Исследование данных ITC Trade Map относительно масштабов экспорта продовольствия Бразилией показало, что за период 2019–2022 годы в товарной группе «Мясо и мясные субпродукты» Китай усилил позиции как ключевой партнёр, продемонстрировав рост с 29,8 % до 43,5 %. Также появились новые рынки таких стран, как ОАЭ – 5,2 % и Чили – 3,3 %. При этом доля Гонконга и Саудовской Аравии снизилась, что может указывать на переориентацию экспорта.

Что касается группы «Продукты животного происхождения», то здесь Гонконг остаётся главным партнёром, но его доля сократилась за рассматриваемый период с

53,5 % до 35,6 %. В свою очередь, США увеличили присутствие с 15,1 % до 22,5 %, а Канада вошла в ТОП-5 партнеров с долей, равной 2,7 %, что говорит о диверсификации.

В экспорте продукции из группы «Кофе и чай» лидерство сохранили США и Германия, но последняя увеличила долю с 17 % до 19 %. Отметим, что Бельгия обогнала Японию, это может быть связано с ростом спроса на данную продукцию в ЕС.

Для Бразилии в условиях турбулентности мирового рынка продовольствия в рамках товарной группы «Злаки» стала смена ведущего импортера с Японии на Иран и Испанию, что отражает смену логистических маршрутов в 2019–2022 годах.

Еще в одной важной для страны группе «Масличные семена» произошли изменения: так, Китай снизил долю с 77,5 % до 67,5 %, но при этом данный партнер остаётся доминирующим в экспорте Бразилии. Также выявлен рост Таиланда с 2,3 % до 3,6 % и Ирана с 2,1 % до 2,9 %, что указывает на поиск бразильскими производителями альтернативных рынков.

В общем географическая диверсификация Бразилии охарактеризовалась усилением зависимости от Китая в мясной продукции одновременно с расширением экспорта в других группах, особенно в злаках и масличных семенах. Рост доли США и ЕС в некоторых категориях демонстрирует поиск стратегии снижения рисков.

Экспорт продовольствия Индии охватывает следующие товарные группы и характеризуется следующими тенденциями:

- США и Китай остаются главными партнёрами Индии в торговле рыбой и морепродуктами, но их доли снизились в 2019–2022 годы с 34,3 % до 29,6 % и с 21,9 % до 18,7 %, соответственно). Рост Вьетнама и Таиланда с 3,5 % до 4,8 % указывает на развитие азиатских рынков.

- в товарной группе экспорта кофе и пряностей Китай сократил долю с 13,5 % до 11,6 %, ОАЭ вышли на второе место в 2022 году с долей 9,6 %, что может быть связано с ростом спроса в странах Ближнего Востока.

- экспорт Индией злаков происходит в направлении главного партнера – Бангладеш с долей в 2022 году 11,1 %, который потеснил Иран, продемонстрировавший резкое снижение доли с 20,4 % до 8,2 %. Также падение доли показала и Саудовская Аравия с 15,3 % до 7,1 %, что указывает на структурные сдвиги, вызванные геополитическими факторами.

- Индонезия и США сохранили лидерство в импорте масличных семян из Индии. За исследуемый период для Вьетнама и Малайзии характерны рост с 10,4 % до 8,2 % и с 3,6 % до 4,3 % соответственно, что подтверждает акцент Индии на страны Азии в торговле данной продукцией.

Таким образом, Индия активно развивает экспорт в страны Азии и Ближнего Востока, снижая зависимость от традиционных партнёров, таких как США и Китай, а географическая диверсификация особенно заметна в злаках и пряностях.

Китай, будучи одним из крупнейших экспортёров продовольствия в мире, демонстрирует стратегически выверенную географическую диверсификацию, охватывающую основные регионы от Азии и Ближнего Востока до Европы и Северной Америки. Такая политика направлена на минимизацию рисков, связанных

с зависимостью от отдельных рынков, и укрепление позиций в рамках глобальных цепочек поставок, а также глобальных вызовов мировой экономики.

Азиатский регион для экспорта продовольствия Китая выступает площадкой, где происходит укрепление региональных связей. Так, Япония и Республика Корея остаются важнейшими партнёрами в товарных группах рыбы и морепродуктов с показателями доли 15,2 % и 11,1 %, продуктов переработки овощей и фруктов – 17,8 % и 7,3 %, а также масличных семян – 10,7 % и 13,9 % в 2022 г. соответственно.

Высокая доля Японии объясняется географической близостью и стабильным спросом на премиальную продукцию. Республика Корея, в свою очередь, усилила позиции как перевалочный хаб для экспорта в другие страны Азии.

Вьетнам стал ключевым партнёром в категориях овощей и фруктов с долей 13,5 %, съедобных фруктов и орехов – 22,2 %, а также масличных семян – 7,2 %. Такая относительно большая доля вьетнамского рынка связана с ростом потребления и интеграцией производственных цепочек в рамках АСЕАН.

Таиланд нарастил долю в продукции мукомольно-крупяной промышленности до 11,1 % и съедобных фруктах – до 12,7 %, что отражает развитие транспортных коридоров через страны Индокитая.

Гонконг, будучи особым административным регионом, выступает реэкспортным хабом, поэтому его доля выросла в категориях овощей и фруктов до 19,3 %, кофе и чая – до 11,3 % и продуктов переработки – до 10,4 %. Наличие такого перевалочного пункта позволяет Китаю эффективно распределять товары в Юго-Восточную Азию и дальше.

Малайзия усилила свои импортные позиции в кофе и пряностях – 11,6 %, а также готовых продуктах из мяса и рыбы до 11,6 %, что связано с её ролью в исламском халяль-экспорте.

Что касается экспорта Китая на рынок европейских стран, то Нидерланды стали в 2022 году лидером в продукции мукомольно-крупяной промышленности (16,3 %) и остатках пищевой промышленности (9,5 %). Роттердам как крупнейший порт Европы служит воротами для распределения китайских товаров по ЕС.

Германия увеличила долю в китайских продуктах животного происхождения (13,9 %) и шеллаке (8,5 %), что отражает спрос на специализированную продукцию в высокодоходных сегментах.

В 2022 году Испания вошла в топ-партнёров по шеллаку (5,5 %), а Россия – в категории готовых продуктов из мяса (9,3 %), что демонстрирует попытки Китая закрепиться в Южной и Восточной Европе, несмотря на конкуренцию с местными производителями.

Для Китая рынки Ближнего Востока и Африки являются направлением освоения новых ниш. Так, ОАЭ и Саудовская Аравия ОАЭ стали значимым партнёром в кофе и пряностях (9,6 %), что связано с ростом потребления в эмиратах и их ролью в транзите товаров в Африку.

Марокко в 2022 году с долей 6,4 % в товарной группе кофе и пряности, а также Египет (7,8 % в злаках) демонстрируют растущий интерес Китая к африканским рынкам, где спрос на базовые продовольственные товары стабильно высок.

Несмотря на то, что США выступают одним из лидеров экспорта продовольствия в мире, они торговле с Китаем сохраняют влияние в категориях рыбы и морепродуктов (11,9 %), кофе и пряностей (5,7 %), а также сахара (12 %). Однако их доля снижается в продуктах животного происхождения с 9,9 % до 11,4 % и шеллаке с 17,6 % до 16,6 %, что может быть связано с торговыми разногласиями и ростом конкуренции.

Таким образом, географическая диверсификация Китая представляет собой политику расширения списка партнёров на основе сложной системы, учитывающей логистику, региональные особенности и глобальные тренды, что позволяет стране сохранять лидерство в мировой торговле, гибко реагируя на изменения в международной экономике.

В целом, «для российского агропродовольственного комплекса стратегия диверсификации позволяет использовать уникальное разнообразие факторов конкурентоспособности и их возможных комбинаций» [4]. Россия в период 2019–2022 годы активно перестраивала свою экспортную стратегию, стремясь снизить зависимость от традиционных рынков и расширить присутствие в новых регионах. Такая трансформация особенно заметна в трёх ключевых товарных группах: рыба и морепродукты, злаки, а также жиры и масла.

Общими тенденциями в этот период стали снижение зависимости от Китая в категориях рыбы и жиров и переориентацией на рынок Республики Корея, что связано с диверсификацией и поиском менее рискованных рынков.

Вместе с этим Турция стала ключевым партнёром в торговле российскими злаками и категории жиры и масла благодаря географической близости и развитой логистике.

Период 2019–2022 гг. ознаменовался выходом России на африканские рынки. Так, появление Нигерии и укрепление связей с Египтом отражают интерес России к странам с растущим населением и дефицитом продовольствия.

Несмотря на санкции, Россия сохраняет доступ к ЕС через Нидерланды, используя их портовую инфраструктуру, а Узбекистан и Азербайджан стали важными партнёрами, что соответствует курсу на углубление сотрудничества в рамках СНГ.

Что касается ЮАР, то страна концентрирует экспорт растительных материалов в Бангладеш, нарастивший в 2019–2022 годы долю с 28 % до 51 %. При этом правительство ЮАР развивает партнёрство с соседними африканскими странами, такими как Маврикий и Намибия, что может быть связано с логистическими преимуществами и политикой региональной интеграции.

Общие результаты географической диверсификации стран–основательниц БРИКС содержатся в таблице 2.

Таким образом, географическая диверсификация экспорта продовольствия в странах БРИКС остается неравномерной, где Бразилия и Россия демонстрируют высокую концентрацию на ограниченных рынках, что повышает их риски, а Китай и Индия, несмотря на прогресс, сталкиваются с конкуренцией и необходимостью углубления регионального сотрудничества. Для продовольственной политики ЮАР требуются кардинальные меры для выхода из сырьевой ловушки. Общим решением

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ СТРАН–ОСНОВАТЕЛЬНИЦ БРИКС НА РЫНКЕ...

для всех стран БРИКС является развитие внутриальянсовой кооперации, а также создание совместных логистических цепочек и продвижение продукции с высокой добавленной стоимостью.

Таблица 2

Сравнительный анализ географической диверсификации экспорта продовольствия по странам БРИКС 2019–2022 годы

Страна	Уровень диверсификации	Ключевые партнеры	Риски
Бразилия	Низкая	Китай, США, ЕС	Зависимость от сырьевого экспорта в Китай
Индия	Умеренная	США, Китай, Ближний Восток	Концентрация в специях и злаках
Китай	Высокая	Азия, США, ЕС	Конкуренция на рынке переработанных товаров
Россия	Низкая	Турция, Египет, Китай, Южная Корея	Санкции, логистические ограничения
ЮАР	Очень низкая	Бангладеш, Маврикий, Китай	Узкая товарная и географическая база

Источник: составлено автором

Показатели индекса Херфиндаля–Хиршмана по основным продовольственным рынкам стран БРИКС отражены в таблице 3.

Самый высокий показатель индекса ННІ среди стран БРИКС фиксировался в 2019 году для группы 15 «Масличные семена и плоды; прочие семена, плоды и зерно; лекарственные растения и растения» у Бразилии – 6041, а минимальный у Индии по группе 09 «Кофе, чай, мате, или парагвайский чай, и пряности» – 484.

В 2022 году показатель максимум проявился у Бразилии в группе 15, а минимальный – для группы 10 «Злаки» у Индии – 410.

Согласно данным таблицы 3, сильная концентрация в экспорте продовольствия характерна для Бразилии в 2019 года в группе 05, где индекс составил 3150, а вот уже в 2022 году по этой группе наблюдается умеренная концентрация поставок со значением 1866. Также сильно концентрированы в Бразилии экспортные поставки продовольствия группы 12, причем если в 2019 году показатель равнялся 6041, то в 2022 году – 4624.

По остальным товарным группам фиксируется низкая концентрация экспорта продовольственных товаров, кроме товарных групп 02 и 15, в которых индекс Херфиндаля–Хиршмана увеличился за анализируемый период с 1168 и с 1488 в 2019 году до 2023 и 2582 в 2022 году соответственно.

Индексы концентрации экспорта продовольственных товаров Индии и Китая с 2019 по 2022 года значительно не менялись и представляли собой диверсифицированные поставки, хотя для Индии по товарной группе 13 значения доходили до категории умеренная концентрация.

Таблица 3
Индекс Херфиндаля–Хиршмана стран БРИКС относительно ТОП–10 экспортеров продовольствия

код	Наименование группы	2019 г					2022 г				
		Бразилия	Индия	Китай	Россия	ЮАР	Бразилия	Индия	Китай	Россия	ЮАР
'02	Мясо и пищевые мясные субпродукты	1168,57					2023				
'03	Рыба и рыбообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные		1781,17	718,56	2658,62			1381,79	748,9	2369,27	
'05	Продукты животного происхождения, в другом месте не поименованные или не включенные	3150,84		737,99			1866,05		735,93		
'07	Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды			936,13					959,9		
'08	Съедобные фрукты и орехи, кожура цитрусовых плодов или корки дынь			943,18					943,86		
'09	Кофе, чай, мате, или парагвайский чай, и пряности	901,8	484,46	519,74			971,13	462,94	510,52		
'10	Злаки	702,96	829,64		793,76		621,19	410,01		1075,81	
'11	Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина			689,69					664,8		
'12	Масличные семена и плоды; прочие семена, плоды и зерно; лекарственные растения и растения для ...	6041,8	554,4	582,16			4624,17	634,74	556,35		
'13	Шеллак природный неочищенный; камеди, смолы и прочие растительные соки и экстракты		2115,91	692,89				1727,46	703,46		
'14	Растительные материалы для изготовления плетеных изделий; прочие продукты растительного происхождения, ...		984,47	813,13		1894,39		723,64	618,67		3078,89
'15	Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые ...	1488,56			741,69		2582,05			986,29	
'16	Готовые продукты из мяса, рыбы или рыбообразных, моллюсков или прочих водных беспозвоночных			1301,72					1007,23		
'17	Сахар и кондитерские изделия из сахара	543,12	760,09	607,07			508,64	551,02	529,78		
'20	Продукты переработки овощей, фруктов, орехов или прочих частей растений	2303,35		803,9			2134,42		719,34		
'21	Разные пищевые продукты			596,61					703,35		
'23	Остатки и отходы пищевой промышленности; готовые корма для животных	986,29		707,08			730,42		646,06		

Источник: рассчитано и составлено автором по данным ITC Trade Map [6]

Индекс Херфиндала–Хиршмана для экспорта России по исследуемым товарным группам 03, 10 и 15 указывал на слабую концентрацию, кроме группы 03 «Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные», экспорт которой являлся для страны сильноконцентрированным в 2019 году с незначительным снижением этого показателя в 2022 году.

ЮАР в 2019 году по исследуемой товарной группе занимал позицию с индексом умеренной концентрации экспорта, а вот в 2022 году произошло его увеличение до категории сильная концентрация, что указывает на низкий уровень диверсификации экспортных товаров по этой группе.

Таким образом, анализ диверсификации экспорта продовольствия стран БРИКС показал, что все страны участвуют в поставках по всем товарным группам, успешно занимают выгодные позиции в рейтингах ТОП–5 и ТОП–10, что указывает на наличие у них конкурентных преимуществ по этим позициям.

В качестве ключевого принципа международной торговли и основы того, почему свободная торговля выгодна для стран, сравнительное преимущество описывает тенденцию страны экспортировать такой товар, который бы был относительно более конкурентоспособен во всем остальном мире.

Все страны БРИКС позиционируются на мировом рынке продовольствия как одни из ведущих игроков по экспорту практически всех товарных групп, кроме группы 04 «Молочная продукция; яйца птиц; мед натуральный; пищевые продукты животного происхождения...», где они занимают места в третьем десятке и ниже.

Данное положение стран БРИКС свидетельствует о том, что по многим товарным группам продовольственного рынка они обладают конкурентоспособной продукцией, востребованной среди мировых потребителей.

Определение конкурентоспособных продовольственных товаров стран БРИКС осуществлялось на основе показателей выявленных сравнительных преимуществ. Результаты выявленных преимуществ Бразилии указаны в рисунке 5.

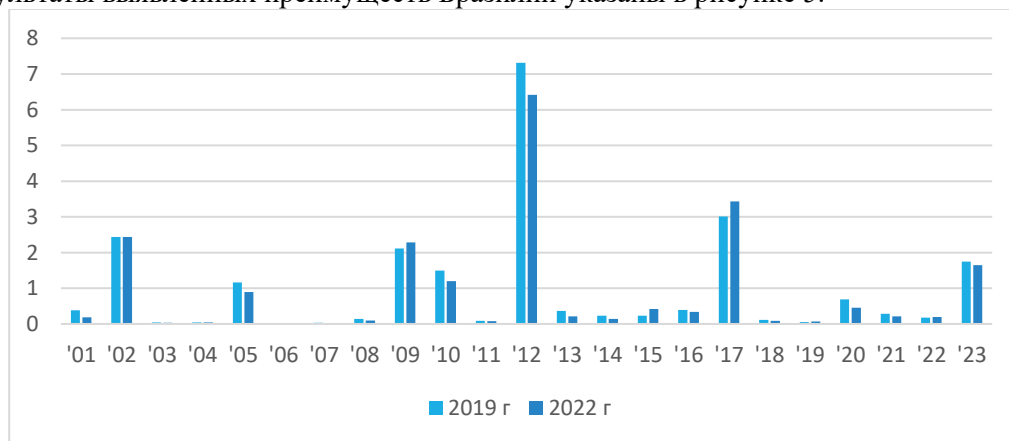

Рисунок 5. Выявленные сравнительные преимущества экспорта продовольствия Бразилией

Источник: рассчитано и составлено автором по данным ITC Trade Map [6]

В результате расчетов показателя выявленных сравнительных преимуществ (RCA) Бразилии, было установлено, что:

$RCA \in [0, 0,80)$, т. е. выявленный сравнительный недостаток, характерен товарным группам – 01, 03, 04, 06, 07, 08, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 22, что составляет 69,6 %;

$RCA \in [0,80, 1,25)$, т. е. среднее сравнительное преимущество выявлено для товарных групп 05 и 10 или 8,7 %. Также эти две товарные группы имеют тенденцию к снижению показателя RCA.

$RCA \in [1,25, 2,50)$, т. е. сильное сравнительное преимущество выявлено для таких товарных групп, как 02, 09 и 23 или 13,0 %.

$RCA \in [2,50, +\infty)$, т. е. очень сильное сравнительное преимущество было выявлено у двух товарных групп 12 и 17, среди которых самое большое значение принадлежит первой. Они за отчетный период занимали 8,7 %.

Далее рассмотрим выявленные сравнительные преимущества Индии (рис. 6).

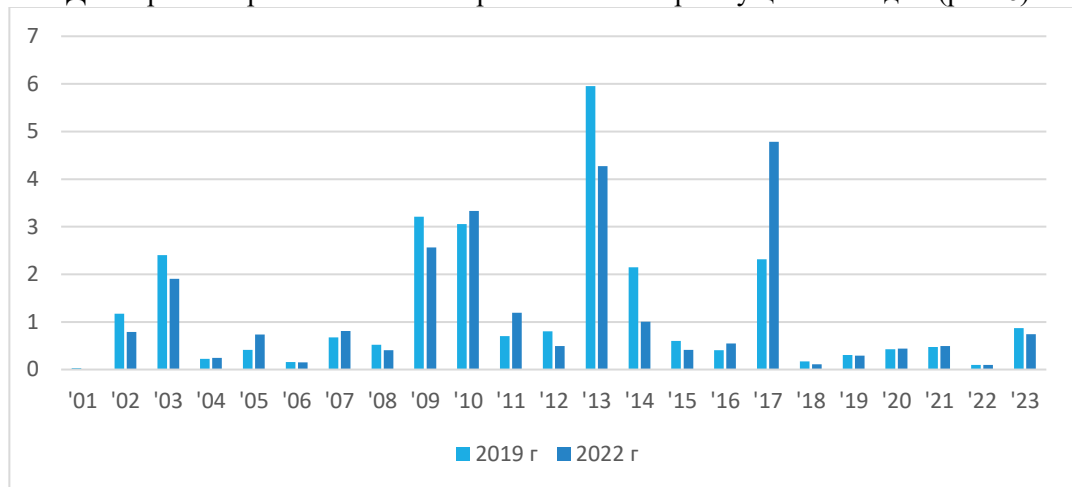

Рисунок 6. Выявленные сравнительные преимущества экспорта продовольствия Индии

Источник: рассчитано и составлено автором по данным ITC Trade Map [6]

В результате расчетов показателя выявленных сравнительных преимуществ (RCA) Индии, было установлено, что:

$RCA \in [0, 0,80)$, т. е. выявленный сравнительный недостаток присущ товарным группам 01, 04, 05, 06, 08, 12, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 22, что составляет 56,5 %;

$RCA \in [0,80, 1,25)$, т. е. среднее сравнительное преимущество выявлено для товарных групп 02, 07, 11 и 23 или 17,4 %. Среди этих товарных групп наблюдается тенденция к изменению показателя RCA: так, для 02 и 23 групп показатель снизился, а для 07 и 11 он увеличился в 2022 году.

$RCA \in [1,25, 2,50)$, т. е. сильное сравнительное преимущество выявлено для двух товарных групп 03 и 14 или 8,7 %, значения которых снизились относительно 2019 года.

$RCA \in [2,50, +\infty)$, т. е. очень сильное сравнительное преимущество было выявлено у четырех товарных групп 09, 10, 13 и 17, среди которых самое большое значение принадлежало 13 и 17, при этом по 17 группе существенно увеличилось значение показателя в 2022 году. Они за отчетный период занимали 17,4 %.

Результаты выявленных преимуществ Китая указаны в рисунке 7.

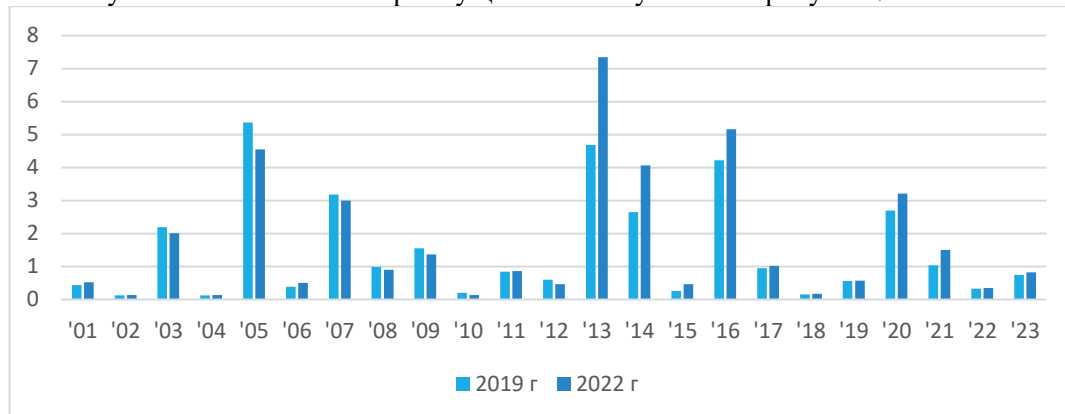

Рисунок 7. Выявленные сравнительные преимущества экспорта продовольствия Китая

Источник: рассчитано и составлено автором по данным ITC Trade Map [6]

В результате расчетов показателя выявленных сравнительных преимуществ (RCA) Китая, было установлено, что:

$RCA \in [0, 0,80)$, т. е. выявленный сравнительный недостаток, характерен товарным группам – 01, 02, 04, 06, 10, 12, 15, 18, 19 и 22, что составляет 43,5 %;

$RCA \in [0,80, 1,25)$, т. е. среднее сравнительное преимущество выявлено для товарных групп 08, 11, 17 и 23 или 17,4 %. Среди этих товарных групп наблюдается тенденция к увеличению показателя RCA. Сравнительное преимущество товарной группы 23 увеличилось в 2022 году и вошло в кластер со средним значением показателя.

$RCA \in [1,25, 2,50)$, т. е. сильное сравнительное преимущество выявлено для трех товарных групп 03, 09 и 21 или 13,0 %.

$RCA \in [2,50, +\infty)$, т. е. очень сильное сравнительное преимущество было выявлено у товарных групп 05, 07, 13, 14, 16 и 20, среди которых самое большое значение имели 05, 13 и 16. Наибольшим значением в этом кластере характеризуется товарная группа 13 «Шеллак природный неочищенный; камеди, смолы и прочие растительные соки и экстракты», значение которой существенно увеличилось с 4,683 в 2019 году до 7,342 в 2022 году. На данный кластер приходилось 26,1 %.

RCA Китая среди стран БРИКС наиболее диверсифицирован по товарным группам, о чем свидетельствует доля товарных групп, представленных в кластерах от среднего до очень сильного, составляющая 56,5 %.

Китай в 2022 году, позиционировался как чистый импортер в товарных группах 01 и 17, хотя до этого в 2019 году был обратный результат.

Таким образом, особенность Китая заключается в том, что, обладая диверсифицированным набором выявленных сравнительных преимуществ, по многим товарным группам позиционируется как импортер продовольствия.

РСА России (рис. 8) среди стран БРИКС слабо диверсифицировано по товарным группам, о чем свидетельствует доля товарных групп, представленных в кластерах от среднего до очень сильного, составляющая 34,7 %.

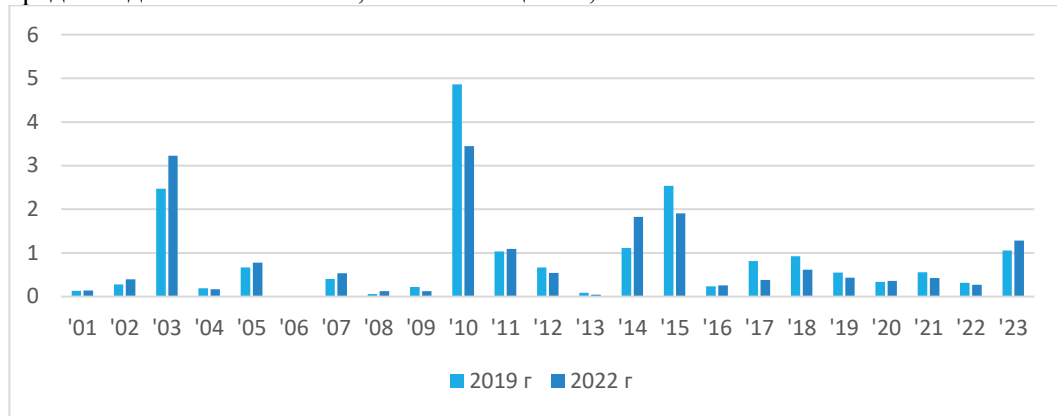

Рисунок 8. Выявленные сравнительные преимущества экспорта продовольствия России

Источник: рассчитано и составлено автором по данным ITC Trade Map [6]

В результате расчетов показателя выявленных сравнительных преимуществ (RCA) России было установлено, что:

$RCA \in [0, 0,80)$, т. е. выявленный сравнительный недостаток характерен товарным группам – 01, 02, 04, 05, 06, 07, 08, 09, 12, 13, 16, 19, 20, 21 и 22, что составляет 65,3 %;

$RCA \in [0,80, 1.25)$, т. е. среднее сравнительное преимущество выявлено для товарных групп 11, 17 и 18 или 13,0 %. В 17 и 18 товарных группах наблюдается тенденция к снижению показателя RCA в сторону предыдущего кластера, поэтому в 2022 году они, характеризовались как выявленный сравнительный недостаток.

$RCA \in [1,25, 2,50)$, т. е. сильное сравнительное преимущество выявлено для трех товарных групп 14, 15 и 23, или 13,0 %.

$RCA \in [2,50, +\infty)$, т. е. очень сильное сравнительное преимущество было выявлено у двух товарных групп 03 «Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные» и 10 «Злаки», или 8,7 %.

РСА ЮАР товарных групп (рис. 9), представленные в кластерах от среднего до очень сильного, составляет 34,8 %.

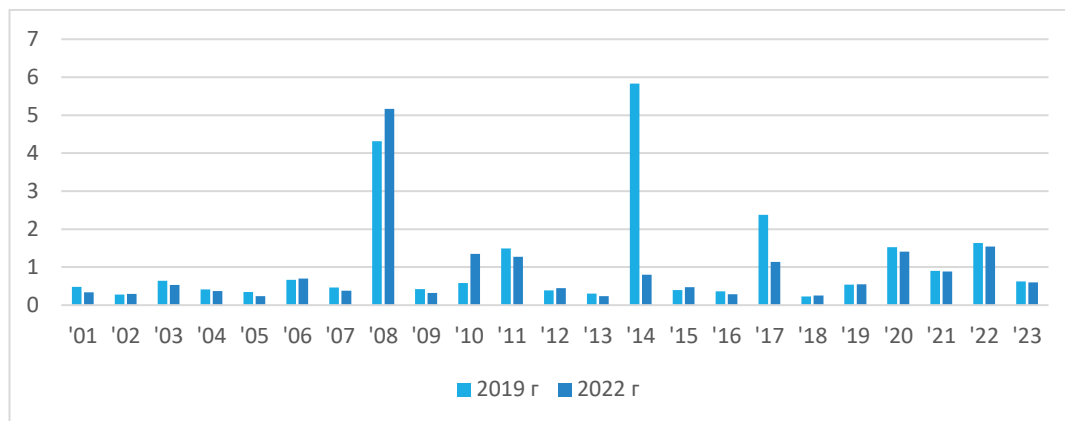

Рисунок 9. Выявленные сравнительные преимущества экспорта продовольствия ЮАР

Источник: рассчитано и составлено автором по данным ITC Trade Map [6]

В результате расчетов показателя выявленных сравнительных преимуществ (RCA) ЮАР было установлено, что:

$RCA \in [0, 0,80)$, т. е. выявленный сравнительный недостаток характерен товарным группам – 01, 02, 03, 04, 05, 06, 07, 09, 12, 13, 15, 16, 18, 19 и 23, что составляет 65,3 %;

$RCA \in [0,80, 1,25)$, т. е. среднее сравнительное преимущество выявлено для товарной группы 21, или 4,3 %.

$RCA \in [1,25, 2,50)$, т. е. сильное сравнительное преимущество выявлено для таких товарных групп, как 10, 11, 17, 20 и 22, или 21,7 %. В 2019 году группа 10 не демонстрировала выявленные сильные сравнительные преимущества, в отличие от 2022 года.

$RCA \in [2,50, +\infty)$, т. е. очень сильное сравнительное преимущество было выявлено у двух товарных групп 08 и 14, или 8,7%, среди которых самое большое значение принадлежит первой. Группа 14 в 2019 году характеризовалась высокой степенью выявленных преимуществ, а вот уже в 2022 году этот показатель сильно снизился и переместился в первый кластер – выявленный сравнительный недостаток.

В завершении оценки выявленных сравнительных преимуществ стран БРИКС отметим, что Китай является наиболее диверсифицированным по товарным группам. Так, у него 56,5 % позиций обладают экспортной конкурентоспособностью на внешнем рынке, тогда как у Индии всего 43,5 %, у ЮАР и России – по 34,7 %, а у Бразилии всего 30,4 %.

Несмотря на то, что страны–основательницы БРИКС обладают существенным выявленным потенциалом для усиления позиций в мировой продовольственной торговле, однако их успех зависит от перехода от сырьевой модели к экспорту продукции с высокой добавленной стоимостью, т. е. торговли готовыми пищевыми продуктами. Реализация различных стратегий по совершенствованию экспорта внутри блока позволит минимизировать риски и превратить БРИКС с учетом новых членов в ключевого игрока глобального агропродовольственного рынка.

ВЫВОДЫ

Период 2019–2022 гг. переформатировал мировую торговлю, сделав её менее глобальной, но более адаптивной. Страны перешли от идеи «гиперглобализации» к модели «надежности и устойчивости», где ключевыми приоритетами стали снижение рисков цепочек поставок, особенно продовольственных товаров и медикаментов, а также поддержка локальных производителей.

Период показал, что турбулентность является не временным сбоем, а новой нормой, требующей системных изменений в подходах к международной торговле на мировом рынке продовольствия, где доминирование по многим товарным позициям принадлежит станам–основательницам БРИКС.

Исследование показало, что Бразилия доминирует в экспорте сырья (соевые бобы, мясо) с высокими показателями RCA по масличным культурам ($RCA=7,3$) и сахару ($RCA=3,4$). Однако ее экспортный портфель остается концентрированным ($HNI=6041$ для группы 15), что указывает на уязвимость перед волатильностью рынка. Индия специализируется на специях и зерновых ($RCA=3,2-3,3$), хотя её экспорт демонстрирует умеренную диверсификацию (43,5 % товарных групп с $RCA \geq 0,8$). Китай переходит к производству переработанных продуктов ($RCA=5,1$ для готовых продуктов), достигая максимальной диверсификации (56,5 % товарных групп с конкурентными преимуществами) и снижая концентрацию рынка. Россия в значительной степени зависит от экспорта зерна ($RCA=4,8$) и растительных масел ($RCA=2,5$), при этом диверсификация ограничена (34,7 % продуктовых групп конкурентоспособны), а географическая зависимость от ключевых партнеров, таких как Турция и Китай, высока. Южная Африка специализируется на экспорте фруктов ($RCA=5,1$), но демонстрирует низкую диверсификацию ($HNI=4624$ для группы 08), что отражает высокие риски концентрации рынка.

Относительно анализа концентрации рынка было установлено, что Бразилия и Южная Африка демонстрируют значительную концентрацию экспорта ($HNI > 2500$ для важнейших групп товаров), что повышает их уязвимость к колебаниям цен и геополитическим потрясениям.

Основные риски чрезмерной зависимости от узкой товарной номенклатуры для стран–основательниц БРИКС связаны со следующими факторами:

1. Сырьевая ловушка. Так, для Бразилии свойственна зависимость от Китая в торговле мясом, для России – концентрация на экспорте злаков и рыбы, а для ЮАР уязвимость расположена в секторе растительные материалы. Перечисленные страны уязвимы к колебаниям спроса и цен на сырьё.

2. Для БРИКС существенным фактором являются геополитические риски. В рамках них Россия сталкивается с ограничениями из-за санкций, а Индия и Бразилия постоянно подстраиваются под конкуренцию на азиатских рынках.

3. Низкая добавленная стоимость основных экспортируемых продовольственных товаров: все страны, кроме Китая, экспортируют преимущественно сырьё, что снижает маржинальность и устойчивость к кризисам.

Основами по укреплению позиций стран–основательниц БРИКС на мировом рынке продовольствия с учетом турбулентности становятся подходы, касающиеся проработки организационно-экономических механизмов.

Диверсификация товарного портфеля позволяет развивать перерабатывающие отрасли, особенно это касается России и Индии, которые таким образом могут

преуспеть в производстве и торговле готовой пищевой продукцией. Это же касается географической диверсификации, т. е. выхода для России и ЮАР на страны Африки и для Индии на рынки Ближнего Востока.

Не менее важным можно считать инвестиции в агротехнологии для повышения качества и добавленной стоимости, например, такой продукции, как халяль и органические товары. Именно они диктуют тенденции на рынке премиум товаров.

Дополнительного положительного эффекта можно добиться за счет создания совместных транспортных коридоров (например, через Иран и Турцию для России).

На наш взгляд, решение многих проблем в сфере торговли продовольствием, с которыми страны–основательницы БРИКС столкнулись в период турбулентности, возможно с присоединением к альянсу новых участников. Саудовская Аравия, импортирующая 80 % продовольствия, может увеличить закупки зерна у России и мяса у Бразилии. Также участие новых членов может способствовать гармонизации санитарных норм и снижению тарифов внутри БРИКС, что упростит экспорт для всех участников.

Несмотря на это, увеличение числа участников БРИКС может привести к конфликту интересов за счет того, что запросы новых членов на поддержку их сельхозсектора могут отвлекать ресурсы от проектов стран–основательниц. В целом, расширение БРИКС до 10+ стран увеличит долю блока в мировой торговле продовольствием, тем самым позволив диктовать условия ценообразования и снижать зависимость от западных рынков, а совместные усилия на решение задач перехода от сырьевой модели к экспорту переработанной продукции повысит устойчивость к кризисам и усилит позиции на глобальном рынке.

Список литературы

1. Барсегян А. Г., Друзин Р. В. Торговое сотрудничество между странами БРИКС и механизмы поддержки макроэкономической стабильности // Торгово-экономические отношения России: двусторонние и макрорегиональные измерения: Монография. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. С. 62–85.
2. Тараскин Д. С. Методические подходы к выбору перспективных направлений экспорта продукции АПК // Сборник статей Национальной научно-практической конференции «Аграрная наука и образование: проблемы и перспективы», Саратов. 2023. С. 565–568.
3. Яковенко Н. А., Иваненко И. С., Воронов А. С. Оценка структурных изменений агропродовольственного экспорта России // Международный сельскохозяйственный журнал. 2020. № 5 (377). С. 88–92.
4. Яковенко Н. А., Иваненко И. С., Воронов А. С. Диверсификация агропродовольственного экспорта России // Международный сельскохозяйственный журнал. 2019. № 5. С. 69–73. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diversifikatsiya-agroprodovolstvennogo-eksporta-rossii>.
5. Никитина М. Г., Кузнецов М. М. Формирование внешнеторговой стратегии Российской Федерации в условиях санкционного давления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2024. Т. 10. № 2. С. 60–82.
6. Trade Map // International Trade Centre (ITC): site. [Электронный ресурс]. URL: https://www.trademap.org/Product_SelProduct_TS.aspx?nvpm=5%7c%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

УДК 339.56

ТОРГОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И ИНДИИ В УСЛОВИЯХ ФРАГМЕНТАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Науменко Р. В.

*Автономная некоммерческая организация «Дирекция по информационно-аналитическому сопровождению государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя», Симферополь, Российская Федерация
E-mail: blazarus@yandex.ru*

В данной статье проведен анализ торгового взаимодействия России и Индии в условиях деглобализации мировой экономики. Определена взаимосвязь экономических политик стран с комплексом внешнеэкономических условий, формирующих новую архитектуру глобального экономического пространства. Осуществлена оценка потенциальных эффектов от либерализации двусторонних торговых отношений стран, что позволило выявить ограниченный экономический потенциал с позиции макроэкономического равновесия. Комплекс представленных автором аргументов указывает на низкую вероятность изменений в организационно-экономическом характере взаимоотношений стран.

Ключевые слова: торговые отношения России и Индии, деглобализация мировой экономики, двусторонние экономические отношения, неомеркантилизм, фрагментация мировой экономики.

ВВЕДЕНИЕ

Финансовый кризис 2008–2009 гг. поставил под удар геоэкономический порядок глобалистской направленности, существовавший более 20 лет в условиях господства свободы передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, основополагающей деятельности международных экономических организаций (МВФ, Всемирный банк, ВТО и др.), а также использования валют США и Европейского союза в качестве резервных. Сегодня совершенно очевидно, что абсолютные экономические свободы формируют более значимые преференции для наиболее развитых стран, предоставляя остальным ресурсобеспечивающую роль, усиливая международное неравенство. Геополитическое противостояние России со странами «коллективного запада» несомненно является частью фрагментационной трансформации мир–системы.

Комплекс рестрикций экономического характера в отношении России обуславливает необходимость переосмысления стратегии внешнеэкономической деятельности государства, одним из ключевых элементов которой является двустороннее экономическое сотрудничество. В сложившихся условиях государство нуждается в выстраивании прагматичных взаимосвязей на принципах системности, взаимовыгодности и учета мнений сторон. К таковым относится торгово-экономическое взаимодействие с Индией, которое не только определяет отдельные элементы системы экономической активности Азиатско-Тихоокеанского региона, стран БРИКС и глобального экономического пространства, но и исторически подтверждалось стремлением к построению эффективных отношений вне зависимости от внешних факторов экономического воздействия.

Целью данной статьи является анализ современных трендов российско-индийских торговых отношений и оценка перспектив их развития в условиях кризиса глобализационной формации.

В первом разделе представлен анализ современных условий существования мировой экономики в совокупности с их воздействием на экономическую политику России и Индии. Второй раздел посвящен анализу экономических отношений стран в условиях фрагментации мировой экономики и моделированию торгового эффекта на российский экспорт на основе пакета SMART.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Деглобализационная трансформация мировой экономики является трендом последних лет, оказывая существенное влияние на внешнюю торговлю стран. Основание международных экономических институтов после Второй мировой войны способствовало продвижению идей свободного рынка и господства транснациональных компаний, предлагая странам с формирующимися экономиками успешные примеры экономического роста развитых стран. Прекращение существования СССР привело к формированию главенствующей позиции о более эффективной модели развития экономики государства, основанной на глобализации и интернационализации экономической деятельности. Несмотря на многочисленные споры об этом [1–4], рост мировой экономики и международной торговли являлся главным аргументом глобалистов. Тем не менее, в 2023 году совокупный мировой экспорт сократился на 4,3 %, а импорт – на 5,5 %, что свидетельствует о кризисных процессах в мировой экономике (рис. 1).

Рисунок 1. Совокупная торговля товарами в мировой экономике, млрд долл. США.

Источник: составлено автором по данным [5].

Постковидный восстановительный рост мировой экономики завершен, а страны сталкиваются с новыми вызовами, среди которых [5]:

1. Замедляющиеся темпы роста китайской экономики в ответ на внутреннее дефляционное давление и кризис строительной индустрии.
2. Инфляционное давление в развитых странах, провоцирующее кризис стоимости жизни при существующей высокой долговой нагрузке.

3. Геоэкономическое противостояние развитых и развивающихся стран, элементами которого выступают экономические барьеры и локальные военные действия.

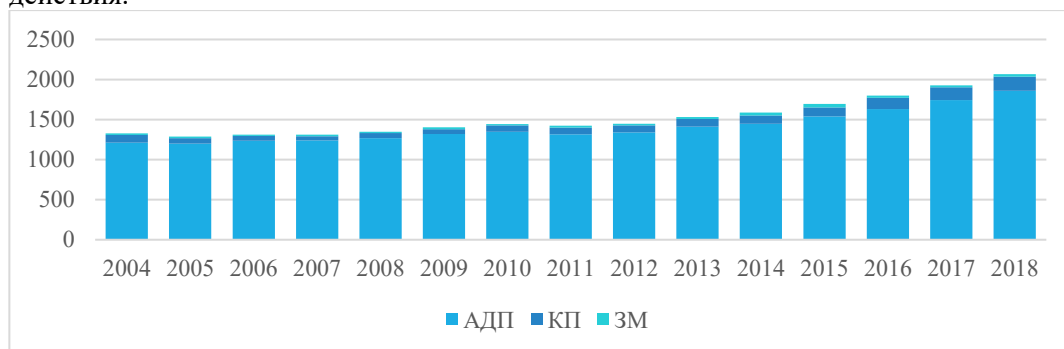

Рисунок 2. Нетарифные барьеры мировой торговли в 2004–2018 гг., млрд долл. США.

Источник: составлено автором по данным [6].

По данным Всемирной торговой организации, за последние 15 лет количество нетарифных ограничений в мировой торговле выросло в 1,5 раза¹. Рост применения антидемпинговых пошлин составил 53,6 %, компенсационных пошлин – 85,4 %, а защитных мер – 38,1 %. В части антидемпинговых пошлин наиболее активными пользователями являются США и Индия (34,1 % от общего количества пошлин данного типа). США также активно применяют компенсационные меры (61,2 % от общего количества пошлин данного типа). Активное внедрение подобных инструментов, несмотря на давление со стороны международных организаций, свидетельствует об эффективности данной политики в целях защиты отдельных отраслей экономики. В частности, оценка Пруса Т. показывала увеличение стоимости импорта на 50–75 % в течение первых трех лет. При этом сам факт наличия расследования по введенным нетарифным мерам снижает импорт на 15–20 %, даже в случае, если они не были применены [7]. Развивающиеся страны, находясь под экономическим давлением со стороны развитых стран, трансформировали собственную торговую политику в сторону увеличения нетарифных ограничений.

Особое место в новой парадигме мир–системы отводится политике санкций, которая претерпевает значимые изменения во второй половине 2010–х годов. Ранее санкции предназначались для «стран–изгоев», роль которых в масштабе мировой экономики невелика, а целью являлись положительные изменения для имплементатора санкций на отдельных, в основном сырьевых, рынках. Установление санкций в отношении России и Китая изменило форму экономической политики развитых стран в сторону полноценных торговых войн, результатом которых является фрагментация мировой экономики и конфронтация наиболее крупных экономик [8–9]. Перед странами встает вопрос контроля над промышленностью,

¹ Данные за 2019–2022 гг. отсутствуют. Принимая во внимание ковидные эффекты и геополитическое противостояние, предполагается увеличение указанных значений.

значение которой в структуре ВВП в последние годы сокращалось в рамках сервисизации мировой экономики.

Указанные выше условия привели к внедрению экономической политики, ориентированной на протекционизм в мировой торговле и усиление роли государства в экономике с целью защиты системообразующих отраслей от деиндустриализации, которую называют неомеркантилизмом [10]. К основателям данного течения относят А. Гамильтона и Ф. Листа, которые в противовес невидимой руке рынка А. Смита призывали к стратегическому торговому протекционизму и продвижению индустриализации. Следует отметить, что США отступали от политики торговых войн только во второй половине XX века в силу доминирующего индустриального послевоенного положения.

Инструменты экономической политики претерпевали изменения в последние десятилетия. Элементом классического накопления богатства становятся инвестиции в технологический сектор, ориентированный на НИОКР и цифровую трансформацию, а в качестве инструмента экономической политики активно используются санкции и торговые войны, определяющие условия глобальной трансформации мировой экономики. Современный неомеркантилизм, приобретая идеологическую форму [11], представляет собой баланс между учетом мнения международных экономических организаций и снижением уязвимости экономик от конкуренции. Россия и Индия, являясь активными участниками мировой экономики, адаптировали собственную экономическую политику под сложившиеся условия ведения экономической деятельности.

В полноценном виде вектор государственной политики России определен в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. Так, в качестве целей обеспечения экономической безопасности выделены [12]:

1. Укрепление экономического суверенитета.
2. Повышение устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних вызовов и угроз.
3. Обеспечение экономического роста.
4. Поддержание научно-технического потенциала развития экономики на мировом уровне и повышение ее конкурентоспособности.
5. Поддержание потенциала отечественного оборонно-промышленного комплекса.
6. Повышение уровня и улучшение качества жизни населения.

Фактически государство, находясь под давлением стран западной коалиции, нормативно закрепило стремление к экономическому росту в условиях геополитического противостояния. За период с 2019 по 2023 гг. расходы федерального бюджета выросли на 77,6 %, а доходы – на 44,3 %. Внутренний государственный долг вырос более чем в 2 раза. Государственные стимулы подстегнули экономический рост (2023 г. – 3,6 % ВВП), обратной стороной которого является повышенная инфляция и высокая ключевая ставка. Как следствие, активная

фаза геополитического противостояния осложняет ведение обыденных бизнес-процессов и оказывает негативное воздействие на приток иностранных инвестиций.

Индия, реализуя экономическую стратегию многовекторности [13], с 1991 по 2019 гг. осуществляла экономическую либерализацию, которая пришла на смену государственному регулированию экономики (Лицензионный Радж). Гиперглобализация экономики, фрагменты которой видны в разноплановых темпах роста импорта промежуточных товаров и экспорта готовой продукции, в совокупности с внешними неомеркантилистскими трендами поставила перед государством проблему недостаточного развития промышленной базы. В целях развития промышленности и инфраструктуры в 2014 году была обнародована программа «Делай в Индии». В качестве целей указывалось создание 100 млн дополнительных рабочих мест и увеличение доли производственного сектора в ВВП до 25 %. Программа затрагивает 15 отраслей промышленности и 12 направлений сферы услуг [14], что предполагало открытие многих секторов экономики для иностранных капиталовложений. Сдерживающими факторами являлась нехватка энергетических мощностей, качественной транспортной инфраструктуры и квалифицированных специалистов [15].

Пандемия COVID-19 показала Индии необходимость умеренного толка либерализации, ведь именно собственные разработки позволили вакцинировать более 1 млрд жителей страны. В мае 2020 года была представлена экономическая стратегия «Самодостаточный Бхарат», которая включает в себя 5 элементов: экономика, инфраструктура, система, активная демография и спрос. Правительством предпринимаются действия по стимулированию роста экономики более 7 % в год, инвестиций в инфраструктуру зеленого и цифрового переходов, модернизации экономической системы за счет современных технологий, роста высококвалифицированных молодых специалистов, внутреннего спроса. С 2015 по 2022 гг. протяженность автомобильных дорог увеличена на 47,6 %, грузопотоки в крупных портах увеличились на 23,9 %, протяженность электрифицированных ж/д путей выросла на 126,8 %, грузовой товарооборот в номинальном выражении авиатранспортом вырос на 56,3 %, а количество действующих аэропортов увеличено более чем в 2 раза [16].

Представленные векторы экономической политики в совокупности с сложившимися макроэкономическими условиями характеризуют условия взаимодействия стран в качестве уравнения с множеством неизвестных переменных. Эффект от представленных кондиций отражает динамика внешнеторгового взаимодействия стран.

Торгово-экономическое сотрудничество России и Индии является предметом непрерывных дискуссий представителей академического сообщества, органов исполнительной власти и представителей бизнеса. Современный период был охарактеризован всеобщим консенсусом о недостаточно реализованном потенциале экономического взаимодействия между государствами [17–25]. Масштабное санкционное давление на Россию со стороны стран «коллективного запада» запустило процесс трансформации глобальных торговых потоков, вынуждавший государства и бизнес осуществлять поиск надежных контрагентов. Указанные

изменения также коснулись российско-индийского торгового взаимодействия, значение которых кратно возросло в последние годы (рис. 3). Так, товарооборот стран в 2023 году в сравнении с 2019 годом вырос более чем в 6 раз, экспорт России в Индию увеличился более чем в 8 раз, а импорт из Индии увеличился на 41 %. Среди экспорта России в Индию основополагающее место занимают минеральные продукты (88,9 %), в то время как в импорте преобладают продовольственные товары и с/х сырье (19,5 %), продукция химической промышленности (31,8 %), металлургии (9,6 %) и машиностроения (29,7 %). Торговый баланс значительно изменился в сторону российского профицита (93 % экспорта / 7 % импорта).

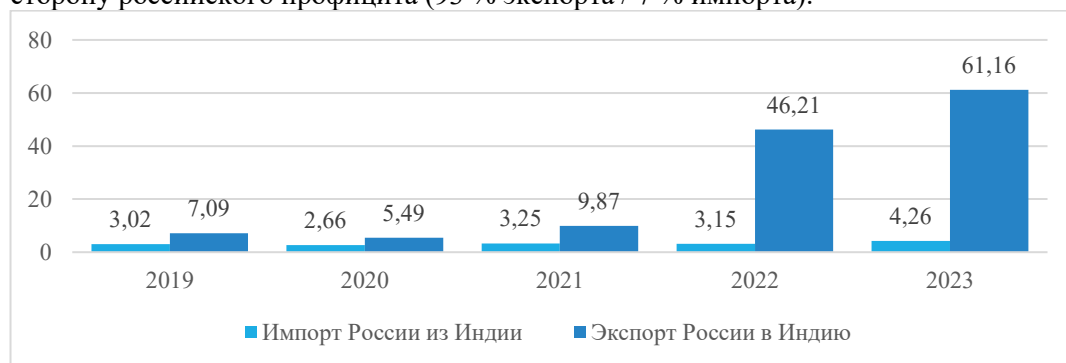

Рисунок 3. Торговые взаимосвязи Индии и России в 2019–2023 гг., млрд долл. США.

Источник: составлено автором по данным [26].

Динамика ежемесячного импорта Индией из России характеризуется повышенной волатильностью и расширением спреда, что не свойственно данным взаимоотношениям в предыдущие периоды и указывает на зависимость торговли от разнонаправленных санкционных эффектов (рис. 4).

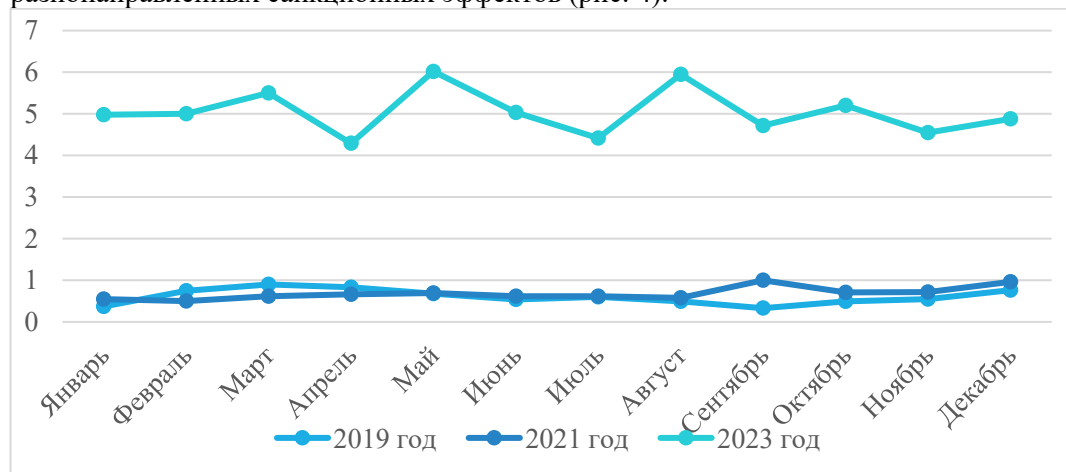

Рисунок 4. Динамика ежемесячного импорта Индии из России в 2019–2023 гг., млрд долл. США.

Источник: составлено автором по данным [26].

Изменения значительно затронули структуру торговли стран (табл. 1). Увеличение экспорта коснулось практически всех групп товарной номенклатуры за исключением кожаного сырья, целлюлозно-бумажных изделий, текстиля и продукции машиностроения. Под трансформацию попала категория минеральных ресурсов, где повышенный спрос на нефтепродукты (преимущественно на сырую нефть) и уголь в Индии, а также дисконт из-за санкционного давления обеспечили изменение роли стран в двусторонней торговле. Доля России в индийском импорте минерального топлива в стоимостном выражении достигла 24,8 %, а сырой нефти – 33,4 %. Следствием взаимовыгодных торговых условий стало заключение в 2024 году нефтяной сделки между российской «Роснефтью» и индийской «Reliance Industries Limited» на поставку около 500 тыс. баррелей в сутки сроком на 10 лет. Заключение длительных двусторонних договоров свидетельствует о краткосрочном решении проблемы «отчуждения элит» [27] и поиске векторов длительного взаимовыгодного сотрудничества.

Таблица 1

Изменение товарной номенклатуры внешней торговли России и Индии
в 2023 г. по отношению к 2019 г., млрд долл. США

ТН ВЭД	Наименование укрупненной группы	Изменение экспорта России в Индию	Изменение импорта России из Индии
01–24	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	+ 1 190,79	+ 210,52
25–27	Минеральные продукты	+ 50 895,78	+ 12,30
28–40	Продукция химической промышленности, каучук	+ 1 382,59	+ 487,52
41–43	Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	– 6,04	– 1,26
44–49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	– 139,56	+ 7,31
50–67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	– 9,65	– 5,20
71	Драгоценные металлы и камни	+ 454,53	– 1,75
72–83	Металлы и изделия из них	+ 336,65	+ 233,73
84–90	Машины, оборудование и транспортные средства	– 381,48	+ 164,01
68–70, 91–99	Прочее	+ 338,68	+ 136,41

Источник: составлено автором по данным [26].

Россия получила стабильного и долгосрочного партнера в системообразующем для бюджета сегменте, а Индия обрела надежного поставщика по одному из наиболее значимых ресурсов. За последние 20 лет спрос на энергоресурсы в Индии утроился,

а на нефть вырос более чем в 2 раза из-за роста дорожного транспорта. Спрос на газ также увеличивается из-за планов правительства по газификации 70 % домохозяйств к 2030 году. Сохранение темпов роста экономики на уровне более 6 % в год будет поддерживать спрос на энергоресурсы на высоком уровне, и, как следствие, зависимость от импорта, которая составляет более 75 %, будет высокой в ближайшее десятилетие [28].

По категории продовольственных товаров и с/х сырья экспорт вырос более чем в 4 раза преимущественно за счет подсолнечного масла, что позволило увеличить долю России с 15,1 % до 34,9 %. Его закупки выросли по двум причинам:

- замещение украинского подсолнечного масла поставками из России, Аргентины, Румынии и Болгарии;
- удорожание пальмового масла, которое является системообразующим для внутреннего рынка по причине своей низкой цены в сравнении с конкурентами. За последние 5 лет цена на указанный продукт на мировых рынках выросла более чем в 2 раза до 1 тыс. долл. США за 1 тонну. Следует отметить, что в 2022 году его стоимость составляла около 2 тыс. долл. США за 1 тонну из-за санкционного роста цен на энергоносители.

Ввоз в Индию продукции химической промышленности увеличился более чем в 2 раза. Драйверами роста являются категории удобрений (хлорид калия, нитрат аммония и др.). За указанный период доля России в импорте Индией указанной группы товаров увеличилась с 7,3 % до 23,2 %.

Экспорт российских необработанных алмазов в мировой центр огранки (на Индию приходится около 90 % рынка) увеличился на 62,2 %. Доля российской продукции в импорте Индии выросла с 1,3 % до 1,5 % при увеличении совокупного импорта Индии по данной категории на 44 %. Следует отметить, что рост импорта был обеспечен при неблагоприятной рыночной конъюнктуре из-за роста конкуренции со стороны искусственных бриллиантов и санкционного давления на российскую «Алроса», которая обеспечивает добычу 30 % всех алмазов мира и 90 % алмазов России.

По категории металлов (железная руда, чугун, сталь, алюминий) импорт вырос более чем в 2,5 раза. Доля России в импорте черных металлов Индией выросла с 0,9 % до 2,5 % при росте совокупного импорта страны на 73,7 %. Ввоз в Индию алюминия в стоимостном выражении вырос на 39,6 % при снижении доли России в общем объеме импорта по указанной группе. Следует также отметить логистические сложности российских компаний при транспортировке продукции на азиатские рынки, что оказывает негативное воздействие на рентабельность экспорта.

Среди прочих категорий импорта особого внимания заслуживает импорт энергетических комплектующих, который вырос на 69,8 %. Доля России по указанному направлению увеличилась с 22,3 % до 53,2 % при сокращении совокупного импорта данной группы на 28,8 %. Значительно сократился импорт из Китая, США, Республики Корея, Германии, Италии и Японии. Вероятно, подобные изменения тесно связаны со сложностями в реализации Индией климатического плана, целью которого является достижение углеродной нейтральности страны к 2070 году. Таможенные барьеры, отсутствие компромисса по вопросу

государственного субсидирования сферы, земельные проблемы привели к росту цен на комплектующие и снижению количества запланированных к реализации новых проектов. Параллельно активно развивается сотрудничество России и Индии в атомной энергетике, соответствующее индийскому Закону о гражданской ответственности за ядерный ущерб и предусматривающее строительство 12 реакторов [29]. В настоящее время ГК «Росатом» участвует в строительстве АЭС «Куданкулам» в штате Тамилнад, в рамках которой планируется возвести шесть энергоблоков, два из которых введены в эксплуатацию.

Импорт России из Индии значительно вырос по группам продовольственных товаров, продукции химической промышленности и металлов. В рамках категории продовольственных товаров и с/х сырья рост на 34 % обеспечен за счет увеличения импорта креветок, риса и кофе. Ввоз продукции химической промышленности вырос на 56,3 % за счет увеличения поставок анилинов, антикоррозионных добавок, пластика и др. Импорт продукции металлургии увеличился более чем в 2 раза за счет роста поставок никеля. В условиях ограниченного доступа к торговой статистике России оценить значение указанного импорта в настоящее время не представляется возможным. Однако положительная тенденция свидетельствует об активизации двустороннего взаимодействия стран.

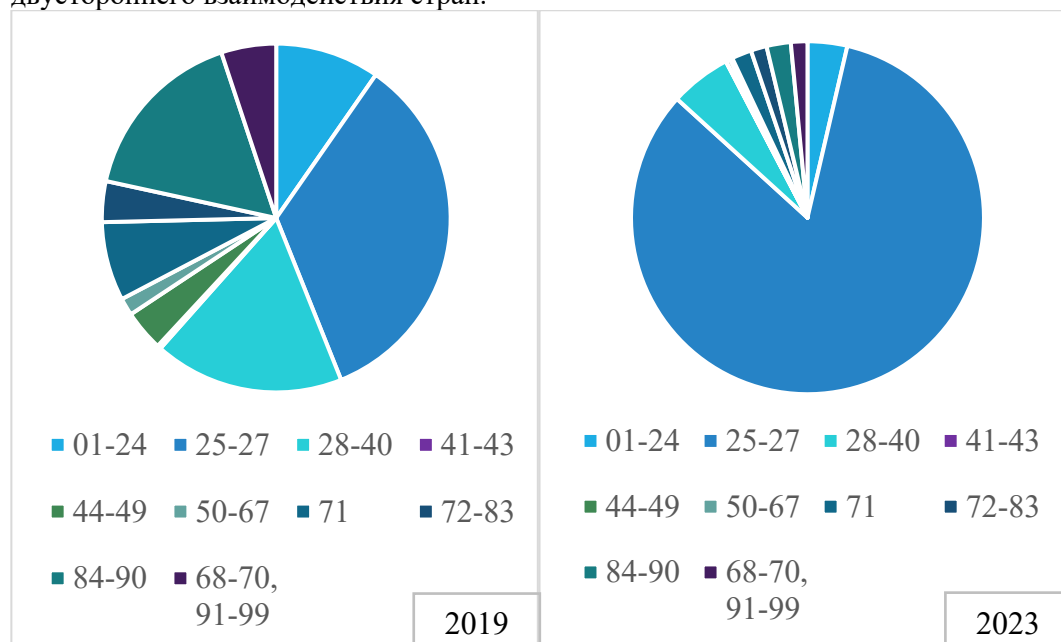

Рисунок 5. Структура товарооборота Индии и России в 2019 и 2023 гг., млрд долл. США.

Источник: составлено автором по данным [26].

Следует отметить значительные изменения в товарной структуре торговли стран (рис. 5), 83 % которой теперь составляют минеральные продукты. Подтверждаются опасения о непропорциональном росте указанной категории [30], следствием чего

является зависимость двустороннего взаимодействия от ситуации на рынках энергоносителей.

Географическая структура товарооборота Индии (а также место России в ней) значительно изменилась за последние 5 лет (рис. 6). При росте совокупного товарооборота Индии на 29,3 % доля США, Китая, ОАЭ осталась практически неизменной. Доля России в товарообороте Индии увеличилась с 1,3 % до 5,9 %. Коэффициент предпочтения стран в последние годы показывает кратный рост и по итогам 2023 года составил 2,03 для России и 1,98 для Индии, что свидетельствует о локальной заинтересованности экономик стран в двустороннем взаимодействии.

Рисунок 6. Географическая структура товарооборота Индии в 2019 и 2023 гг., млрд долл. США.

Источник: составлено автором по данным [26].

Особого внимания заслуживает валютная сторона двусторонних торговых взаимоотношений стран в последние годы. В результате санкционного давления на Россию возросла волатильность не только на товарных, но и на валютных рынках. Усугубляло ситуацию постковидное инфляционное давление в развитых экономиках, вызванное избыточным количественным смягчением и спровоцированное энергетическим кризисом. Последовавшая процедура ужесточения денежно-кредитной политики привела к укреплению ключевых валют развитых стран к валютам развивающихся. Дополнительные сложности возникли после внесения Московской биржи в санкционные списки, вызвав проблемы конвертационного характера. В течение 2022 года курс рубля находился в диапазоне от 130 до 150 рублей за доллар, а к концу 2023 составил 90 рублей за доллар.

Российская экономика, оказавшись под воздействием принудительной внешней дедолларизации, в настоящее время нуждается в прагматичных и стабильных инструментах финансового обеспечения торговой деятельности и активно продвигает данную инициативу на двусторонней и многосторонней основе. Переход на расчеты в национальных валютах имеет сложности в вопросах формирования спроса и предложения на валюту страны-партнера, а также определения цены

поставки через кросс-курсы. Как следствие, опыт перехода на расчеты в индийских рупиях был неудачным, а постановка задач скорректирована в сторону расчетов в юанях или иных валютах.

Несмотря на незначительное снижение в последние годы, протекционистские меры Индии находятся на более высоком уровне по сравнению с Россией (рис. 7–8). Корреляция импорта Индии к средневзвешенному тарифу режима наибольшего благоприятствования составляет $-0,72$, что свидетельствует о системной взаимосвязи тарифной политики с элементами экономического роста. Корреляция российского импорта к средневзвешенному тарифу режима наибольшего благоприятствования составляет $-0,65$. В сравнении с Россией Индией более активно используются нетарифные барьеры (в 2018 году Индией было применено 275 ограничений, в то время как Россией применялось 17).

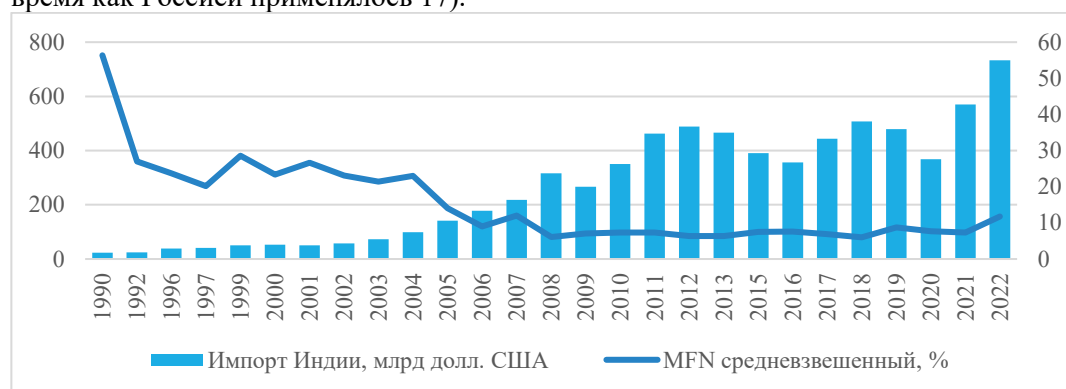

Рисунок 7. Соотношение импорта Индии к средневзвешенному тарифу режима наибольшего благоприятствования в 1990–2022 гг., млрд долл. США.

Источник: составлено автором по данным [31].

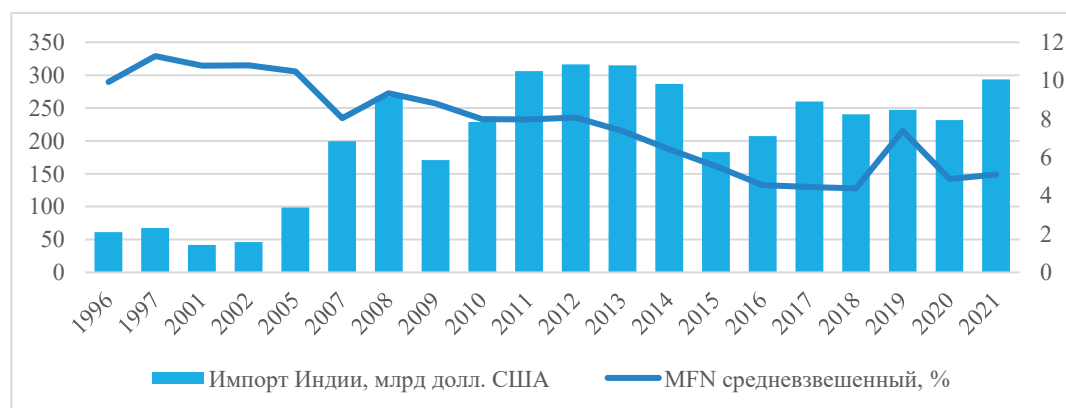

Рисунок 8. Соотношение импорта России к средневзвешенному тарифу режима наибольшего благоприятствования в 1996–2021 гг., млрд долл. США.

Источник: составлено автором по данным [31].

ТОРГОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И ИНДИИ В УСЛОВИЯХ...

Столь высокая зависимость российского импорта от элементов тарифного регулирования в совокупности с политикой активной торговой либерализации, реализуемой в рамках норм ВТО, объясняет стремление исследователей к проработке перспектив установления зоны свободной торговли между Индией и Евразийским экономическим союзом [32–34]. Авторы сходятся во взглядах, указывая либерализацию взаимоотношений в качестве необходимого структурного элемента оптимизации двустороннего взаимодействия стран. Для оценки эффекта углубления торговых взаимосвязей используется модель частичного равновесия (SMART) (табл. 2).

Таблица 2

Торговый эффект на российский экспорт от 1–% снижения ставок импортных пошлин в Индии

ТН ВЭД	Базовый средневзвешенный уровень ставок таможенных пошлин, %	Новый уровень ставок таможенных пошлин, %	Российский экспорт в 2022 году, тыс. долл. США	Общий торговый эффект, тыс. долл. США	Прирост российского экспорта, %
Жиры и масла животного или растительного происхождения (15)	94,00	93,06	907 823,81	0,00	0,00
Соль, сера и др. (25)	10,00	9,90	90 332,06	1 378,26	1,53
Минеральное топливо и др. (27)	5,68	5,62	29 920 068,21	16,21	0,00
Неорганические химические вещества; органические или неорганические соединения (28)	8,07	7,99	92 202,92	2 790,18	3,03
Удобрения (31)	5,82	5,76	2 731 316,68	19 329,01	0,71
Бумага и картон; изделия из бумажной массы (48)	10,00	9,90	157 995,98	6 552,98	4,15
Печатные книги, газеты, картины и другая продукция (49)	10,00	9,90	85 532,07	2 624,52	3,07
Натуральный или культивированный жемчуг, драгоценный или полудрагоценный (71)	10,29	10,19	1 287 514,20	14 809,58	1,15
Железо и сталь (72)	16,41	16,25	324 473,64	0,00	0,00
Ядерные реакторы, котлы, машины и механики (84)	7,76	7,68	163 024,74	2 816,57	1,73

Источник: составлено автором на основе WITS Simulation Tool SMART [31].

Эластичность экспортных потоков принята на уровне 99, а эластичность импорта равна 1,5. Расчеты сформированы на основе торговых и тарифных данных 2022 года. В качестве базы данных использовались сведения UNCTAD TRAINS. Оценивается потенциальный прирост российского экспорта в Индию в ответ на 1 % снижения индийских ставок таможенных пошлин.

Из 10 наиболее значимых категорий товарной номенклатуры, составляющих более 98 % импорта Индии из России, потенциал от либерализации торговли имеют 6 направлений (25, 28, 31, 48, 49, 71, 84). Эластичность российского экспорта от тарифной политики Индии по данным категориям находится в диапазоне от 1,15 % до 4,15 %. Особого внимания заслуживает практически нулевой торговый эффект по направлениям масел растительного происхождения, минерального топлива, железа и стали, составляющих 88 % индийского импорта. Принимая во внимание представленные сведения, к наиболее перспективным направлениям либерализации российского экспорта в Индию относится продукция неорганической химии, целлюлозно-бумажной промышленности, машиностроения, а также асбест и алмазы.

Следует отметить, что представленные расчеты и выводы частично коррелируют с исследованием Араповой Е. Я. о перспективах либерализации торговли стран в 2021 году (в качестве расчетной базы использованы данные 2019 года) [33]. К значимым отличиям следует отнести снижение зависимости эффектов либерализации от уровня базовых ставок таможенных пошлин, что свидетельствует об отсутствии повышенного спроса на российские товары с высоким уровнем тарифных барьеров. Индийское производство и потребление по данным категориям не нуждается в потенциальном избытке российского предложения.

Кроме того, востребованность современной экономики Индии в множественном партнерстве в рамках политики сбалансированной интеграции в мировое хозяйство не располагает к значительным институциональным и организационным изменениям в российско-индийском партнерстве, что свидетельствует о низкой вероятности установления зоны свободной торговли ЕАЭС–Индия в краткосрочной перспективе [36–37]. При этом присутствует заинтересованность индийского бизнеса, не связанного с западными контрагентами, в работе на российском рынке [37].

ВЫВОДЫ

Структурные изменения в мировой экономике, вызванные масштабными кризисными явлениями последних десятилетий, в совокупности с экономическими угрозами глобального характера подталкивают страны к адаптации государственных экономических политик, где ключевое место отводится вопросам экономического роста в условиях существования неомеркантилистских трендов. Экономические приоритеты России и Индии многогранны. Однако вектор экономического суверенитета и самодостаточности при сохранении открытости экономики является системообразующим.

Российско-индийское торговое взаимодействие претерпело кардинальные изменения в силу системной трансформации российской экономики к условиям санкционного давления при росте спроса индийской экономики на импорт ресурсных

компонентов. При этом значимые инструменты организационно-экономического характера, направленные на оптимизацию механизма торгово-экономического взаимодействия стран, применены не были.

Список литературы

1. Prebisch R. The Economic Development of Latin America and its Principal Problems. Santiago: «United Nations Publications», 1950. 66 p.
2. Bello W., Kinley D., Elinson E. Development Debacle: The World Bank in the Philippines. Oakland: «Institute for Food and Development Policy», 1982. 256 p.
3. Cardoso F. H., Faletto E. Dependency and Development in Latin America. Berkeley: «University of California Press», 1979. 256 p.
4. Arghiri E. Unequal Exchange. A Study of the Imperialism of trade. New York: «Modern reader», 1972. 496 p.
5. The Global Risks Report 2023. 2023. 98 p.
6. Официальный сайт Всемирной торговой организации. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wto.org>
7. Prusa Thomas J. On the spread and impact of antidumping, Working paper. 1999. 29 p.
8. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. Издание 3-е, переработанное и дополненное / [сост. И. Н. Тимофеев, П. И. Чуприянова, К. В. Троцкая]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023. 536 с.
9. Загашвили В. С. Риски фрагментации мировой торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 8. С. 20–33.
10. Колташов В. Г. Неомеркантилизм: новая экономическая эпоха, большие кризисы и новое понимание цикличности капитализма // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 1А. С. 216–223.
11. O’Connell T. Neomercantilism, the U.S. Election, and Debates Among the Bourgeoisie. 2024. 56 p.
12. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» от 13 мая 2017 года № 208.
13. Акимов А. В. Индия как самостоятельный центр в мировой экономике // Вестник Института Востоковедения РАН. 2023. № 4. С. 213–221.
14. Официальный сайт программы «Делай в Индии». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.makeinindia.com>
15. Ревенко Л. С., Ревенко Н. С. Индийский опыт стимулирования развития экономики: программа «Делай в Индии» // Азия и Африка сегодня. 2019. № 12. С. 49–56.
16. Сурендер К. Стратегия развития для будущей Индии и программа «Самодостаточный Бхарат» // Современная мировая экономика. 2023. № 4. С. 72–90.
17. Арапова Е. Я., Муджумдар А. А. Россия и Индия: потенциал торгового сотрудничества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 10. С. 175–183.
18. Галищева Н. В. Союз, проверенный временем // Азия и Африка сегодня. 2015. № 3. С. 2–8.
19. Зыков А. А., Копушулу В. В. Проблемы и перспективы российско-индийских отношений // Потенциал социально-экономического развития Российской Федерации в новых экономических условиях. 2015. С. 849–856.
20. Коновалова Ю. А. Российско-индийское торгово-экономическое сотрудничество на современном этапе // Науковедение. 2015. № 2. С. 1–12.
21. Кузык Б. Н., Шаумян Т. Л. Индия Россия стратегия партнерства в 21 веке. М.: Институт экономических стратегий, 2009. 1224 с.
22. Науменко Р. В. Зона свободной торговли, как инструмент оптимизации российско-индийских торгово-экономических отношений (верификация гравитационного подхода) // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2018. № 3. С. 166–180.
23. Никитина М. Г., Науменко Р. В. К вопросу о проблематике двусторонних экономических отношений Индии и России // Проблемы современной экономики. 2017. № 1. С. 147–152.
24. Никитина М. Г., Солдатов М. А., Науменко Р. В. Значение стратегического партнерства России и Индии в контексте углубления билатерального торгово-экономического сотрудничества //

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2020. № 1. С. 125–133.

25. Шикин В. В., Бандари А. Российско-индийское сотрудничество в области энергетики: торговля, совместные проекты, новые сферы, 2017. 16 с.

26. Официальный сайт Министерства торговли и промышленности Индии. [Электронный ресурс]. URL: <https://commerce.gov.in/>

27. Сехон Х. Индия и Россия в XXI веке: переоценка двусторонних отношений // Новые конфигурации меняющегося мира. 2017. № 3. С. 102–111.

28. India Energy Outlook 2021. 2021. 251 p.

29. Дорохина К. М., Сахаров А. Г. Политика Индии в области смягчения последствий изменения климата: трудности и перспективы // Вестник международных организаций. 2023. № 4. С. 96–123.

30. Науменко Р. В. Торгово-экономические связи России и Индии в период глобальной эпидемиологической нестабильности: оценка положения и механизм трансформации // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. № 1. С. 5–24.

31. Официальный сайт электронной системы Всемирного интегрированного торгового решения. [Электронный ресурс]. URL: <https://wits.worldbank.org>

32. Чистякова Е. А., Соколова О. Ю., Захарова С. В., Панюшкина Л. В. Перспективы создания зоны свободной торговли ЕАЭС и Индии // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 5. С. 24–27.

33. Арапова Е. Зона свободной торговли ЕАЭС–Индия: параметры и потенциал // Международные процессы. 2021. № 4. С. 68–88.

34. Науменко Р. В. Российско-индийские торговые отношения в период глобальной экономической трансформации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2023. № 4. С. 635–654.

35. Upadhyay A. The war in Ukraine and the global south: decoding India's foreign policy stance // Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 2. С. 172–181.

36. Галищева Н. В., Решикова М. С. Внешнеэкономическая политика Индии: актуальные тенденции и перспективы. М.: Издательство «МГИМО–Университет», 2023. 42 с.

37. Арапова Е. Я., Силаев Н. Ю. Практическая многополярность: влияние украинского кризиса на экономику и политику Индии // Сравнительная политика. 2023. № 1–2. С. 133–148.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

УДК 339.924

ЕВРАЗИЙСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ: ИДЕЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Никитина М. Г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: inecondp@mail.ru

В условиях растущей открытости национальных экономик формируются предпосылки для вовлечения в процессы регионализации все большего числа стран мира и регионов. Продолжаются активные дискуссии о формировании широких и открытых «общих экономических пространств», связующих разные региональные союзы и экономики отдельных государств. В статье выделены теоретико-методологические основы развития экономико-географической концепции евразийства, кратко изложено идейное и практическое наполнение выдвинутой геоэкономической конструкции «Большая Евразия».

Ключевые слова: регионализм, евразийское пространство, концепция евразийство, Большая Евразия, региональная интеграция.

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития геополитической и геоэкономической структуры мира определяется процессами глобализации и регионализации с характерной миграцией центров глобальной политической и экономической активности. Стремление акторов к многополярному миру, основанному на принципе политического невмешательства и извлечения максимальной экономической выгоды, формирует новых лидеров интеграции и центры интеграционного притяжения. Концепция «Большая Евразия» полностью отвечает нарративам развития международных отношений и позиционируется как формат открытого регионализма. В обозримой перспективе очевидно создание на гигантском континенте пространства свободной торговли, развития, мира и безопасности, условий для суверенного развития всех входящих в него стран, культур и цивилизаций.

Среди современных исследований евразийских идей с учетом географических, политических и экономических аспектов выделим работы: Л. А. Безрукова [2; 3; 5; 6; 7], Е. Винокурова [9], С. Ю. Глазьева [10], Г. А. Гловели [12], А. В. Иванова [13], О. В. Лушников [17], А. В. Лукина [18] и др. Широкий спектр проблем и перспектив реализации интеграционных процессов на территории Евразии рассматривали в своих исследованиях Л. С. Косикова [14]; Ю. В. Кулинцев [15]; А. В. Лукин, Д. П. Новиков [18]; А. В. Неронова [19]; Д. Новиков [20]; Я. Шупин [21].

Актуальность данной проблематики усиливается востребованностью исследований практики формирования и функционирования макрорегиональных пространств. В данной работе мы сконцентрируем внимание на преимуществах геоэкономического подхода к анализу процесса регионализации.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В научном сообществе в последние десятилетие ведутся дискуссии о формировании широких и открытых «общих экономических пространств», связующих разные региональные союзы и экономики отдельных государств. Контуры такого обширного по своему географическому размаху регионального союза (общности) охватывают пространство Евразийского континента и включают: «страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, центра Евразии, Россию, страны Европейского субконтинента, которые будут настроены на конструктивное сотрудничество» [18, с. 62]. В политической теории региональная интеграция трактуется как неизбежный процесс, а евразийская интеграция является лишь естественным продолжением глобальной тенденции [1, с. 6].

Тема евразийства имеет значительный задел в теоретическом обосновании и занимает центральное место в изложении российских геополитических идей. В 1920–е гг. П. Н. Савицкий и философ Н. С. Трубецкой разработали идею евразийства, также известную как классическое евразийство [12; 4; 21]. В основе «евразийской идеи» Россия представлена как особый тип срединной цивилизации, объединяющей в своих рамках народы материковой Евразии. Аргументом для объединения является общность исторической судьбы, природные условия, многовековые традиции единого государства и наднациональной социально-культурной идентичности [5, с. 230]. Все современные направления сложно считать прямым продолжением идей «классического евразийства». Но главным ключевым направлением в евразийской доктрине, по сути, остаются комплексные геополитические и геоэкономические исследования, позволяющие раскрыть причины различий в эффективности хозяйственной деятельности между континентальными и океаническими (приморскими) государствами/странами – системами.

Как продолжение и конкретизацию развития экономико-географической концепции пространственной экономики – евразийства – следует выделить концепцию «континентально-океанической дихотомии», выдвинутую Безруковым Л. А. Суть выдвигаемой концепции заключается в следующем: «имеющаяся между континентальными и океаническими (приморскими) странами принципиальная разница в размерах транспортных издержек и транспортоемкости национальных хозяйств лежит в основе механизма постоянного «перелива» массы прибавочного продукта (доходов) от континентальных стран к океаническим, что определяет в итоге глубокие различия в эффективности национальных хозяйств данных типов стран, общем уровне их социально-экономического развития, особенностях территориальной организации общества, специфике взаимодействия с внешним миром» [7, с. 7]. Предложенная концепция уточняет возможности формирования системы центрo-периферических отношений глобального уровня. Примечательно, что особый интерес в рамках данных исследований отмечен в вопросах переосмысления концепции евразийства: от «Евразии» – к «Большой Евразии».

Отдельные исследования регионализации Евразии представлены в работах исследователей «Евразийского сектора» Центра комплексных европейских и

международных исследований Высшей Школы Экономики (ЦКЕМИ НИУ ВШЭ), сотрудниками Евразийской Экономической комиссии (ЕЭК) и Евразийского банка развития (ЕАБР), Фонда поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова и аналитического клуба «Валдай» [4; 8]. Так, эксперты Валдайского клуба Т. В. Бордачев и С. А. Караганов ввели термин «Большая Евразия» в научный оборот. С. А. Карагановым было предложено несколько трактовок, выделим наиболее расширенную: «Большая Евразия — концептуальная рамка, задающая вектор взаимодействия государств континента (совместное экономическое, политическое и культурное возрождение и развитие десятков в прошлом частично отсталых или подавлявшихся евроазиатских стран, превращение Евразии в центр мировой экономики и политики)» [4, с. 13].

Политологами международного дискуссионного клуба «Валдай», как результат комплексного анализа геополитических, экономических и социальных факторов, сделан вывод, что странам-участницам будет выгодно своеобразное объединение различных интеграционных инициатив в рамках какого-либо одного общего проекта, получившего название «Большой Евразии». В качестве ключевого аргумента приводился тезис: «данный проект будет способствовать координации совместных усилий в ходе реализации процессов интеграции в Евразии» [15, с. 142].

В научной литературе в понимании и толковании «Большой Евразии» используются преимущественно геополитические, географические или экономические аспекты. В отдельных трактовках весьма приблизительно очерчивается геополитическая и геоэкономическая реальность на евроазиатском континенте [13, с. 13].

На основе сравнительного анализа взглядов представителей геоэкономического подхода к концепции евразийства (Е. Ю. Винокуров, С. И. Долгов, А. А. Климов, К. К. Калачян, И. Н. Тимофеев и других) [17] можно выделить основные постулаты евразийского регионализма:

- региональные интеграционные проекты евразийского пространства должны стать не взаимоисключающими, а взаимодополняющими;
- усиление в условиях роста мировой экономической и политической нестабильности эффекта от интеграции возможно за счет осуществления меры по развитию и освоению внутреннего евразийского пространства ЕАЭС;
- расширение количества участников Евразийского Союза, создание сети зон свободной торговли и соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве (сопряжения с проектом «Один пояс – один путь» («Экономический пояс Шелкового пути» КНР), ЕАЭС и ЕС, ЕАЭС и АСЕАН, ЕАЭС и Япония, ЕАЭС и Корея), выстроив отношения, в том числе, и с ключевыми торгово-инвестиционными партнерами [17, с. 182].

Постепенно идея широкой евразийской общности проходит путь от теории к концепции государственной политики. В 2016 г. на высшем уровне идею формирования Большой Евразии поддержали президенты России В. В. Путин и Казахстана Н. А. Назарбаев (Петербургский международный экономический форум). «Большая Евразия» – это создающаяся геоэкономическая общность, которая объединит многие страны континента [2]. «В. В. Путин заявил о возможности

формирования «большого Евразийского партнёрства», или «Большой Евразии» с участием партнёров по ЕАЭС, Китая, Индии, Пакистана, Ирана, стран Центральной Азии, других заинтересованных государств континента» [6]. Ведущую роль в реализации этого проекта на первоначальном этапе призван сыграть тандем Россия–Китай. Основные тенденции данного процесса связаны с поворотом России на восток, Китая на запад, сопряжение ЕАЭС и экономического пояса «Великого Шёлкового пути». Сотрудничество участников направлено на сглаживание негативных мировых тенденций и улучшения благосостояния всех стран региона.

Стремление к евразийской интеграции проявляется, в первую очередь, в расширении круга участников двух крупных объединений – Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Большая Евразия даже в составе ЕАЭС и ШОС представляет собой крупнейший по площади массив материка (70,5 % его территории), где в совокупности расположено 14 стран. «В итоге на планете постепенно вырисовывается новое мощное образование. Большая Евразия уже сейчас превосходит Западную и Восточную Европу (без стран СНГ) и Северную Америку (интеграционное объединение в составе США, Канады и Мексики) по площади территории соответственно в 6,9 и 1,8 раза, по численности населения – в 6,1 и 6,8 раза, по валовому внутреннему продукту, оцениваемому по паритету покупательной способности (ВВП по ППС), – в 1,8 и 1,7 раза» [5, с. 232].

В широком смысле трактовка «евразийская интеграция» подразумевает «совокупность интеграционных процессов и проектов на всем обширном суперконтиненте Евразии, от Атлантики до Тихого океана» [14, с. 86]. За счет природно-ресурсного и демографического потенциала в перспективе может сложиться крупнейший в мире рынок товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Уникальное положение ее глубинных территорий относительно экономических морских путей и основных рынков является общей географической особенностью «Большой Евразии» [2, с. 13]. Большая Евразия способна к оптимальной автаркии. Вполне логичным является стремление участников двух крупных объединений ЕАЭС и ШОС достигнуть соотношения политического и экономического равновесия в пространстве равноправного стратегического сотрудничества суверенных государств.

Постепенно формируется новый подход к пониманию «Большая Евразия» как континентальный геостратегический, межгосударственный, политический и экономический концепт, выросший из необходимости диверсификации экономических связей и стремления к безопасности в XXI в. [4]. Вполне комплементарным является данный глобальный проект с новыми и важными для человечества смыслами. Конечно, мнения отечественных и зарубежных экспертов расходятся. Несмотря на критические мнения и оценки феномена «Большая Евразия», в большинстве публикаций приводится взвешенный подход. «Концептуально проект ориентирован на формирование различных зон свободной торговли и торгово-экономических партнерств межблокового формата с сопряжением происходящих на континенте интеграционных процессов

регионального уровня и соответственно с функционирующими интеграционными структурам» [19, с. 177].

Предметом дискуссий остается вопрос о четкой географической делимитации. Диапазон мнений затрагивает масштабы от постсоветского пространства до территориальных границ всего евразийского континента. Необходимо отметить, что в географическом смысле «евразийское пространство простирается от Гибралтара до восточного побережья Азии, в том числе и через территорию Европейского союза (ЕС). Последний сразу после своего расширения в 2004–2007 гг. инициировал Европейскую политику соседства (ЕПС), ориентированную на страны, расположенные в географической близости от южных и восточных границ Европейского союза» [11, с. 13]. Но в условиях обострения отношений между отдельными странами евразийского пространства, в частности России с западными государствами, границы евразийской интеграции изменились и были обусловлены неизбежностью укрепления всесторонних связей, прежде всего, со своими соседями посредством формирования собственной системы евразийских альянсов на постсоветском и смежном пространстве. Все явственнее проявляются контуры более широкой евразийской интеграции в виде формирования «Большой Евразии». На первоначальном этапе ведущую роль в реализации этого проекта призваны сыграть тандем Россия–Китай, тенденции поворота России на восток, а Китая на запад, сопряжения ЕАЭС и экономического пояса «Великого Шёлкового пути».

Евразийское пространство в новых реалиях уже является точкой пересечения долгосрочных политических, экономических и других инициатив, реализуемых ведущими субъектами современной мировой политики. Практическое концептуальное наполнение евразийского регионализма можно охарактеризовать тремя основными чертами:

1) тесное переплетение с российско-китайскими отношениями и инициативой «Один пояс, один путь»;

2) институционализация Большой Евразии посредством внедрения в уже существующие многосторонние форматы создаваемого нарратива относительно инициативы;

3) форматами продвижения идей Большой Евразии стали ЕАЭС, ШОС, а также двусторонние российско-китайские отношения и взаимодействие по линии Китай–ЕАЭС. [20, с. 178].

Следует отметить, что «Большая Евразия» остается открытой системой, включающей в себя все евразийское континентальное пространство: Китай, Европейский союз, Индию, Пакистан, Южную Корею, Иран, АСЕАН и постсоветские территории. И в обозримой перспективе, несмотря на сложности, проект «Большая Евразия» сохраняет потенциал для создания на гигантском континенте пространства свободной торговли, развития, мира и безопасности, условий для суверенного развития всех входящих в него стран, культур и цивилизаций.

ВЫВОДЫ

Концепция евразийского регионализма, на наш взгляд, ни в коей мере не потеряла своей актуальности. Основываясь на научном анализе взглядов и объективных реалий развития евразийского регионализма, нужно признать данную идею объективным трендом, который продолжается развиваться и формироваться. Среди основных идей евразийского регионализма выделяются: региональные интеграционные проекты, которые призваны стать не взаимоисключающими, а взаимодополняющими; усилить эффект от интеграции в том числе за счет осуществления мер по развитию и освоению внутреннего евразийского пространства; расширения количества участников.

В условиях обострения отношений между отдельными странами Евразийского континента и углубления российско-западной конфронтации все более явно проявляются контуры широкой евразийской интеграции в виде формирования «Большой Евразии» как качественно нового формата укрепления всесторонних связей. Прежде всего, данный формат учитывает геоэкономическую консолидацию, свидетельством чему служит образование различных интеграционных структур на постсоветском и смежном пространстве. Развитие нового центра геоэкономики в Евразии (наряду с Евро-Атлантикой и Азиатско-Тихоокеанским регионом), географически и содержательно объемнее, чем существующие интеграционные структуры, поставленные в зависимость от отношений России и Запада. Сложность данной конфигурации является стимулом для формирования новые приоритетов в контексте интеграции, связанные с суверенным равенством, уважением ко всем культурам, инклюзивным и недискриминационным международным сотрудничеством.

Список литературы

1. Алексеев Д. С. Российская стратегия евразийской интеграции: ключевые элементы, детерминанты и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12, № 4. С. 3–39.
2. Безруков Л. А. Географический смысл создания «Большой Евразии» // География и природные ресурсы. 2018. № 4. С. 5–14.
3. Безруков Л. А., Дружинин А. Г., Кузнецова О. В., Шупер В. А. Пространственное развитие России в контексте формирования Большой Евразии: факторы, векторы, приоритеты // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 2. С. 18–40.
4. Котляков В. М., Шупер В. А. Россия в формирующейся Большой Евразии, 2019. М. 376 с.
5. Безруков Л. А. Евразийская континентальная интеграция в экономико-географическом измерении: предпосылки, трудности, новые возможности // Вопросы географии. 2019. № 148. С. 228–262.
6. Безруков Л. А. Евразийский континентализм во внешней политике и внутреннем развитии России // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования: материалы Международной научной конференции (XIII Ежегодная научная Ассамблея АРГО), Тюмень, 12–17 сентября 2022 года. Тюмень: ТюмГУ–Press, 2022. С. 26–30.
7. Безруков Л. А. Экономико-географическая концепция евразийства и ее развитие на современном этапе // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов–обществоведов. 2015. № 4. С. 12–24.
8. Большая Евразия. Теория евразийской интеграции / Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/teoriya-evraziyskoyintegratsii-i/>

9. Винокуров Е. Прагматическое евразийство Идеология и методология // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 11. № 2. С. 49–58.
10. Глазьев С. Ю. Концептуальные предложения по практической реализации идеи Большого евразийского партнерства // Экономические стратегии. 2019. Т. 21. № 1 (159). С. 6–17.
11. Гласер М. А., Томанн П. Э., Новик Н. Н. Большая Евразия и Большая Европа: Геополитика перспектив сотрудничества // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1 (109). С. 12–27.
12. Гловели Г. Д. Российские экономико-геополитические школы // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 11. С. 37–49.
13. Иванов А. В., Журавлева С. М. Большая Евразия: понятие, вызовы, задачи России и Сибири // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2020. № 3 (25). С. 12–20.
14. Косикова Л. С. Проблемы взаимодействия евразийской и европейской интеграций // Россия и современный мир. 2017. № 1 (94). С. 85–102.
15. Кулинцев Ю. В. Перспективы реализации российской инициативы Большой Евразии в новых условиях // Безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США: Сборник статей. Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2022. С. 139–153.
16. Лагутина М. Л., Михайленко Е. Б. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 261–278.
17. Лушников О. В. Евразийская идея на современном этапе: цивилизационный, геополитический и геоэкономический аспекты // Эхо веков. 2019. № 4. С. 174–186.
18. Лукин А. В., Новиков Д. П. От Большой Европы к Большой Евразии: что несет миру коренной геополитический сдвиг // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2019. № 5. С. 60–76.
19. Неронова А. В. Современный международный контекст интеграционных процессов на территории Большой Евразии // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2023. № 3. С. 176–181.
20. Новиков Д., Горенкин К. Большая Евразия в условиях новой «холодной войны»: вызов или возможность? // Международные процессы. 2023. Т. 21. № 4 (75). С. 171–190.
21. Шупин Я. Евразийская интеграция в новых геополитических реалиях // Общественные науки и современность. 2023. № 2. С. 129–140.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

УДК 339.9

УНИВЕРСИТЕТЫ В ДОСТИЖЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Побирченко В. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: viktoriya_crimea@list.ru

Современные вызовы глобального уровня требуют пересмотра стратегий в сфере науки и образования. Университеты превращаются не только в центры академической деятельности, но и в активных участников технологического развития и экономического роста. Анализ зарубежного опыта демонстрирует важную роль университетов в формировании инновационных кластеров, развитии предпринимательства и решении социальных задач.

В статье рассмотрены модели сотрудничества университетов с государственными институтами в таких странах, как США, Германия, Великобритания, страны Северной Европы, Китай и Южная Корея. Основное внимание уделено механизмам интеграции высших учебных заведений в экономическую и общественную жизнь. Рассматриваются ключевые аспекты: стимулирование университетских стартапов, коммерциализация научных разработок, поддержка промышленных инноваций и выстраивание устойчивых партнерских связей с бизнесом.

Опыт Массачусетского технологического института и Стэнфордского университета показывает эффективность кластерного подхода в исследованиях и предпринимательской деятельности. Немецкие университеты вносят значительный вклад в развитие концепции Индустрии 4.0, участвуя в цифровой трансформации промышленности. В Великобритании активно развиваются стартап-экосистемы и механизмы трансфера технологий. В странах Северной Европы университеты занимаются решением вопросов устойчивого развития, включая экологические и социальные проблемы. Китай и Южная Корея делают акцент на государственном финансировании исследований и интеграции университетов в национальные программы развития.

На основе проведенного анализа предложены рекомендации для России. В частности, акцентируется внимание на необходимости расширения участия российских университетов в индустриальных консорциумах, усилении механизмов трансфера технологий, создании системы привлечения и удержания талантов, развитии предпринимательской культуры среди студентов и исследователей, а также активном взаимодействии с международным научным сообществом. Эти меры позволяют российским университетам внести более весомый вклад в достижение национальных целей развития.

Ключевые слова: университет мирового класса, национальные цели развития, талант, знание, технологический суверенитет, экономическая безопасность.

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап глобального экономического развития отличается значительным ростом значения знаний, инновационных решений и технологий для формирования конкурентных преимуществ стран. Университеты, являясь центрами производства научных знаний и подготовки высококвалифицированных специалистов, играют фундаментальную роль в укреплении технологического потенциала и социально-экономического развития государств. В странах с развитой экономикой университеты выполняют не только традиционные образовательные и исследовательские функции, но и становятся стратегическими партнерами правительства и бизнеса, содействуя решению ключевых задач, таких как

технологический прогресс, обеспечение экономической безопасности и достижение целей устойчивого развития.

В России университеты также активно ориентированы на содействие реализации национальных целей развития [9] и приоритетов научно-технологической политики. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года, утверждены семь ключевых целей национального развития до 2030 года с перспективой на 2036 год, которые формируют основу для устойчивого роста, ориентированного на текущие вызовы. Университеты при активной поддержке государства получают возможность не только распространять уже накопленные знания, но и разрабатывать новые подходы к решению актуальных проблем, используя весь спектр научного, образовательного, социального и инновационного потенциалов.

Вопросы построения наиболее эффективных отношений между университетами, бизнесом и обществом находят свое отражение в работах отечественных и зарубежных ученых, в том числе Дж. Салми [8; 16], Е. В. Балацкого и Н. А. Екимовой [3], Д. Квальоне, А. Мусчо и Дж. Валланти [15], А. Геуна и А. Муссио [11], М. Перкманн и К. Уолш [13; 14], Б. Блюстоуна, Х. Исаакса, Д. Кэффри, И. Д. Фруминой, А. Анисимова, А. Алексахина, С. Алексахиной и Е. Алехина [2], Ф. Агиона, М. Деватрипонта, К. Хоксби, А. Мас-Колелла, и А. Сапира [10] и др.

В научных трудах П. Бенневорта, Г. Ицковица, Р. Пинеиро, М. И. Ананича [1], Л. Борисоглебской и Я. Лебедева [4], С. Волкова и О. Акимовой [5] и др. подчеркнута значимость связи «регион (территория местоположения) – университет».

Несмотря на значительный вклад указанных авторов, возникает необходимость дополнить существующую научную базу анализом зарубежных моделей сотрудничества университетов с государственными структурами и бизнесом. Это позволит выявить успешные практики, которые могут быть адаптированы для российской образовательной и научной систем. В условиях геозэкономической турбулентности и необходимости снижения технологической зависимости России особенно важно изучение передового опыта зарубежных университетов в решении задач национального масштаба.

Целью данной статьи является исследование наиболее эффективных моделей взаимодействия университетов, государственных структур и бизнес-сообществ за рубежом с целью формирования рекомендаций, применимых для российских условий.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В современных условиях университеты занимают ведущие позиции в развитии социально-экономических и технологических систем государств. Их роль выходит за рамки традиционного обучения и включает создание новых знаний, внедрение инноваций, развитие научно-технологической базы и решение актуальных проблем общества.

Наиболее конкурентоспособны «университеты мирового класса (УМК), соответствующие четырем наиболее важным признакам: передовые исследования; высокое качество образования; связь с обществом через реализацию

исследовательских проектов; гибкое управление исследованиями и инновациями. Ключевое значение в этом списке отводится научным изысканиям, в результате чего именно исследовательские университеты научное сообщество считает эталоном качества университетов» [8].

Россия как никогда ранее нуждается в структурах подобных УМК, однако в основу их понимания и идентификации должны быть заложены критерии, наиболее полно учитывающие национальную специфику. Зарубежный опыт свидетельствует, что успех таких университетов (сильных в национальном контексте, но еще не УМК) основан на сочетании трёх ключевых факторов: высокой концентрацией талантов среди преподавателей, исследователей, студентов и менеджеров; изобилием ресурсов (финансовых, кадровых и инфраструктурных); эффективным управлением (сильная команда менеджеров, отсутствие бюрократических преград, академическая свобода и стратегическое мышление) [8]. Высокая автономия управления повышает эффективность расходов и производительность исследований. В свою очередь, изобилие ресурсов позволяет университетам привлекать ведущих ученых не только из своей страны, но и из-за рубежа [16]. В последние годы к трем указанным характеристикам добавилась еще одна, связанная с более тесным сотрудничеством университетов с бизнесом, что позволяет не только обеспечивать качественное обучение за счет эффектов взаимодействия [11; 13; 14], но и проводить исследования получать продукты, ценные для экономики [15].

Примером может служить опыт Соединённых Штатов Америки, где университеты, такие, например, как Массачусетский технологический институт (MIT) и Стэнфордский университет (Stanford University), выступают не только образовательными учреждениями, но и центрами инновационной деятельности, интегрированными с промышленностью.

Массачусетский технологический институт (MIT) занимает центральное место в технологическом кластере района Большого Бостона. Университет отличается уникальная культура инноваций, основанная на тесной связи исследований с их практическим применением. Основные направления успеха MIT:

1. Трансфер технологий. Университет активно сотрудничает с промышленными предприятиями. Примером является участие в разработке компьютерных технологий, что привело к созданию компании Digital Equipment Corporation.

2. Стартап-инициативы. MIT является инициатором программ, которые помогают обучающимся и ученым превратить их идеи в успешные бизнес-проекты. Например, Martin Trust Center for MIT Entrepreneurship предоставляет студентам ресурсы для создания стартапов, включая менторство и доступ к финансированию.

3. Фонд венчурного капитала. MIT активно взаимодействует с венчурными инвесторами, что позволило привлечь значительные ресурсы в технологические стартапы. Примером успешного стартапа, связанного с MIT, является iRobot – компания, разработавшая инновационных роботов для потребительского и промышленного рынков.

4. Сотрудничество с государством. MIT разрабатывает технологии для оборонной промышленности, что обеспечивает значительное финансирование и развитие инновационной экосистемы.

Сегодня район Большого Бостона стал одним из мировых лидеров в области биотехнологий, робототехники и искусственного интеллекта благодаря MIT.

Стэнфордский университет (Stanford University) сыграл ключевую роль в становлении Силиконовой долины. Среди факторов успеха можно выделить:

1. Инициативы предпринимательства. Программы декана Стэнфордского университета Фредерика Термана в 1930–х годах стали ключевым фактором в создании Силиконовой долины и стимулировании технологического предпринимательства среди выпускников. Несколько ярких примеров выпускников Стэнфорда, основавших успешные компании под влиянием этих программ: Hewlett–Packard (1939 год), Varian Associates (1948 год), Fairchild Semiconductor (1957 год), Intel (1968 год).

2. Индустриальные парки. Созданный в 1951 году при Stanford University Стэнфордский индустриальный парк (Stanford Industrial Park) стал местом «рождения» и «адресом прописки» вышеназванных компаний (Hewlett–Packard и др.).

3. Привлечение и удержание талантов. Стэнфорд привлекал лучших абитуриентов и ученых со всего мира, создавая уникальную концентрацию человеческого капитала. Выпускники Стэнфорда стали основателями или ключевыми сотрудниками таких компаний, как Google, Cisco, Sun Microsystems, Yahoo! и др.

4. Технологический трансфер. Университет активно способствует патентованию и коммерциализацию научных разработок, полученных проектными командами университета. Так, например, одной из первых компаний, которые открыли свою штаб–квартиру в Stanford Industrial Park была Varian Associates. Сегодня ее называют «жемчужиной в короне Кремниевой долины», пакет ее патентов составляет более 10 000 наименований.

5. Культура предпринимательства. Одной из ключевых характеристик Стэнфорда является его акцент на развитие предпринимательской культуры. Университет организует конкурсы стартапов, хакатоны и предоставляет менторскую поддержку начинающим предпринимателям.

Опыт MIT и Stanford показывает, что университеты способны стать ядрами инновационных экосистем. Для России важно учесть этот опыт, развивая индустриальные парки, программы поддержки стартапов и сотрудничества с бизнесом. Это позволит сформировать технологические кластеры вокруг ведущих университетов и достичь стратегических национальных целей.

Опыт Германии в реализации концепции Индустрия 4.0 (Industry 4.0) предоставляет множество практических примеров для интеграции науки, образования и промышленности. Германия является одним из мировых лидеров в цифровой трансформации производственных процессов благодаря активному участию университетов, таких как Технический университет Мюнхена (TUM), Рейнско-Вестфальский технический университет Ахена (RWTH Aachen) и Технический университет Берлина (TU Berlin).

Основные направления участия университетов Германии в развитии Индустрии 4.0:

УНИВЕРСИТЕТЫ В ДОСТИЖЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ...

1. Интеграция научных исследований в промышленность. Немецкие университеты активно взаимодействуют с промышленными предприятиями для разработки и внедрения технологий в таких областях, как робототехника, интернет вещей (IoT) и киберфизические системы. Например, RWTH Aachen совместно с Fraunhofer Institute реализует проекты по внедрению умных фабрик (Smart Factories), где используются автономные роботы, сенсоры и искусственный интеллект. Так, в рамках проекта «Smart Logistics Cluster» оптимизированы логистические процессы, что позволило сократить затраты и сроки доставки.

2. Создание уникальных исследовательских лабораторий. В Техническом университете Берлина создана уникальная лаборатория («Лаборатория умных фабрик»), где тестируются новые технологии, включая использование робототехники и искусственного интеллекта. Один из проектов лаборатории – разработка автономных систем контроля качества продукции, которые снижают риск брака и повышают эффективность производственных линий.

3. Специализированные образовательные программы. Университеты Германии предлагают специализированные курсы по мехатронике, программированию, управлению данными, связанные с Industry 4.0. Например, Технический университет Мюнхена запустил программу по цифровому производству, где студенты изучают использование киберфизических систем и технологий IoT в производстве. Такие специалисты становятся востребованными на рынке труда и играют ключевую роль в цифровой трансформации предприятий.

4. Инновационные экосистемы и кампусы. Создание инновационных кампусов, таких как Garching Forschungszentrum в Мюнхене, позволяет университетам, научным центрам и таким компаниям, как Siemens и BMW, работать над совместными проектами, развивая стартапы в области Industry 4.0.

5. Участие в консорциумах и государственных инициативах. Университеты Германии активно участвуют в консорциумах, таких как Plattform Industrie 4.0, которая является ключевым инструментом реализации национальной стратегии цифровизации. Эта платформа объединяет университеты, государственные органы и частный сектор для совместной работы над проектами в области цифровизации промышленности.

6. Поддержка со стороны государственных фондов. Государственные программы, такие как High-Tech Strategy 2025, финансируют исследования в области прогнозного обслуживания и других инновационных решений. Например, в рамках этой стратегии были профинансированы исследования университета Штутгарта по разработке систем прогнозного обслуживания оборудования.

Таким образом, Германия демонстрирует, что успешная интеграция науки, образования и бизнеса способствует конкурентоспособности на мировом уровне. Опыт немецких университетов в реализации концепции Индустрии 4.0 может быть адаптирован в России для развития технологического суверенитета и модернизации промышленности. Основное внимание следует уделить:

- Созданию исследовательских лабораторий для тестирования новых технологий.

- Разработке образовательных программ, ориентированных на трансформацию. Привлечению и удержанию талантов на таких программах.
- Укреплению связей между университетами, бизнесом и государственными структурами.
- Привлечению государственного и частного финансирования для инновационных проектов.

Адаптация этого подхода позволит России занять устойчивую позицию в глобальной цифровой экономике.

Примеры успешного взаимодействия науки и бизнеса демонстрируют университеты Великобритании, такие как Оксфорд (University of Oxford) и Кембридж (University of Cambridge).

Основные направления трансфера технологий в Великобритании:

1. Развитие инноваций. Исследовательские центры этих университетов активно занимаются разработкой передовых технологий в таких областях, как биотехнологии, искусственный интеллект, медицина и возобновляемые источники энергии. Их работа позволяет внедрять научные открытия в различные отрасли экономики, создавая конкурентные преимущества.

2. Создание инновационной инфраструктуры. Оксфорд и Кембридж создали специализированные структуры для поддержки коммерциализации технологии: офисы трансфера технологий, научные парки, акселераторы и инкубаторы. Эти структуры обеспечивают платформу для эффективного взаимодействия науки и бизнеса.

3. Подготовка кадров. Университеты Великобритании ориентированы на подготовку специалистов, которые могут внедрять научные разработки в производство. Образовательные программы тесно связаны с практическими задачами индустрии и развиваются в партнерстве с крупнейшими компаниями. Для реализации таких образовательных программ в университете создают следующие условия: конкурентные условия оплаты труда и возможности карьерного роста для студентов, исследователей и преподавателей.

4. Партнерство с бизнесом. Университеты активно сотрудничают с бизнесом, государственными структурами и международными организациями. Оксфордский университет активно развивает коммерциализацию научных разработок через свой Oxford University Innovation (OUI) – офис по коммерциализации разработок. У OUI две ключевые функции: 1) создание стартапов, 2) заключение лицензионных соглашений. С 2010 года через OUI было создано более 200 стартапов, среди которых Oxford Nanopore Technologies, разрабатывавшая устройства для секвенирования ДНК и РНК.

5. Инновационные кластеры. Кембриджский университет играет центральную роль в развитии инновационной экосистемы Cambridge Cluster, известной как «Силиконовая Фенландия» (Silicon Fen). Основанный в 1970-х годах, Кембриджский научный парк стал первым подобным проектом в Великобритании. Сегодня он объединяет более 100 компаний, работающих в сфере биотехнологий, робототехники и IT. Компании, входящие в Cambridge Cluster, такие как ARM и AstraZeneca, активно сотрудничают с университетскими исследовательскими группами, что способствует

УНИВЕРСИТЕТЫ В ДОСТИЖЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ...

созданию новых продуктов и технологий. Кембриджский университет поддерживает стартапы через Cambridge Enterprise, предоставляя им доступ к финансированию, менторству и экспертным сетям.

Значение трансфера технологий для экономики Великобритании:

- Университетские инновации способствуют развитию высокотехнологичных отраслей, обеспечивая долгосрочный экономический рост страны.
- Компании, основанные на университетских разработках, создают тысячи высококвалифицированных рабочих мест.
- Технологические кластеры при университетах привлекают международные инвестиции, поддерживая развитие как на региональном, так и на национальном уровнях.

Опыт Великобритании подтверждает, что университеты могут стать двигателями технологического развития, способствуя трансферу знаний из академической среды в промышленность. Для России важно создать аналогичные условия, включая:

- Создание системы привлечения и удержания талантов.
- Стимулирование стартап-культуры среди студентов и ученых.
- Поддержку инновационных инициатив через акселераторы и инкубаторы.
- Развитие офисов трансфера технологий и научных парков.
- Укрепление партнерств между университетами и бизнесом.

Адаптация этих механизмов позволит России укрепить технологический суверенитет и занять лидирующие позиции в глобальной инновационной экономике.

Университеты стран Северной Европы занимают ведущие позиции в решении актуальных социальных и экологических проблем, становясь важной частью стратегии устойчивого развития. Их деятельность направлена на разработку и внедрение инновационных решений в области изменения климата, цифровой трансформации, интеграции общества и экологически чистых технологий.

Основные направления деятельности университетов стран Северной Европы:

1. Экологическая устойчивость. Ведущие университеты, такие как Университет Хельсинки (University of Helsinki) и Технологический университет Лаппеэнранты (LUT), активно занимаются исследованиями в сфере возобновляемых источников энергии и переработки отходов. LUT разрабатывает проекты по водородной энергетике и экономике замкнутого цикла, что способствует снижению углеродного следа.

2. Цифровизация и устойчивое развитие. В Швеции университеты уделяют внимание инновациям в городском планировании и адаптации к изменению климата. Например, проект «Умные города» («Smart Cities») в Университете Лунда (Lund University) разрабатывает интеллектуальные транспортные системы и энергоэффективные здания, что делает города более экологичными.

3. Социальная интеграция. Уппсальский университет (UU) активно работает над образовательными программами, направленными на поддержку мигрантов и обеспечение социальной справедливости. Такие инициативы способствуют формированию инклюзивного общества.

4. Международное сотрудничество. Университеты стран Северной Европы активно участвуют в программах ЕС, таких как Horizon Europe (2021–2027 гг.), разрабатывая совместные проекты с ведущими университетами других стран для поиска решений в области устойчивого развития.

Опыт университетов стран Северной Европы подтверждает, что интеграция научных исследований, образования и бизнеса является ключевым фактором в решении современных вызовов. В России целесообразно адаптировать их лучшие практики, а именно:

- Развивать технологии чистой энергии и системы улавливания углерода.
- Внедрять принципы «умных городов» в мегаполисах.
- Поддерживать инклюзивные образовательные инициативы.
- Укреплять международное сотрудничество в сфере экологических инноваций.

Применение этих стратегий позволит России двигаться в направлении устойчивого и инновационного развития.

В современных условиях Китай демонстрирует успешную модель интеграции университетов в реализацию национальных стратегических приоритетов, в том числе в рамках инициативы «Made in China 2025» [12]. В числе успешных примеров можно выделить университеты Китая – Университет науки и технологий (USTC), расположенный в городе Хэфэй, Университет Цинхуа (Tsinghua University), Пекинский университет (Peking University) и др. Этот опыт представляет особый интерес для России, стремящейся к технологическому суверенитету и усилению роли высшего образования в инновационной сфере.

Ключевые приоритеты университетов Китая в реализации национальных целей развития:

1. Государственная поддержка и финансирование. Правительство Китая активно финансирует университеты в рамках программ «Программа 211» и «Программа 985». Эти инициативы направлены на развитие исследовательской инфраструктуры и интеграцию науки с производственными секторами. Государственные инвестиции способствуют активному участию университетов в передовых научных разработках.

2. Фокус на передовые технологии. Китайская образовательная система ориентирована на развитие таких направлений, как искусственный интеллект, квантовые технологии, биотехнологии и возобновляемая энергия. Так, например, Университет науки и технологий Китая (USTC) является лидером в разработке квантовой связи и вычислений, реализуя проекты совместно с промышленными партнёрами. USTC стал первопроходцем в создании спутниковой системы квантовой связи «Мо-цзы», что значительно повысило безопасность передачи данных. Исследовательские группы университета разработали передовые квантовые вычислительные системы, обеспечивающие технологическое лидерство страны в этой сфере. Партнёрство с такими технологическими гигантами, как Huawei и Alibaba, ускоряет коммерциализацию разработок.

Университет Цинхуа (Tsinghua University) играет ведущую роль в исследованиях в области искусственного интеллекта. Его Институт искусственного интеллекта

УНИВЕРСИТЕТЫ В ДОСТИЖЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ...

сотрудничает с Baidu и Tencent, разрабатывая решения для здравоохранения, транспорта и промышленности.

Пекинский университет (Peking University) специализируется на биотехнологиях и медицине. Университетские лаборатории сотрудничают с фармацевтическими компаниями для создания новых методов диагностики и лечения, включая передовые генетические технологии. Через стартап–акселераторы университет поддерживает коммерциализацию разработок в сфере биомедицины.

Китайская модель подтверждает, что университеты способны стать движущей силой национального технологического развития при наличии государственной поддержки и эффективного взаимодействия с бизнесом. Для России важными шагами могут стать:

- Усиление финансирования университетских исследований по стратегически важным направлениям.
- Создание институтов трансфера технологий для ускоренной коммерциализации научных разработок.
- Формирование инновационных кластеров вокруг ведущих образовательных учреждений.
- Развитие партнёрства между университетами и индустрией для обеспечения интеграции науки в экономику.

Адаптация китайского подхода позволит России повысить конкурентоспособность в сфере высоких технологий и укрепить национальную инновационную экосистему.

Южная Корея демонстрирует успешный пример интеграции университетов в развитие национальной экономики, ориентированной на знания и инновации. В рамках стратегии «Creative Economy», реализуемой с 2013 года, образовательные и научные учреждения играют ключевую роль в формировании кадрового потенциала, поддержке стартапов, трансфере технологий и тесном взаимодействии с государством и бизнесом.

Ключевые аспекты развития университетов Южной Кореи в рамках реализации стратегии «Creative Economy»:

1. Развитие технологических кластеров. В стране сформированы научные и технологические центры, тесно связанные с университетами. Например, кластер в Тэджоне, известный как «научный город» (или «город, ориентированный на науку»), объединяет более 30 исследовательских институтов, включая Корейский исследовательский институт атомной энергии (KAERI), Корейский институт машин и материалов (KIMM) и Korea Advanced Institute of Science and Technology (KAIST). Эти учреждения являются центрами передовых разработок, активно сотрудничающими с промышленными предприятиями.

2. Государственная поддержка инновационного предпринимательства. Южнокорейское правительство активно развивает экосистему стартапов, предоставляя налоговые льготы, гранты и инвестиционные механизмы для новых компаний. Особое внимание уделяется индустриально-академическим консорциумам, объединяющим университеты и бизнес для совместной работы над инновациями. Так, например, KAIST совместно с Hyundai разрабатывает автономные

транспортные системы и технологии электромобилей, ускоряя внедрение передовых решений в экономику.

3. Коммерциализация научных исследований. Южнокорейские университеты активно участвуют в трансфере технологий и создании венчурных проектов. Это способствует быстрой адаптации научных достижений к потребностям рынка и развитию конкурентоспособных предприятий на основе университетских разработок.

Опыт Южной Кореи подтверждает, что эффективное взаимодействие между государством, университетами и бизнесом играет ключевую роль в развитии экономики знаний. Для России, стремящейся к технологической модернизации, целесообразно:

- Развивать научно-технологические кластеры на базе университетов.
- Усилить механизмы поддержки стартапов и венчурного финансирования.
- Внедрять индустриально-академические консорциумы для ускорения трансфера технологий.
- Стимулировать коммерциализацию научных исследований и их интеграцию в экономику.

Адаптация опыта университетов Южной Кореи позволит России укрепить свои позиции в глобальной инновационной среде и создать устойчивую экономику знаний. Внедрение стратегий, подобных «Creative Economy», позволит России повысить конкурентоспособность своих научных исследований и сформировать инновационную экономику, ориентированную на глобальное лидерство.

ВЫВОДЫ

Анализ международного опыта демонстрирует, что в современных условиях университеты выполняют не только образовательные и исследовательские функции, но и становятся стратегическими партнёрами государства и бизнеса. Они играют ключевую роль в развитии технологий, обеспечении экономической безопасности и достижении целей устойчивого социально-экономического роста.

Для России, которая сталкивается с вызовами глобальных геоэкономических и геополитических изменений, изучение зарубежных практик интеграции университетов в реализацию национальных стратегий является особенно значимым. Несмотря на мощный научный потенциал, в стране существует ряд ограничений, таких как низкая коммерциализация научных разработок, недостаточное сотрудничество с индустрией и слабая интеграция в международные научные сети. Преодоление этих барьеров возможно за счёт внедрения передовых зарубежных практик.

Российские университеты уже добились успехов в отдельных направлениях, однако для усиления их вклада в достижение национальных целей развития необходимы системные меры, в том числе:

- 1) Привлечение и удержание талантов.

УНИВЕРСИТЕТЫ В ДОСТИЖЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ...

2) Усиление роли человеческого капитала в образовательной системе. Создание конкурентоспособных условий оплаты труда и возможностей карьерного роста для студентов, исследователей и преподавателей.

3) Укрепление взаимодействия с промышленностью и бизнесом. Создание технологических платформ для кооперации университетов с индустриальными предприятиями, включая консорциумы, кластеры и технологические альянсы.

4) Развитие механизмов трансфера технологий. Усиление коммерциализации научных исследований, стимулирование создания стартапов на базе вузов и активное сотрудничество с технологическими компаниями.

5) Формирование инновационной инфраструктуры. Создание условий для развития стартап-экосистем, включая доступ к венчурному капиталу, программы менторства и поддержку предпринимательских инициатив студентов и преподавателей.

6) Формирование культуры предпринимательства. Организация образовательных программ, хакатонов и грантовых инициатив, направленных на развитие предпринимательских навыков среди молодёжи.

7) Расширение международного сотрудничества. Интенсификация взаимодействия с зарубежными научными и образовательными сетями для привлечения иностранных студентов, учёных и преподавателей.

Реализация этих и других мероприятий позволит российским университетам усилить свою роль в научной, образовательной и инновационной сферах, содействуя достижению стратегических национальных целей развития.

Однако успешная реализация данных инициатив невозможна без государственной поддержки. Грантовые программы, такие как ПСАЛ «Приоритет 2030», «Передовые инженерные школы», например, налоговые льготы и финансовые стимулы для бизнеса, инвестирующего в университетские исследования, станут важным фактором их развития.

В заключение следует отметить, что на повестке дня стоит еще один очень важный вопрос о том, сохранится ли нынешняя роль университетов в постиндустриальном мире, если они не университеты мирового класса. Ученые дискутируют по поводу того, «не сойдут ли со сцены» и не потеряют ли свои позиции забюрократизированные и маломаневренные университеты, оторванные от прямого участия в передовых технологических программах. Не исключено, что университеты и сохранятся, но их организационная модель может существенно измениться, адаптируясь к новым вызовам цифровой и инновационной эпохи. При этом изменится настолько, что можно будет говорить о качественно новом явлении в научно-образовательной сфере. Этот вопрос требует дальнейших исследований и анализа.

Список литературы

1. Ананич М. И. Технологическое лидерство как модель инновационного развития региона и университета // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskoe-liderstvo-kak-model-innovatsionnogo-razvitiya-regiona-i-universiteta>
2. Анисимов А Ю., Алексахин А. Н., Алексахина С. А., Алёхин Е. И. Роль университетов в процессе трансфера технологий // Вестник Академии знаний. 2024. № 5 (64). [Электронный ресурс].

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-universitetov-v-protssesse-transfera-tehnologiy>

3. Балацкий Е. В., Екимов Н. А. Университеты мирового класса и технологическое развитие: вопросы без ответов // Journal of new economy. 2022. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/university-mirovogo-klassa-i-tehnologicheskoe-razvitie-voprosy-bez-otvetov>

4. Борисоглебская Л. Н., Лебедева Я. О. Создание консорциумов университетов с высокотехнологичными компаниями с целью научно-технологического развития регионов // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. № 17–2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-konsortsiumov-universitetov-s-vysokotehnologichnymi-kompaniyami-s-tselyu-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-regionov>

5. Волков С. К., Акимов О. Е. Опорные университеты как центры развития технологического предпринимательства // Университетское управление: практика и анализ. 2019. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opornye-universitety-kak-tsentry-razvitiya-tehnologicheskogo-predprinimatelstva>

6. Грибовский М. В. Классические университеты в научно-технологическом развитии Российской империи и СССР: покидая башню из слоновой кости // Высшее образование в России. 2024. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassicheskie-universitety-v-nauchno-tehnologicheskom-razviti-rossiyskoy-imperii-i-sssr-pokidaya-bashnyu-iz-slonovoy-kosti>

7. Константинова Л. В., Титова Е. С., Петров А. М., Штырно Д. А. О некоторых позитивных тенденциях развития вузовской науки в России на современном этапе // Высшее образование в России. 2024. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-pozitivnyh-tendentsiyah-razvitiya-vuzovskoy-nauki-v-rossii-na-sovremennom-etape>

8. Салми Дж. Создание университетов мирового класса; пер. с англ. Москва: Издательство «Весь Мир», 2009. 132 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/603581468328212328/pdf/476100PUB0REPL0Universites0Russian.pdf>

9. Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07 мая 2024 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>

10. Aghion Ph., Dewatripont M., Hoxby C., Mas-Colell A., Sapir A. Why reform Europe's universities? (Bruegel Policy Brief no. 2007/04). [Электронный ресурс]. URL: http://aei.pitt.edu/8323/1/PB200704_education.pdf

11. Geuna A., Muscio A. The Governance of University Knowledge Transfer: A Critical Review of the Literature. Review Article Published: 18 March 2009, Volume 47, pages 93–114. [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11024-009-9118-2>

12. How 'Made in China 2025' helped supercharge scientific development in China's cities. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-024-03522-y>

13. Perkmann M., Walsh K. University Industry Relationships and Open Innovation: Towards a Research Agenda // International Journal of Management Reviews 9 (4). December 2007. DOI:10.1111/j.1468-2370.2007.00225.x

14. Perkmann M., Walsh K. The two faces of collaboration: impacts of university-industry relations on public research // Industrial and Corporate Change, 2009. Vol. 18. Issue 6. P. 1033–1065. [Электронный ресурс]. URL: https://econpapers.repec.org/article/oupindcch/v_3a18_3ay_3a2009_3ai_3a6_3ap_3a1033-1065.htm

15. Quaglione D., Muscio A., Vallanti G. The two sides of academic research: do basic and applied activities complement each other? // Economics of Innovation and New Technology, 2015. Vol. 24, Issue 7, P. 660–681. [Электронный ресурс]. URL: https://econpapers.repec.org/article/tafecinnt/v_3a24_3ay_3a2015_3ai_3a7_3ap_3a660-681.htm

16. Salmi J. Tertiary Education is Indispensable to Achieve the Sustainable Development Goals // International Higher Education. 2020. № (100). P. 14–15. [Электронный ресурс]. URL: <https://ejournals.bc.edu/index.php/ihe/article/view/14219>

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

УДК 332.1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Побирченко В. Р., Побирченко В. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: viktoriya_crimea@list.ru

В статье проведен комплексный анализ теоретических основ моделирования социально-экономического развития региона, раскрываются ключевые методологические подходы и современные технологии прогнозирования социально-экономических процессов. Рассматриваются основные классы моделей, включая экономико-математические, имитационные, когнитивные и пространственно-экономические модели, их особенности, области применения и сравнительные характеристики. Особое внимание уделено роли моделирования в стратегическом управлении регионом, позволяющем разрабатывать эффективные программы экономического роста, прогнозировать изменения в структуре экономики и разрабатывать сценарии развития территорий.

Внимание авторов акцентировано на существующих проблемах и ограничениях применяемых моделей, таких как нехватка достоверных данных, сложность учета динамических факторов и ограниченная адаптивность моделей к быстро меняющимся условиям внешней среды. Анализируются способы преодоления этих барьеров с помощью передовых технологий, включая искусственный интеллект, машинное обучение и использование Big Data для анализа многомерных социально-экономических данных. Также рассмотрены перспективные направления развития моделирования, такие как интеграция цифровых двойников территорий, создание гибридных моделей, сочетающих количественные и качественные методы анализа, и совершенствование геоинформационных систем для пространственного анализа социально-экономических процессов.

Полученные результаты могут быть полезны для ученых, занимающихся исследованием регионального развития, а также для органов государственной власти и местного самоуправления, ответственных за планирование и реализацию региональной политики. Внедрение современных подходов к моделированию социально-экономического развития позволит повысить точность прогнозирования, обеспечить эффективное управление ресурсами и сформировать устойчивые стратегии развития регионов в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: регион, моделирование, социально-экономическое развитие, устойчивое развитие, экономико-математические модели, имитационные модели, когнитивные модели, прогнозирование, Big Data, цифровые двойники.

ВВЕДЕНИЕ

Современные регионы представляют собой сложные социально-экономические системы, развитие которых зависит от множества факторов: демографических, инфраструктурных, институциональных, экологических и экономических. Управление таким развитием требует применения научно обоснованных подходов, позволяющих прогнозировать динамику показателей и разрабатывать эффективные стратегии. В этой связи моделирование социально-экономического развития региона является одним из ключевых инструментов анализа и принятия решений [15].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения устойчивого развития регионов, оптимального распределения ресурсов и снижения социально-экономических дисбалансов. В условиях глобальных вызовов, таких как экономические кризисы, демографические изменения и технологические

трансформации, регионы сталкиваются с необходимостью адаптации к изменяющимся условиям. Эффективные методы моделирования позволяют предсказать последствия различных управленческих решений, что особенно важно в условиях высокой неопределенности.

Исследования в данной области ведутся на протяжении нескольких десятилетий. Основоположниками экономико-математического моделирования стали В. Леонтьев (W. Leontief, 1953), разработавший межотраслевой баланс, и Дж. Форрестер (Jay W. Forrester, 1969), заложивший основы системной динамики. В отечественной науке значительный вклад в развитие моделей региональной экономики внесли А. И. Татаркин, В. М. Полтерович, а также ряд современных исследователей, таких как С. В. Андриянов [2], Д. М. Журавлев и В. К. Чаадаев [4], З. Н. Исмиханов [6], С. С. Красных [8], А. В. Лапин и М. В. Ильичев [9], Е. Д. Маркина [10], Н. М. Румянцев [14], Ж. К. Хубиева [19] и др., разрабатывающих когнитивные и имитационные модели анализа.

Несмотря на достижения в области моделирования социально-экономического развития, остаются нерешённые вопросы, касающиеся, в том числе, адаптивности моделей к быстро меняющимся условиям и доступностью данных для анализа.

Цель статьи – проанализировать современные методы моделирования социально-экономического развития региона, классифицировать основные подходы, выявить их ограничения и предложить перспективные направления развития.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Социально-экономическое развитие региона представляет собой процесс изменения экономических и социальных характеристик территории, направленный на повышение уровня жизни населения, улучшение экономических показателей и инфраструктуры, а также обеспечение устойчивого роста и конкурентоспособности региона. Это динамическая система, в которой различные компоненты взаимосвязаны и влияют друг на друга.

Одним из ключевых параметров, характеризующих социально-экономическое развитие, является валовый региональный продукт (ВРП), который выражает совокупную стоимость всех товаров и услуг, произведенных в регионе за определенный период времени. Дополнительно развитие региона характеризуется такими показателями, как уровень безработицы, инвестиционная привлекательность, уровень доходов населения и др.

Оценка социально-экономического развития региона возможна на основе совокупности макроэкономических и социальных показателей, среди которых можно выделить:

- ВРП на душу населения;
- Индекс человеческого развития (ИЧР), рассчитываемый по формуле:

$$\text{ИЧР} = \frac{1}{3}(I_{\text{зд}} + I_{\text{обр}} + I_{\text{ур}}), \text{ где} \quad (1)$$

$I_{\text{зд}}$ – индекс ожидаемой продолжительности жизни,

$I_{\text{обр}}$ – индекс уровня образования,

$I_{\text{ур}}$ – индекс уровня жизни;

- Коэффициент занятости населения;
- Индекс инвестиционной активности (Инв), отражающий долю инвестиций в основной капитал в структуре ВРП:

$$I_{\text{кап}} = \frac{I_{\text{кап}}}{\text{ВРП}}, \text{ где} \quad (2)$$

$I_{\text{кап}}$ – объем инвестиций в основной капитал.

Эти показатели не только отражают текущее состояние региона, но и позволяют выявлять тенденции и прогнозировать его дальнейшее развитие.

Однако статическая оценка показателей не дает полного представления о возможных сценариях социально-экономического развития. Для повышения эффективности управления регионом требуется не просто анализ существующих данных, а их интеграция в прогнозные модели.

Моделирование социально-экономического развития региона позволяет:

- Выявлять причинно-следственные связи между различными экономическими и социальными параметрами.
- Прогнозировать изменения ключевых показателей в зависимости от внутренних и внешних факторов.
- Разрабатывать сценарии развития региона с учетом различных стратегий управления.
- Оптимизировать использование ресурсов и инвестиционных потоков.

Моделирование социально-экономического развития региона основывается на нескольких ключевых принципах: 1) системность – регион рассматривается как сложная система с множеством взаимосвязанных элементов; 2) динамичность – модели учитывают изменения во времени, позволяя прогнозировать развитие региона; 3) многофакторность – модели включают экономические, демографические, институциональные и природные факторы; 4) адаптивность – возможность корректировки моделей в зависимости от новых данных и условий развития.

Сложностью и многогранностью самого объекта исследования обусловлено разнообразие подходов к моделированию социально-экономического развития региона. Все модели социально-экономического развития региона можно разделить на несколько категорий:

1. Детерминированные и стохастические модели:

- Детерминированные модели предполагают точность всех входных данных и не учитывают случайные факторы.
- Стохастические модели включают случайные переменные, что делает их более реалистичными для экономических прогнозов.

2. Статические и динамические модели:

- Статические модели анализируют состояние экономики на конкретный момент времени.
- Динамические модели позволяют учитывать изменения показателей во времени и строить прогнозы.

3. Количественные и качественные модели:

- Количественные модели включают математические, эконометрические и статистические методы анализа.

- Качественные модели базируются на экспертных оценках, когнитивных картах и сценарном анализе.

4. Пространственно-экономические модели:

- Модели размещения производств.
- Гравитационные модели взаимодействия регионов.
- Кластерный анализ и анализ концентрации экономической активности.

Региональная экономика представляет собой динамическую систему, включающую множество взаимосвязанных факторов: экономических, социальных, технологических, экологических и политических. В зависимости от целей исследования, доступности данных и специфики задач используются различные модели, каждая из которых имеет свои преимущества и ограничения.

1. Экономико-математические модели. Применяются для количественного анализа и прогнозирования социально-экономического развития региона. Они позволяют формализовать влияние различных факторов на развитие территории и оценивать эффективность экономической политики. Одной из ключевых моделей является модель межотраслевого баланса, разработанная В. Леонтьевым:

$$X=(I-A)^{-1}FX, \text{ где} \quad (3)$$

X – вектор выпуска продукции;

A – матрица коэффициентов прямых затрат;

F – вектор конечного спроса;

I – единичная матрица.

Другим распространённым подходом является модель производственной функции Кобба–Дугласа, описывающая зависимость выпуска продукции от капитала и труда:

$$Y = AK^{\alpha}L^{1-\alpha}Y, \text{ где} \quad (4)$$

Y – объем выпуска;

K – капитал;

L – трудовые ресурсы;

A – технологический коэффициент;

α – эластичность выпуска по капиталу.

2. Имитационные модели позволяют прогнозировать динамику региона в условиях неопределенности. Имитационные модели используются для анализа сложных экономических систем, в которых взаимодействуют многочисленные агенты – предприятия, домохозяйства, государственные структуры. Одним из таких подходов является агентное моделирование [3; 9], которое позволяет прогнозировать поведение экономических агентов и оценивать влияние различных политик на развитие региона.

Примером является модель динамики рынка труда, в которой изменение численности занятых (L_t) описывается уравнением:

$$L_{t+1} = L_t + (h-u)L_t, \text{ где} \quad (5)$$

h – коэффициент найма;

u – коэффициент увольнения.

Имитационные модели позволяют учитывать стохастические процессы и адаптацию агентов к изменениям в экономической среде.

3. Когнитивные модели основаны на экспертных оценках и анализе причинно-следственных связей [6; 10]. Одним из инструментов когнитивного моделирования является метод Байесовских сетей, который позволяет прогнозировать развитие региона на основе вероятностных зависимостей между переменными:

$$P\left(\frac{A}{B}\right) = \frac{P\left(\frac{B}{A}\right)P(A)}{P(B)}, \text{ где} \quad (6)$$

$P\left(\frac{A}{B}\right)$ – вероятность события А при наступлении события В,

$P\left(\frac{B}{A}\right)$ – условная вероятность В,

$P(A)$ и $P(B)$ – априорные вероятности.

Когнитивные модели используются для прогнозирования социальных процессов, оценки устойчивости региональной экономики и выявления ключевых факторов риска.

4. Пространственно-экономические модели учитывают территориальные особенности. К пространственно-экономическим моделям относят:

– Модель гравитационного притяжения (гравитационная модель). Описывает взаимосвязь между регионами на основе экономического потенциала и расстояния между ними:

$$T_{ij} = G \frac{P_i P_j}{D_{ij}^2}, \text{ где} \quad (7)$$

T_{ij} – объем взаимодействия между регионами i и j ,

P_i, P_j – экономический потенциал регионов (например, ВРП или численность населения),

D_{ij} – расстояние между регионами,

G – коэффициент пропорциональности.

– Модель кластерного анализа позволяет выявлять группы регионов со схожими экономическими характеристиками и формировать стратегии их развития, например, используя метод k -средних:

$$C_k = \frac{1}{n_k} \sum_{i=1}^{n_k} n_k, \text{ где} \quad (8)$$

C_k – центр кластера,

X_i – объекты, принадлежащие кластеру,

n_k – число объектов в кластере.

Пространственно-экономические модели помогают выявить точки роста и определить направления регионального развития [3].

5. Оптимизационные модели позволяют находить наилучшие решения в условиях ограниченных ресурсов. К таким моделям относится линейное программирование, формулируемое следующим образом:

$$\text{Max } Z = c_1 x_1 + c_2 x_2 + \dots + c_n x_n + \dots + c_n x_n \quad (9)$$

при условиях:

$$A_{11}x_1 + A_{12}x_2 + \dots + A_{1n}x_n \leq b_1$$

$$A_{21}x_1 + A_{22}x_2 + \dots + A_{2n}x_n \leq b_2, \text{ где}$$

Z – целевая функция,
 x_i – управляемые переменные,
 c_i – коэффициенты полезности,
 A_{ij} – коэффициенты ограничений,
 b_j – допустимые значения ограничений.

Оптимизационные модели применяются для планирования бюджета региона, распределения инвестиций и оценки эффективности государственных программ.

6. Регрессионные модели используются для выявления взаимосвязей между социально-экономическими показателями региона. Основной формой такой модели является множественная линейная регрессия:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \dots + \beta_n X_n + \varepsilon, \text{ где} \quad (10)$$

Y – зависимая переменная,
 X_i – независимые переменные,
 β_i – коэффициенты регрессии,
 ε – случайная ошибка.

7. Эконометрические модели позволяют анализировать влияние различных факторов на социально-экономическое развитие и прогнозировать будущие тенденции на основе исторических данных.

Наиболее полно учесть множество факторов развития и сформировать обоснованные управленческие решения позволяет сочетание разных подходов к моделированию.

Так, например, к статистическим и эконометрическим методам моделирования, а также частично к пространственно-экономическому относят расчет индекса Херфиндаля–Хиршмана. Он применяется для анализа распределения отраслей, конкуренции на рынках и устойчивости региональной экономики. Формула расчета индекса Херфиндаля–Хиршмана (НИ):

$$НИ = \sum_{i=1}^n Si^2, \text{ где} \quad (11)$$

- Si^2 – доля сектора i в экономике региона (например, доля отрасли в ВРП или занятости),
- n – количество секторов в экономике региона [14].

Как релевантный инструмент для анализа совокупности параметров, характеризующих развитие региона, уже несколько десятилетий зарекомендовал себя индекс Торнквиста. Он применяется в экономическом анализе для оценки динамики и факторов экономического роста, продуктивности и эффективности использования ресурсов. Индекс Торнквиста [20] (или индекс Торнквиста–Тейла) представляет собой агрегированную показательную функцию, используемую в эконометрике и статистике для расчета средневзвешенных темпов роста различных экономических параметров. Он особенно полезен при анализе структурных изменений в экономике региона, позволяя оценить вклад отдельных факторов в общий экономический рост.

Пусть в рамках проводимого исследования в качестве социально-экономических систем (СЭС) рассматриваются m СЭС (стран, регионов, финансово-промышленных

групп или иных СЭС, функционирующих на макро или мезо уровнях системной иерархии в экономике).

Корзина – совокупность n факторов (или – по иной терминологии – детерминант; их обозначим $A_{j,i}$, $j=1,\dots,m$; $i=1,\dots,n$) в j -й СЭС, которые исследователь по каким-либо для него существенным признакам выбрал для расчета из общего числа имеющихся факторов. Список факторов – единый для всех исследуемых m СЭС.

Для конкретизации процесса изложения материала, пусть $A_{j,i}$ – выборочные статьи расходов j -той СЭС. Пусть величина расходов j -той СЭС к моменту времени $t-\Delta t$ для каждого i -того фактора $A_{j,i,t-\Delta t}$ равнялась $p_{j,i,t-\Delta t}$, а величина расходов j -той СЭС к моменту времени t для каждого i -того фактора $A_{j,i,t}$ равнялась $p_{j,i,t}$.

Тогда общая сумма расходов j -той СЭС ($\Sigma A_{j,t-\Delta t}$) по анализируемой корзине к моменту времени $t-\Delta t$ по всем $A_{j,i}$ равна:

$$\Sigma A_{j,t-\Delta t} = \sum_{i=1}^n p_{j,i,t-\Delta t}. \quad (12)$$

А общая сумма расходов j -той СЭС ($\Sigma A_{j,t}$) по анализируемой корзине к моменту времени t по всем $A_{j,i,t}$ равна:

$$\Sigma A_{j,t} = \sum_{i=1}^n p_{j,i,t}. \quad (13)$$

В рассматриваемом примере исследователя, как правило, интересует сопоставимость расходов по каждому фактору $A_{j,i,t}$ с совокупными расходами j -той СЭС, где $T_{j,t-\Delta t}$ – совокупные расходы j -той СЭС к моменту времени $t-\Delta t$, $T_{j,t}$ – совокупные расходы j -той СЭС к моменту времени t . Тогда весовые коэффициенты расходов j -той СЭС в соответствующий момент времени по каждому фактору $A_{j,i,t}$ вычисляются по формулам:

$$w_{j,i,t-\Delta t} = \frac{p_{j,i,t-\Delta t}}{T_{j,t-\Delta t}}; \quad w_{j,i,t} = \frac{p_{j,i,t}}{T_{j,t}}. \quad (14)$$

Здесь весовые коэффициенты отражают удельный вес расходов на фактор $A_{j,i}$ в совокупных расходах j -той СЭС в соответствующий момент времени.

Простой индекс Торнквиста (IT_j) за период времени $(t-\Delta t;t)$ для j -той СЭС можно рассчитать следующим образом [20]:

$$IT_j = \prod_{i=1}^n \left(\frac{p_{j,i,t}}{p_{j,i,t-\Delta t}} \right)^{1/2} \left[\frac{p_{j,i,t-\Delta t} w_{j,i,t-\Delta t} + p_{j,i,t} w_{j,i,t}}{\sum_{i=1}^n (p_{j,i,t-\Delta t} w_{j,i,t-\Delta t}) + \sum_{i=1}^n (p_{j,i,t} w_{j,i,t})} \right]. \quad (15)$$

Простой индекс Торнквиста (IT_j) показывает относительное изменение расходов по анализируемой корзине для j -той СЭС за период времени $(t-\Delta t;t)$ по отношению к значению индекса за предыдущий период, который закончился в момент времени $t-\Delta t$.

Актуальность применения индекса Торнквиста сохраняется и в современных условиях, так как он:

- Позволяет учитывать структурные изменения в экономике региона.
- Используется в современных эконометрических моделях, включая анализ региональной конкурентоспособности.
- Является основой для построения индексов эффективности использования факторов производства.
- Учитывает инновационные и технологические изменения в региональном развитии.

Таким образом, индекс Торнквиста остается одним из наиболее значимых инструментов анализа динамики социально-экономического развития региона, позволяя оценивать совокупность параметров и выявлять ключевые факторы роста.

Выделяют следующие проблемы и ограничения существующих моделей.

1. Одной из ключевых проблем при моделировании социально-экономического развития регионов является нехватка качественных и актуальных данных.

Достоверность моделей зависит от полноты информации о демографических, экономических и социальных процессах. В ряде случаев статистические данные могут быть неполными, устаревшими или несопоставимыми между регионами, что снижает точность прогнозов.

Для оценки достоверности данных применяется коэффициент вариации (V):

$$V = \frac{\sigma}{X} \times 100\%, \text{ где} \quad (16)$$

σ – стандартное отклонение,

X – среднее значение показателя.

Высокие значения V свидетельствуют о нестабильности данных и возможных ошибках в прогнозах [19].

2. Ограничения количественных методов и необходимость экспертных оценок.

Количественные методы моделирования, такие как эконометрический и регрессионный анализ, позволяют выявлять зависимости между переменными, но не всегда могут учитывать сложные социально-экономические процессы. В связи с этим важную роль играет использование экспертных систем и когнитивных моделей, которые позволяют учитывать качественные характеристики развития региона.

Примером является метод анализа иерархий (АНР), который основывается на экспертных оценках и матрице парных сравнений:

$$A = \begin{bmatrix} 1 & a_{12} & a_{13} \\ 1/a_{12} & 1 & a_{23} \\ 1/a_{13} & 1/a_{23} & 1 \end{bmatrix} \quad (17)$$

Этот метод позволяет учитывать субъективные факторы и снижает влияние ограниченности количественных данных [1].

3. Ограниченная адаптивность моделей к изменяющимся условиям

Большинство используемых моделей основано на исторических данных и не всегда может оперативно адаптироваться к быстро меняющимся экономическим условиям. Это особенно актуально для кризисных ситуаций, когда модели, построенные на стабильных трендах, могут давать некорректные прогнозы.

Для учета динамических изменений применяется адаптивная регрессия (Y), в которой коэффициенты модели обновляются в зависимости от новых данных:

$$Y_t = \beta_{0,t} + \beta_{1,t}X_{1,t} + \varepsilon_t Y_{1,t} + \varepsilon_t, \text{ где} \quad (18)$$

$\beta_{0,t}, \beta_{1,t}$ – параметры, изменяющиеся во времени [15].

4. Влияние внешнеэкономических факторов на результаты моделирования.

Социально-экономическое развитие региона зависит не только от внутренних факторов, но и от внешнеэкономической конъюнктуры, включая колебания валютных курсов, санкции, изменения в мировой торговле. Эти факторы трудно предсказать и учесть в традиционных моделях. Для оценки влияния внешнеэкономических факторов используются гравитационные модели, основанные на зависимости торговых потоков от экономического потенциала стран–партнеров (расчет можно произвести по формуле 7) [3].

Перспективные направления развития моделирования региональной экономики.

1) Развитие интегрированных моделей с применением искусственного интеллекта.

Использование искусственного интеллекта (ИИ) в моделировании социально-экономического развития регионов позволяет анализировать большие массивы данных, выявлять скрытые закономерности и формировать более точные прогнозы. Одним из перспективных направлений является применение нейронных сетей, которые способны адаптироваться к изменяющимся условиям и корректировать прогнозы на основе новых данных.

Один из используемых алгоритмов – глубокая нейронная сеть (DNN) – математически представляется следующим образом:

$$Y = f(WX+B), \text{ где} \quad (19)$$

Y – прогнозируемое значение,

W – матрица весов,

X – входные данные (макроэкономические показатели, инвестиционные потоки),

B – вектор смещения,

$f(\cdot)$ – функция активации (например, ReLU или сигмоида).

ИИ–модели уже используются для прогнозирования динамики занятости, ВРП и оценки эффективности государственных программ [1].

2) Использование больших данных (Big Data) в моделировании.

Big Data позволяет моделировать региональное развитие с учетом огромного количества параметров, включая миграционные потоки, потребительские предпочтения, инвестиционную активность и экологические данные.

Анализ больших данных позволяет:

- Выявлять тренды социально-экономического развития в реальном времени;
- Определять факторы, влияющие на инвестиционную привлекательность региона;
- Прогнозировать изменения на основе потоковых данных из различных источников (социальные сети, банковские транзакции, спутниковые снимки).

Одним из методов анализа больших данных является кластеризация методом k –средних (расчет можно произвести по формуле 8) [14].

3) Цифровизация регионального управления и внедрение цифровых двойников территорий.

Цифровизация регионального управления включает использование геоинформационных систем (ГИС), цифровых платформ для сбора и анализа данных, а также внедрение цифровых двойников территорий. Цифровые двойники позволяют моделировать инфраструктурные изменения, оценивать влияние транспортных и жилищных проектов и повышать эффективность управления.

Примером математического описания цифровых двойников является уравнение пространственного распределения населения:

$$P(x, t) = P_0 e^{rt - D \nabla^2 t}, \text{ где} \quad (20)$$

$P(x, t)$ – плотность населения в точке x в момент времени t ,

P_0 – начальная плотность населения,

r – коэффициент роста,

D – коэффициент пространственного распределения [3].

4) Совершенствование инструментов анализа устойчивого развития.

Анализ устойчивого развития региона требует комплексного подхода, включающего оценку экономических, социальных и экологических факторов. Для оценки устойчивости используется интегральный индекс устойчивости (IUR):

$$IUR = w_1 I_{econ} + w_2 I_{soc} + w_3 I_{env}, \text{ где} \quad (21)$$

I_{econ} , I_{soc} , I_{env} – индексы экономической, социальной и экологической устойчивости,

w_1 , w_2 , w_3 – веса показателей, определяемые экспертным методом [15].

Совершенствование инструментов анализа устойчивого развития позволит повысить точность прогнозов и сформировать сбалансированные стратегии территориального развития.

ВЫВОДЫ

Моделирование социально-экономического развития региона является важнейшим инструментом анализа, прогнозирования и стратегического управления, позволяя не только оценивать текущее состояние экономики, но и разрабатывать эффективные сценарии ее дальнейшего развития. В ходе исследования были рассмотрены различные подходы к моделированию, их теоретические основы, преимущества и ограничения, что позволило выявить ключевые тенденции в данной области.

Одним из важнейших выводов является значимость моделирования для управления развитием регионов. Применение экономико-математических, имитационных, когнитивных и пространственно-экономических моделей способствует комплексному анализу состояния региональных систем и их динамики. Использование таких моделей в региональной политике позволяет принимать обоснованные управленческие решения, направленные на повышение инвестиционной привлекательности, обеспечение устойчивого экономического роста и улучшение уровня жизни населения. Системный подход к моделированию регионального развития открывает новые возможности для повышения

эффективности распределения ресурсов, выявления точек роста и смягчения социально-экономических диспропорций.

При этом выявлены определенные проблемы и ограничения существующих моделей. Одной из ключевых проблем является дефицит качественных и актуальных данных, который снижает точность прогнозов и требует разработки новых механизмов интеграции больших данных и машинного обучения в процесс моделирования. Кроме того, многие традиционные модели обладают ограниченной адаптивностью, что затрудняет их применение в условиях резких экономических изменений и кризисных ситуаций. Влияние внешнеэкономических факторов, таких как глобальные экономические кризисы, торговые ограничения и изменение цен на сырьевые ресурсы, также вносит значительные корректировки в результаты моделирования. Это требует создания более сложных и гибких моделей, способных учитывать международные риски и адаптироваться к изменяющимся условиям мировой экономики.

В перспективе развитие моделирования социально-экономического развития региона должно основываться на интеграции передовых технологий и методов анализа. Одним из наиболее перспективных направлений является внедрение искусственного интеллекта и машинного обучения, что позволит существенно повысить точность прогнозов и автоматизировать обработку больших массивов данных. Цифровизация регионального управления и внедрение концепции цифровых двойников территорий открывают новые возможности для детального моделирования экономических процессов и оценки последствий управленческих решений в режиме реального времени. Использование технологий Big Data позволит проводить многопараметрический анализ, выявлять скрытые закономерности в социально-экономическом развитии и формировать обоснованные стратегии долгосрочного планирования. Кроме того, совершенствование инструментов анализа устойчивого развития региона, основанных на многокритериальных методах и геоинформационных системах, позволит учитывать сложные взаимосвязи между экономическими, социальными и экологическими параметрами.

Таким образом, дальнейшее развитие исследований в области моделирования социально-экономического развития региона должно быть направлено на разработку адаптивных и многокомпонентных моделей, сочетающих количественные и качественные методы анализа. Особое внимание следует уделить созданию интерактивных цифровых платформ прогнозирования, обеспечивающих интеграцию разнородных данных, автоматизацию аналитики и повышение оперативности принятия решений в региональной политике. Внедрение таких подходов позволит обеспечить более точное прогнозирование, повысить устойчивость региональной экономики к внешним вызовам и способствовать сбалансированному социально-экономическому развитию территории.

Список литературы

1. Авдученская Е. А. Моделирование влияния социально-экономических факторов развития на показатель экономической безопасности региона // ЕГИ. 2023. № 5 (49). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-vliyaniya-sotsialno-ekonomicheskikh-faktorov-razvitiya-na-pokazatel-ekonomicheskoy-bezopasnosti-regiona>

2. Андриянов С. В. Развитие методологических основ моделирования социально-экономических систем в контексте управления развитием // Транспортное машиностроение. 2016. № 5 (53). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-metodologicheskikh-osnov-modelirovaniya-sotsialno-ekonomicheskikh-sistem-v-kontekste-upravleniya-razvitiem>
3. Бегунов Н. А. Моделирование развития муниципальных образований на основе агентного подхода // Russian Journal of Education and Psychology. 2011. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-razvitiya-munitsipalnyh-obrazovaniy-na-osnove-agentnogo-podhoda>
4. Журавлев Д. М., Чаадаев В. К. Моделирование процессов сложной социально-экономической системы при выборе стратегических приоритетов развития // Стратегирование: теория и практика. 2023. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-protsessov-slozhnoy-sotsialno-ekonomicheskoy-sistemy-pri-vybore-strategicheskikh-prioritetov-razvitiya>
5. Зиганшин И. И., Серебрякова Т. Ю. Сбалансированность развития региона как субъект факторов риска // Oeconomia et Jus. 2023. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sbalansirovannost-razvitiya-regiona-kak-subekt-faktorov-riska>
6. Исмиханов З. Н. Моделирование социально-экономического развития региона на основе когнитивного подхода (на примере республики Дагестан) // Бизнес–информатика. 2015. № 2 (32). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regiona-na-osnove-kognitivnogo-podhoda-na-primere-respubliki-dagestan>
7. Кисилев В. В. Экономико-математическое моделирование процессов устойчивого развития региона // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2009. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomiko-matematicheskoe-modelirovanie-protsessov-ustoychivogo-razvitiya-regiona>
8. Красных С. С. Имитационное моделирование социально-экономических процессов в территориальных системах // Журнал экономической теории. 2020. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imitatsionnoe-modelirovanie-sotsialno-ekonomicheskikh-protsessov-v-territorialnyh-sistemah>
9. Лапин А. В., Ильичев М. В. Моделирование социально-политических и экономических процессов в регионе: агентоориентированный подход // Власть. 2024. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-sotsialno-politicheskikh-i-ekonomicheskikh-protsessov-v-regione-agentoorientirovannyu-podhod>
10. Маркина Е. Д. Основы моделирования социально-экономического развития сельских территорий на основе когнитивного подхода (на примере Ростовской области) // Никоновские чтения. 2018. № 23. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-modelirovaniya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-selskih-territoriy-na-osnove-kognitivnogo-podhoda-na-primere-rostovskoy>
11. Никитина А. В. Развитие методических подходов к исследованию социально-экономической конъюнктуры региона на основе вербально-графического моделирования // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3–1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-metodicheskikh-podhodov-k-issledovaniyu-sotsialno-ekonomicheskoy-konyunktury-regiona-na-osnove-verbalno-graficheskogo>
12. Окрепилов В. В. Моделирование социально-экономических систем с использованием инструментов экономики качества // Экономика и управление. 2017. № 11 (145). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-sotsialno-ekonomicheskikh-sistem-s-ispolzovaniem-instrumentov-ekonomiki-kachestva>
13. Ревенко Д. С., Лыба В. А., Горячева К. И. Детерминированное моделирование устойчивости динамических социально-экономических систем // БИ. 2014. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinirovannoe-modelirovanie-ustoychivosti-dinamicheskikh-sotsialno-ekonomicheskikh-sistem>
14. Румянцев Н. М. Методические подходы к моделированию социально-экономического развития региона: достоинства и недостатки // Научные записки молодых исследователей. 2020. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-podhody-k-modelirovaniyu-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regiona-dostoinstva-i-nedostatki>
15. Седаков И. А. Общие методологические подходы к моделированию и прогнозированию социально-экономического развития региона // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. [Электронный

ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-metodologicheskie-podhody-k-modelirovaniyu-i-prognozirovaniyu-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regiona>

16. Красных С. С. Имитационное моделирование социально-экономических процессов в территориальных системах // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 2. С. 503–508.

17. Урунов А. А., Морозова И. М. Методология оценки качества экономического пространства региона // Регионология. 2024. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-otsenki-kachestva-ekonomicheskogo-prostranstva-regiona>

18. Хайруллин Р. З. Применение метода байесовских сетей для установления причинно-следственных связей // Известия ТулГУ. Технические науки. 2022. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metoda-bayesovskih-setey-dlya-ustanovleniya-prichinno-sledstvennyh-svyazey>

19. Хубиева Ж. К. Анализ методик моделирования социально-экономического развития региона // РППЭ. 2016. № 9 (71). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-metodik-modelirovaniya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regiona>

20. Kussy M. Y., Korolyov O. L. Algorithm for calculating the Törnqvist index for assessing changes in quantitative indicators of socio-economic systems and processes (at the Macro and Meso Levels) // CEUR Workshop Proceedings: Yalta, Crimea, 22–25 сентября 2020 года. Yalta, Crimea, 2021. P. 398–403.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

УДК 339.923:061.1 ЕАЭС:[159.923:005.922.1:33]

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ОТ ТЕОРИИ К РЕАЛИЯМ СТРАН ЕАЭС

Шутаева Е. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: shutaeva2003@mail.ru

В статье содержатся результаты теоретического анализа сущностного содержания дефиниции «экономическая безопасность личности», определены базовые компоненты и показатели её оценки. Автором обозначены новые виды и направления обеспечения экономической безопасности личности в условиях цифровизации, выявлены возможности и угрозы, обусловленные развитием искусственного интеллекта. Проведён анализ ряда индикаторов, характеризующих уровень экономической безопасности личности в странах ЕАЭС: индекса человеческого развития, уровня безработицы, показателей развития системы здравоохранения. Определено, что внутри ЕАЭС существовало и существует значительное отставание между странами в уровне обеспечения экономической безопасности личности.

Ключевые слова: экономическая безопасность личности, угрозы экономической безопасности личности, уровень экономической безопасности личности, человеческий потенциал, цифровизация, ЕАЭС.

ВВЕДЕНИЕ

Растущая нестабильность мировой экономики, технологические изменения, социальное неравенство и усиление влияния внешних факторов на жизнедеятельность каждого человека обуславливают необходимость исследования широкого спектра вопросов, связанных с эффективной реализацией человеческого потенциала в условиях обеспечения экономической безопасности на всех уровнях.

Экономические кризисы, автоматизация, цифровизация, пандемии, санкции, межнациональные конфликты, экологические катастрофы, нестабильность на рынке труда, появление новых форм занятости и прочие угрозы усиливают значимость индивидуальной устойчивости и требуют пересмотра традиционных подходов к обеспечению экономической безопасности.

Проблемное поле экономической безопасности личности находится в сфере интересов теоретиков и практиков, ориентированных на решение «традиционных» и новых проблем обеспечения экономической безопасности личности в условиях усиливающейся социализации экономики и цифровой трансформации общества.

Вопросы обеспечения экономической безопасности личности рассматриваются в контексте общей теории экономической безопасности и относятся в российской научной литературе к категории наиболее дискуссионных.

Значимость, основные параметры и механизмы обеспечения экономической безопасности личности затронуты в работах О. Банк [1], Ю. А. Васильевой [3], Е. В. Дробот, М. Л. Вартановой [4], Л. В. Исик, В. В. Канаки [5], М. А. Котельниковой [7], В. В. Лихолетова, А. Г. Абдуллина [9], М. С. Оборина [12],

Л. Н. Чайковской, О. М. Пасынковой, Ю. Н. Дувановой [18], И. В. Шалимова [19] и многих других.

Влиянию процессов цифровизации на реализацию человеческого потенциала и экономическую безопасность личности посвящены труды ряда российских авторов: М. А. Булгакова [2], О. Ю. Красильников [8], Е. Ю. Меркулова [10; 11], Н. Е. Серебровская, М. П. Щербакова [14], Л. П. Федорова, П. Ю. Ремнев [17], М. С. Шемякина, А. В. Буркова [20].

Появление новых угроз и рисков актуализирует необходимость дальнейшего теоретического осмысления базовых компонентов категории «экономическая безопасность личности», поиска эффективных направлений и механизмов её обеспечения с учётом расширяющихся потребностей современного человека и региональных особенностей.

Цель исследования – конкретизация теоретических основ сущностного содержания дефиниции «экономическая безопасность личности» и выявление уровня экономической безопасности личности в странах ЕАЭС.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Экономическая безопасность личности – многокомпонентная и многомерная экономическая категория, сущностное содержание которой находится на стыке экономики, права, политологии и социологии.

Экономическая безопасность личности и качество жизни тесно взаимосвязаны, поскольку уровень защищённости человека от финансовых рисков напрямую влияет на его благополучие.

В этом контексте мы разделяем точку зрения авторов Т. Н. Кислой, Ю. Л. Степановой, Л. А. Гончаровой, которые представляют экономическую безопасность личности в качестве состояния, при котором «обеспечивается принятый уровень жизни» [6, С. 41].

Как «состояние, при котором в полной мере обеспечены все необходимые условия защиты жизненных интересов человека при реализации системы социальной защищенности и социального развития личности», экономическую безопасность личности рассматривает и Котельникова М. А. [7, С. 15].

Турчаева И. Н., Брылёв А. А., Негода В. А., рассматривая экономическую безопасность личности с позиции обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны, определяют её в качестве состояния защищенности личности от угроз и опасностей [16].

Автор Шалимов И. В. использует более широкий подход, определяя экономическую безопасность отдельного человека как «защиту его материальных и финансовых интересов, обеспечение достойного уровня жизни и возможность участвовать в экономической деятельности» [19, С. 79].

С позиции психологии и социологии экономическая безопасность личности реализуется через «права, свободы всех граждан, защиту личных данных и трудовую безопасность» [14, С. 66].

Лихолетов В. В. и Абдуллин А. Г., делая акцент на междисциплинарности рассматриваемой дефиниции, предлагают использовать термин «социально-экономическая безопасность личности», который «расширяет определение «экономическая безопасность личности», включая в себя информационно-техническую и информационно-психологическую грани этой безопасности» [9, С. 497].

Анализ целого ряда публикаций, содержащих сущностную интерпретацию рассматриваемой дефиниции, наглядно демонстрирует приоритетность подхода, согласно которого экономическая безопасность личности раскрывается через призму «достижения уровня дохода, достаточного для удовлетворения всех потребностей» [5, С. 29].

Базовый компонент предопределяет критерии и систему показателей (индикаторов) экономической безопасности на уровне отдельной личности (табл. 1).

Таблица 1.

Компонентный состав дефиниции и показатели оценки

Автор	Ключевые/базовые компоненты	Показатели оценки
Дробот Е. В., Вартанова М. Л. [4]	Самореализация/реализация человеческого потенциала	Индекс развития человеческого потенциала
Кислая Т. Н., Степанова Ю. Л., Гончарова Л. А. [6]	Обеспечение принятого уровня жизни	Индекс развития человеческого потенциала
Чайковская Л. Н., Пасынкова О. М. Дуванова Ю. Н. [18]	Обеспечение ключевых потребностей человека	Интегральный индекс: – продовольственная обеспеченность; – обеспеченность жильём; – финансовая безопасность; – демографический потенциал; – медицинское обслуживание; – уровень трудовой стабильности; – образование и духовное просвещение
Оборин М. С. [12]	Полноценная реализация прав и свобод личности	– Дифференциация доходов населения; – показатели занятости населения; – социальная защита
Меркулова Е. Ю., Меньщикова В. И. [11]	«Защита жизненных интересов человека и удовлетворение широкого спектра физиологических и духовных потребностей» [11, С. 85]	Обеспеченность продовольствием, жильём, воспроизводство населения, правонарушения, трудовые отношения, доходы и уровень благосостояния, информационная обеспеченность, здравоохранение, образование, культура, досуг, экология.
Васильева Ю. А., Кулаков В. В. [3]	Обеспечение достойного уровня жизни	Совокупность показателей: «уровнем бедности населения в стране, реальных и располагаемых денежных доходов, оплаты труда персонала, дифференциацией денежных доходов, динамикой потребительских расходов и ряда других параметров» [3, С. 382].

Источник: составлено автором по [3; 4; 6; 11; 12; 18]

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ОТ ТЕОРИИ К...

Экономическая безопасность личности – это состояние защищённости человека от различных угроз и рисков, которые могут ухудшить его качество жизни, ограничить доступ к необходимым ресурсам или привести к финансовой нестабильности.

Цифровизация меняет ключевые сферы жизнедеятельности человека – здоровьесбережение, образование, трудовую и финансовую активность. В условиях цифровизации экономики и общества в целом возникает масса новых угроз, в том числе утечка, искажение или уничтожение персональных данных и другой важной информации через онлайн–сервисы и социальные сети, различные виды интернет–мошенничества, взлом аккаунтов, вирусные угрозы, манипуляция, дезинформация и прочее. В связи с чем возникают новые виды и направления обеспечения экономической безопасности личности – информационная безопасность, кибербезопасность (рис. 1).

Рисунок. 1. Направления обеспечения экономической безопасности личности
Составлено автором

Снижение значений показателей, характеризующих уровень экономической безопасности личности, повлечёт за собой ухудшение ситуации на следующих уровнях (на уровне отдельного предприятия, региона и страны в целом). Тесная взаимосвязь и взаимозависимость уровней обеспечения экономической безопасности обуславливает (актуализирует) необходимость системного подхода в решении задач повышения экономической безопасности, исследование проблем экономической безопасности личности как начального (базового) уровня обеспечения экономической безопасности страны. По мнению Меркуловой Е. Ю. и Меньшиковой В. И., именно экономическая безопасность личности определяет «эффективность всех видов экономической безопасности, так как человек является одновременно и объектом, и субъектом всех компонентов экономической безопасности» [11, С. 85].

Экономическая безопасность личности достигается через осознанное управление личными финансами, защиту от рисков и постоянное развитие. Чем больше у человека знаний и инструментов для обеспечения стабильности, тем выше его защищённость от финансовых угроз. Новые возможности и проблемы для экономической безопасности личности создаёт искусственный интеллект (рис. 2).

Рисунок. 2. Влияние искусственного интеллекта на экономическую безопасность личности

Составлено автором

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ОТ ТЕОРИИ К...

Искусственный интеллект – мощный инструмент, который при правильном использовании может значительно повысить уровень экономической безопасности личности, но при отсутствии жёсткого контроля несёт потенциальные риски. Чтобы минимизировать риски, необходимо:

- ответственно подходить к вопросу защиты персональных данных;
- развивать цифровую грамотность;
- быть готовым к постоянному и непрерывному обучению и адаптации к новым технологиям;
- контролировать этическое использование искусственного интеллекта в экономике.

Уровень экономической безопасности в странах ЕАЭС существенно различается и зависит от множества факторов, включая уровень доходов, занятость, доступ к социальным услугам и общее экономическое развитие стран. Обеспечение экономической безопасности личности является необходимым условием эффективной реализации человеческого потенциала.

Основные жизненно важные интересы человека, в том числе с позиции наличия возможности для развития человеческого потенциала, отражены в интегрированном показателе – индекс человеческого развития (ИЧР, ранее ИРЧП).

Так, первое пятилетие «трансформационных преобразований национальных экономических систем, характеризующееся стагнацией основных макроэкономических показателей» [21, С. 398], демонстрирует резкое падение ИЧР, что свидетельствует о снижении уровня экономической безопасности личности в данных странах (таблица 2).

Таблица 2

ИЧР стран–участниц Евразийского экономического союза, 1990–2022 гг.

Страна	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022
Армения	0,658	0,604	0,649	0,694	0,729	0,748	0,769	0,759	0,786
Беларусь	-	0,656	0,682	0,724	0,792	0,811	0,800	0,808	0,801
Казахстан	0,672	0,664	0,685	0,747	0,764	0,806	0,806	0,811	0,802
Киргизия	0,637	0,563	0,594	0,616	0,636	0,666	0,691	0,692	0,701
Россия	0,741	0,701	0,721	0,752	0,780	0,813	0,826	0,822	0,821
Мир	0,601	0,617	0,645	0,669	0,698	0,724	0,736	0,731	0,739
Европа и Центральная Азия	0,663	0,651	0,680	0,714	0,746	0,782	0,792	0,797	0,802

Источник: [22]

На протяжении последующих лет отмечается тренд постепенного увеличения значения ИЧР. В рамках всего анализируемого периода Беларусь, Казахстан, Россия характеризуются значениями ИЧР выше среднемирового и среднего по региону Европа и Центральная Азия. Армения и Киргизия, несмотря на значительные темпы роста, до сих пор относятся к группе стран со средним уровнем ИЧР.

Кризисным для стран–лидеров ЕАЭС оказалось начало текущего десятилетия. К 2022 году в рейтинге стран мира по показателю ИЧР по сравнению с 2020 годом Россия сместилась с 49 позиции на 56, Беларусь с 60 на 69, Казахстан с 59 на 67, в то

время как Армения и Киргизия поднялись в рейтинге на 10 и 4 пункта соответственно.

Анализ статистических данных показывает, что внутри ЕАЭС существовало и существует значительное отставание между странами в уровне обеспечения экономической безопасности личности.

Одним из индикаторов уровня экономической безопасности личности выступает показатель уровня безработицы. Согласно данным статистики, разрыв в уровне безработицы среди стран ЕАЭС значителен (рис. 3).

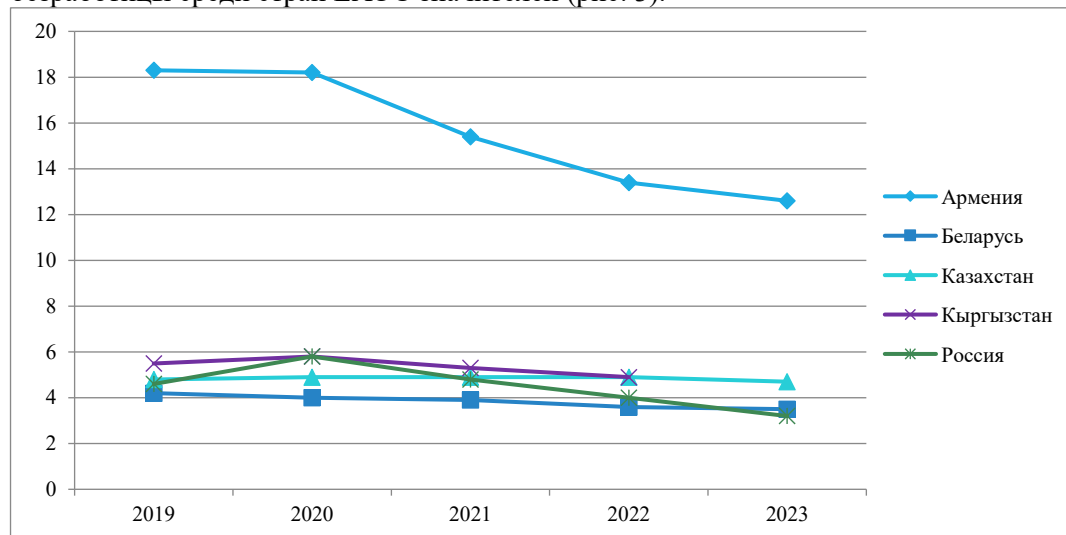

Рисунок 3. Уровень безработицы в странах ЕАЭС, в %

Источник: [15]

Несмотря на положительную динамику снижения уровня безработицы, сохраняется угроза ее распространения. Так, рынок труда Армении характеризуется высоким уровнем конкуренции и высокими рисками потери работы, что, в свою очередь, формирует финансовую неуверенность личности и предопределяет большую уязвимость по отношению к рискам (долговым обязательствам, утрате жилья, бедности, ухудшению здоровья и прочее), активизируя процессы трудовой миграции. Устойчивый рынок труда Беларуси с возможностями для развития, справедливой оплаты труда и относительно стабильной системой социальной защиты – ключевой фактор не только индивидуальной и социальной стабильности, но и повышения уровня экономической безопасности личности в стране в целом.

Развитая система здравоохранения снижает риски утраты трудоспособности и дохода, обеспечивает увеличение продолжительности трудовой жизни, повышает устойчивость человека перед жизненными вызовами. Чем выше доступность и качество медицины, тем выше уровень индивидуальной и общественной безопасности.

Данные Росстата свидетельствуют о наличии угроз в сфере здоровьесбережения во всех странах ЕАЭС (таблица 3).

Таблица 2.

Некоторые показатели, характеризующие экономическую безопасность личности в сфере здравоохранения

Страна	Численность населения на 1-го врача, чел				Численность населения на 1 больничную койку, чел			
	2010	2021	2022	2023	2010	2021	2022	2023
Армения	223	204	198	214	250	233	246	240
Беларусь	186	216	192	188	87	117	119	122
Казахстан	257	249	249	246	138	156	191	190
Киргизия	410	482	522	529	197	245	261	271
Россия	200	198	197	193	107	126	128	129

Источник: [13]

Так, в условиях роста общей численности населения в Казахстане и Киргизии снижается уровень обеспеченности услугами здравоохранения отдельных граждан. В Беларуси и России на фоне сокращения общей численности населения увеличивается количество «претендентов» на 1 больничную койку, что в конечном итоге усилит угрозы роста заболеваемости и дальнейшего снижения численности населения.

ВЫВОДЫ

Исследование проблем экономической безопасности личности в условиях современных вызовов и угроз – практическая необходимость для выработки стратегий «выживания» и развития как отдельного индивидуума, так и национальных экономик в целом.

Анализ основных социально-экономических показателей развития стран показывает, что позитивные явления в экономике, благоприятствующие повышению качества жизни и экономической безопасности личности, сопровождаются дестабилизирующими экономическими процессами, негативно влияющими на социальную сферу. В итоге экономическая безопасность личности в странах ЕАЭС в целом ниже, чем в развитых странах, и варьирует в зависимости от страны. Так, более высоким уровнем экономической безопасности личности (с учётом показателей ИЧР, уровня безработицы и развития системы здравоохранения) характеризуются Россия и Беларусь, однако во всех странах остаются риски, которые актуализируются в условиях внешнеэкономического давления, инфляции и технологических вызовов. Дальнейшее повышение уровня экономической безопасности требует комплексного подхода, учитывающего экономические, социальные и географические особенности каждого участника ЕАЭС.

Список литературы

1. Банк О. Экономическая безопасность личности в системе экономической безопасности государства // Российский журнал менеджмента. 2020. Том 8. № 2. С. 106–110.
2. Булгакова М. А. Развитие «науки самосовершенствования» в интернете сквозь призму экономической безопасности личности // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20. № 2. С. 216–221. DOI: 10.33693/25418025-2024-20-2-216-221. EDN: PEHBLZ

3. Васильева Ю. А., Кулаков В. В. Влияние индикаторов экономического развития на обеспечение экономической безопасности личности. // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32. № 2. С. 376–387.
4. Дробот Е. В., Вартанова М. Л. Экономическая безопасность: концептуальные основы и оценка обеспечения безопасности личности в странах Евразийского экономического союза // Экономические отношения. 2019. Том 9. № 4. С. 2621–2648. DOI: 10.18334/eo.9.4.41279
5. Исих Л. В., Канаки В. В. Проблемы экономической безопасности личности в современных реалиях // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 7 (134). С. 27–30.
6. Кислая Т. Н., Степанова Ю. Л., Гончарова Л. А. Взаимосвязь экономической безопасности личности, предприятия и государства // Экономика строительства и городского хозяйства. 2018. Том 14. № 1. С. 39–45
7. Котельникова М. А. Трансформация модели экономической безопасности личности в современных условиях: диссертация кандидата экономических наук: 08.00.01. Тамбов, 2015. 156 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/econom-teoria/transformacija-modeli-jekonomicheskoy-bezopasnosti-lichnosti-v-sovremennyh-uslovijah.html>
8. Красильников О. Ю. Обеспечение безопасности экономического интернет-следа личности // Социальные новации и социальные науки: [электронный журнал]. 2022. № 1. С. 161–170. [Электронный ресурс]. URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>
9. Лихолетов В. В., Абдуллин А. Г. Проблема безопасности личности: анализ базовых понятий и подходов к моделированию // Интеграция образования. 2022. Т. 26. № 3. С. 483–502.
10. Меркулова Е. Ю. Основные параметры экономической безопасности в социальной сфере. // Социальная модернизация: российская специфика и некоторые уроки: коллективная монография; под ред. В. Д. Мамонтова, А. В. Саяпина. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020. С. 67–88.
11. Меркулова Е. Ю., Меньщикова В. И. Параметры экономической безопасности личности // Вопросы современной науки и практики. 2020. № 1 (75). С. 84–96.
12. Оборин М. С. Экономическая безопасность личности в системе управления экономикой // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2022. № 2. С. 214–227.
13. Российский статистический ежегодник. 2024: Стат.сб./Росстат. 2024. 630 с.
14. Серебровская Н. Е., Щербакова М. П. Социально-психологические аспекты экономической безопасности личности // На страже экономики. 2023. № 3 (26). С. 63–67.
15. Статистика Евразийского экономического союза: Статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. М., 2024. 65 с.
16. Турчаева И. Н., Брылёв А. А., Негода В. А. Экономическая безопасность личности: понятие, формы, меры и способы обеспечения // Калужский экономический вестник. 2020. № 4. С. 28–34.
17. Федорова Л. П., Ремнев П. Ю. Об оценке влияния цифровых благ на качество жизни населения и экономическую безопасность личности // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2023. № 1. С. 72–77. DOI: 10.37984/20769288202317277
18. Чайковская Л. Н., Пасынкова О. М., Дуванова Ю. Н. Оценка экономической безопасности личности в Воронежской области // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2021. № 83 (4). С. 330–338.
19. Шалимов И. В. Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы, особенности, механизмы обеспечения // Вестник Прикамского социального института. 2024. № 2 (98). С. 78–83. EDN: OGNSUT.
20. Шемякина М. С., Бурков А. В. Смарт-контракты как инструмент обеспечения экономической безопасности личности – субъекта ипотечного кластера в условиях цифровой трансформации // ЦИТИСЭ. 2022. № 3. С.270–279. DOI: <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.3.24>
21. Шутаева Е. А., Побирченко В. В. Качество жизни населения на постсоветском пространстве: методологические подходы и оценка основных показателей // Вестник Академии знаний. 2020. № 37 (2). С. 394–403. DOI: 10.24411/2309-4788-2020-10199.
22. United Nations Development Program. Human Development Reports. [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/en/data>

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

УДК 339.065.2

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ИМИДЖЕВОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Ячменева В. М., Теретышник К. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: vlevmen@yandex.ru

В статье рассмотрены ключевые стратегии внешней имиджевой политики (глобальная, глокальная и стратегия «корпоративной дипломатии»). Проанализированы ее инновационные практики (цифровая репутация, ESG-имидж и кризисный PR) и культурные особенности (традиционные ценности, социальная ответственность, культ инноваций и лидерства). Обосновано использование инструментов глобального позиционирования (местных послов бренда, трансмедийных компаний и корпоративное гражданство) при формировании внешней имиджевой политики предприятий.

Ключевые слова: имиджевая политика, стратегия внешней имиджевой политики, инновационные практики, культурные особенности, инструменты глобального позиционирования.

ВВЕДЕНИЕ

Международный опыт формирования внешней имиджевой политики показывает, что создание положительного имиджа предприятия важно для процветания его бизнеса. Например, компании PepsiCo («ПепсиКо Холдингс», ВБД – США), Auchan Retail (Ело, «Ашан», «Атак» – Франция), «Метро Кэш энд Керри» (Германия), «Нестле Россия» (Швейцария), «Добрый кола» (ООО «Мултон партнерс») и т. д., которые продолжают свою работу в России, на заре своего существования считались убыточными, но благодаря постоянной работе над позитивным имиджем завоевали рынки по всему миру [13, 14]. Для этого ими использовались рекламные кампании и амбассадоры (известные личности с высокой медийностью – актеры, певцы, политики), постоянно проводился анализ желаний и потребностей потенциальных клиентов. Компания Procter&Gamble на протяжении своего существования все время сталкивалась с конфликтами со стороны защитников окружающей среды, но благодаря переходу на экологически чистые технологии и поиску аналога вредным ингредиентам удалось снизить количество претензий. PR-службам компании приходилось давать интервью в газетах и на телевидении, чтобы убедить потребителей в безопасности своей продукции [14].

Для России международный опыт играет важную роль при формировании имиджевой политики государства в рамках БРИКС, ШОС и ЕАЭС. Например, «ЛУКОЙЛ» уделяет большое внимание реализации международных проектов в области разведки и добычи нефти и газа в регионах Ближнего Востока и Средней Азии, в Западной Африке и Центральной Америке; «Росатом» – один из глобальных технологических лидеров – ведет свой бизнес странах Ближнего Востока, Азии, Африки и Южной Америки и т. д. Таким образом, крупные компании России учитывают в рамках международных объединений культурные и религиозные особенности партнеров по бизнесу при формировании своей внешней имиджевой политики.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

При формировании внешней имиджевой политики необходимо придерживаться ряда принципов, которые хорошо зарекомендовали себя в мировой практике:

- оригинальность. Имидж предприятия формируется таким образом, чтобы выгодно отличаться от конкурентов на рынке;

- реалистичность. Имидж основывается на реально имеющихся конкурентных преимуществах, а не выдуманных преимуществах бизнеса (технологиях, свойства продукции и т. д.);

- простота и понятность. Имидж должен быть легко запоминаем, его не следует нагромождать лишней информацией;

- направленность. Процесс формирования имиджа должен ориентироваться на привлечение целевой аудитории;

- гибкость. Имидж компании должен меняться в соответствии с трендами и вызовами внешней среды и под воздействием его восприятия потребителями.

Исследованию проблем формирования внешней имиджевой политики предприятия посвящены труды Ободковой Е. А. [1], Быстровой Н. В., Хижной А. В., Мазуновой А. А. и Парадеевой И. Н. [2], Суворовой И. С. [3], Рустамовой Л. Р. и Фролова М. Е. [4], Гуриной М. А., Моисеева А. Д. и Шуруповой А. С. [5], Лебедевой О. Е. [6], Семеновской Л. М. [7], Кошкар-оол А. А. [8], Белой Е. К., Кашиной М. А. [9], Морозова Е. В. [10], Ивановой В. И. и Пресновой И. С. [11], Апанович М. Ю. и Тетерюк А. С. [12], Качуры И. С. [15], Шаталовой К. Е. [16], Матосян А. Э. [17], Франка С. [18], Грекова Г. И., Кузьмина А. В. [19] и т. д. В своих исследованиях они анализировали стратегии формирования имиджевой политики [1, 2, 3, 5, 11, 12], инновационные практики [13, 14, 15], культурные особенности [4, 6, 8, 9, 10, 16, 17, 18] и инструменты глобального позиционирования предприятия [2, 5, 7, 8, 19].

Ключевые стратегии, которые наиболее часто используются крупными предприятиями для формирования положительного имиджа и продвижения собственного бренда, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Ключевые стратегии внешней имиджевой политики

Стратегия	Содержание
Глобальная стандартизация	Унификация бренда во всех странах; Единые стандарты коммуникаций; Локализация только второстепенных элементов
Глокальная стратегия	Сочетание глобальных ценностей с локальной адаптацией: Культурные особенности; Религиозные нормы; Экономические реалии
Стратегия «Корпоративный дипломат»	Акцент на политику «мягкой силы»: Поддержка образования; Участие в инфраструктурных проектах; Лоббирование через бизнес-ассоциации

Источник: составлено авторами по материалам [1, 2, 3, 5, 11, 12].

Глобальная стандартизация давно стала нормой транснациональных компаний, так как стиль, коммуникации, бренд и качество стали неотъемлемой частью их деятельности на любом континенте, в любой части света. Их приоритетным направлением стала локализация только второстепенных элементов (например, меню в Индии без говядины, в мусульманских странах без свинины и т. д.).

Глокализация имеет свои особенности – это определение местности (населенного пункта, региона, государства) как мировой территории, где локальное преподносится как норма для глобального мира с учетом цветовой гаммы, символов, традиций. «Стремление регионов внести свою «инаковость и брендовость» на мировой уровень (интеграция локального рынка в мировой: осетинские пироги, хинкали, манты и т. д.). Здесь же мы наблюдаем и обратный эффект, когда мировой бренд быстрого питания подстраивается под локальный рынок, исключая какие-то ингредиенты из меню (по религиозным нормам проходят халаль–сертификацию в мусульманских странах, в развивающихся странах предусматривается соответствующая ценовая политика и т. д.)» [6, 10].

«Корпоративная дипломатия» считается «мягкой силой», ее функция заключается в ведении переговоров по международным договорам и соглашениям, участие в государственной политике, влияние на многосторонние международные организации в вопросе разработки стандартов [8, 11, 12]. В качестве «мягкой силы» выступает поддержка образования (учреждение грантов, стипендий, создание профильных экологических лабораторий) и вовлеченность в инфраструктурные проекты территории. Лоббирование интересов через бизнес–ассоциации – это особая категория корпоративной дипломатии, и в России она работает по-другому, не так как ее воспринимают во всем мире. Ряд ассоциаций представляют интересы бизнеса на федеральном уровне – это Российский союз промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленная палата, «Деловая Россия», «Опора России» и на отраслевом уровне – Ассоциация российских банков, Российская ассоциация автомобильных дилеров, Национальная ассоциация деловой авиации России и др. Отличительной чертой бизнес–объединений России является то, что властным структурам ими представляются не частные интересы одного субъекта рынка, а консолидированное мнение бизнес–сообщества в целом.

К инновационным инструментам внешней имиджевой политики предприятий можно отнести цифровую репутацию, ESG–имидж, кризисный PR (табл. 2).

Цифровую репутацию предприятия можно представить как совокупность отзывов и упоминаний о предприятии и его продукции или услугах, которые размещаются в Интернет–пространстве. Цифровое пространство учитывает как положительные, так и отрицательные высказывания, касающиеся бренда, качества его продукции или услуг, а также взаимоотношения с клиентами, и формирует общее представление о предприятии или его образ. К основным факторам, влияющим на репутацию бизнеса в интернете, можно отнести отзывы и рейтинги клиентов; сам факт присутствия в социальных сетях; контент–маркетинг; уровень сервиса; безопасность данных и т. д. [3, 5, 7]. Существует масса идей по проведению виртуальных мероприятий, на которых с помощью виртуальных геймификации,

выставочного зала, сбора благотворительных средств представляется возможным максимизировать узнаваемость бренда.

Таблица 2

Инновационные практики внешней имиджевой политики предприятий

Инновационные инструменты	Содержание
Цифровая репутация (Microsoft, Cosmopolitan)	Управление через соцсети; AI-анализ настроений в цифровом пространстве; Виртуальные ивенты (метавселенные, VR-презентации)
ESG-имидж («Лукойл», «Teboil»)	Прозрачная отчетность по устойчивому развитию; «Зеленые» инициативы как часть бренда, например, «Зеленый офис» АЗС
Кризисный PR (Nestlé, «Maxiduo»)	Готовые протоколы реагирования; глобальные кризисные команды; например, Nestlé быстро локализовала скандал с детским питанием в Африке

Источник: составлено авторами по материалам [5, 6, 13, 14, 15]

Конечно, можно еще говорить о метавселенной, которая представляет собой конвергенцию физической, дополненной и виртуальной реальности в общем цифровом пространстве, но для этого, во-первых, должно быть онлайн-пространство, и, во-вторых, общество должно быть готово к восприятию таких технологий и свободно погружаться в них.

Для формирования положительного ESG-имиджа предприятия часто прибегают к использованию таких распространенных методов, как:

- публикации пресс-релизов, экспертных комментариев и выступления представителей бизнеса в СМИ, участие во всевозможных благотворительных акциях;

- размещение в открытой печати ESG-отчётности;

- подачи заявки для участия в ESG-рейтингах;

- раскрытие информации об особенностях производства товара на упаковке и на сайте предприятия.

«При работе над ESG-имиджем важна честность и корректное представление достижений. Предприятия не должны прибегать к спекуляции по любым вопросам и преувеличивать свою значимость» [15].

Представленные компании в табл. 2 за последний год вернулись в Россию под тем же брендом или сменили его, передав право представлять их интересы другим странам или компаниям. Так, «российское подразделение финского хлебопекарного холдинга Fazer Group теперь будет называться «Хлебный дом»; Valio возвращается под новым брендом — «Виола»; гостиничный комплекс Holiday Inn Express Moscow будет работать под новым уникальным названием – Satelinn Moscow Khovrino и т. д.» [5, 13, 14]. Большинство из перечисленных предприятий, используя кризисные PR, представили проактивные мероприятия, которые способствовали минимизации негатива относительно их бренда в российском обществе.

Важно при формировании внешней имиджевой политики предприятия учитывать национальные и региональные особенности Азии, Европы, Ближнего Востока, Северной Америки и т. д. (табл. 3). Особенности ведения имиджевой политики в Азии заключаются в использовании концепции «мягкой силы», которая основывается на привлекательности, а не на принуждении: применении культурных инструментов, таких как «стратегия «Cool Japan», которая включает аниме, мангу, видеоигры, Олимпийские игры и туризм»; учёте фактора субъектности стран региона (например, при многовекторной политике блокируется установление абсолютного лидерства одного из участников рынка и создаются условия для взаимного усиления имиджей внешних игроков); долгосрочном стратегическом планировании и базироваться на междисциплинарном запасе знаний [16, 17].

Таблица 3

Культурные особенности формирования внешней имиджевой политики
предприятий по мировым регионам

Регионы мира	Содержание
Азия (Япония, Южная Корея)	Акцент на традиционные ценности; Важность корпоративного патернализма
Европа	Приоритет экологии и социальной ответственности; Жесткое регулирование рекламы
Ближний Восток	Учет религиозных норм; Персонализированные отношения с властями (Starbucks в Саудовской Аравии – отдельные залы для женщин)
Южная Америка	Культ инноваций и лидерства; Важность сторителлинга (Apple как символ креативности и премиальности)

Источник: составлено авторами по материалам [4, 6, 8, 9, 10, 16, 17, 18]

Для российского бизнеса Европа является закрытой территорией, но тем не менее, основываясь на опыте прошлых лет, выделим ряд особенностей, к которым относятся:

- высокий уровень сегментации имиджевой стратегии в зависимости от аудитории;
- применение коммуникационной политики, публичной дипломатии, формирование национального брендинга;
- широко распространено применение таких инструментов, как модификация имиджа, создание нового имиджа, нейтрализация негативных аспектов и т. д.;
- вовлечение граждан в политические процессы и использование общественных форумов для укрепления доверия к бизнесу [4, 5, 8].

К особенностям ведения имиджевой политики на Ближнем Востоке относятся следующие: во-первых, влияние религии и законов шариата очень высоко (например, в арабских странах есть муниципалитеты, которые проверяют всю рекламу, за ее нарушение накладываются большие штрафы); во-вторых, обязательным является использование брендинга страны для повышения осведомлённости о своей стране, продвижения туризма, расширения торговли и привлечения прямых иностранных

инвестиций и талантов; в–третьих, находится в приоритете учёт культурных и традиционных особенностей [7, 10, 11].

В Южной Америке акцентируется внимание на бережном использовании культурно-природного потенциала; на уникальных чартах (племенах) народа; учете мифов, стереотипов, слухов, религии и религиозных течений; проведении маркетинговых кампаний, которые отвечают стратегическим целям тех государств, на территории которых осуществляет деятельность бизнес [18].

Успех глобального позиционирования при формировании внешней имиджевой политики предприятий не возможен без ряда общепризнанных инновационных инструментов, а именно: сайты в Интернете; мобильные приложения; чат–боты, рекламные площадки (цифровые экраны, ролики), прямая имиджевая реклама и разработка фирменного стиля с привлечением местных послов бренда, использование интернет–коммуникаций, социальных сетей с привлечением трансмедийных кампаний; проведение спонсорских мероприятий для решения социальных проблем территории с учетом особенностей местных традиций и религиозных предпочтений (табл. 4).

Таблица 4

Инструменты глобального позиционирования при формировании внешней имиджевой политики предприятий

Инструменты	Содержание
Местные послы бренда	Назначение локальных знаменитостей (BTS для Hyundai) Коллаборации с национальными брендами
Трансмедийные кампании	Адаптация контента под платформы: TikTok для Gen Z; LinkedIn для B2B
Корпоративное гражданство	Решение социальных проблем территории: Google – цифровая грамотность в Африке; Novartis – доступ к лекарствам

Источник: составлено авторами по материалам [2, 5, 7, 8, 19].

Местные послы бренда часто используются в рекламных акциях для формирования лояльности к нему (российские актеры, певцы, музыканты часто рекламируют продукцию зарубежных производителей или наоборот, российскую продукцию рекламируют зарубежные звезды); коллаборация российских брендов одежды с зарубежными модельерами дает положительный эффект и продвигает продукцию на мировом рынке.

Трансмедийные кампании привлекаются как часть проекта по продвижению конкретного товара, бренда, стиля или идеи, их целью выступает максимальное вовлечение целевой аудитории для создания условий по гармоничному восприятию бренда. Задачи трансмедийных кампаний заключаются в определении целей и целевой аудитории; интеграции различных платформ (выбираются медиа–платформы, которые соответствуют целевой аудитории); согласовании контента; выборе пересекающихся историй в разных приложениях; постоянном обновлении (отслеживать изменения на медиа–платформах и изменениях в потребностях аудитории, чтобы стратегии оставались актуальными).

Корпоративное гражданство – это стратегия бизнеса по взаимодействию с обществом в целях обеспечения эффективного и устойчивого развития и повышения собственной репутации как ответственного «гражданина», полноправного участника такого развития [2, 5, 19]. В рамках этого подхода бизнес рассматривается как ключевой участник не только рыночных, но и иных общественных отношений. Модель корпоративного гражданства ориентирует на ответственную оценку влияния предпринимательской деятельности на общественное развитие и на окружающую среду, причём как в пределах национальных сообществ, так и на глобальном уровне [5, 7, 8, 19].

Существует золотое правило, которое гласит, что при формировании внешней имиджевой политики нужно «думать глобально, действовать локально – но все проверять» («Think global, act local – but verify everything»).

ВЫВОДЫ

Таким образом, формирование внешней имиджевой политики предприятия требует комплексного подхода, в том числе учёта ряда факторов, влияющих на восприятие бизнеса как в обществе внутри государства, так и за его пределами:

во–первых, необходимо соблюдать баланс стандартизации и адаптации к новым условиям;

во–вторых, важно глубокое понимание культурного контекста (объективный подход влияет на интерпретацию событий, транслируемых через СМИ);

в–третьих, соблюдение правил обеспечивает привлечение инвестиций в развитие и внедрение цифровых инструментов для успешного ведения бизнеса;

в–четвертых, важно использовать гибкость в кризисных ситуациях и уделять внимание политической риторике.

Список литературы

1. Ободкова Е. А. Имиджевая политика организаций: карьерная глобализация // Russian Journal of Education and Psychology. 2014. № 12 (44). С. 68–74. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzhevaya-politika-organizatsiy-kariernaya-globalizatsiya>.
2. Быстрова Н. В., Хижная А. В., Мазунова А. А., Парадеева И. Н. Имидж организации как фактор повышения ее конкурентоспособности // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 8 (часть 2) С. 321–324. [Электронный ресурс]. URL: <https://applied-research.ru/en/article/view?id=11810>.
3. Суворова И. С. Информационно-имиджевая политика государства в мировом политическом пространстве: ключевые понятия и основные тенденции // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5, № 6А. С. 96–106.
4. Рустамова Л. Р., Фролов М. Е. Формирование международного имиджа: опыт Германии и России // Политика и общество. 2018. № 5 (162). С. 25–31. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.5.26195.
5. Гурина М. А., Моисеев А. Д., Шурупов А. С. Влияние коммуникационной политики общественной организации на формирование имиджа // Креативная экономика. 2018. Том 12. № 3. С. 353–366. DOI: 10.18334/ce.12.3.38873/
6. Лебедева О. Е. Зарубежный опыт реализации имиджевой политики в туризме // Цели и пути устойчивого экономического развития: Сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции, Уфа, 07 мая 2021 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр "Вестник науки"», 2021. С. 73–76. EDN SGLFGN.

7. Семенова Л. М. Инструменты имиджевой коммуникации в промышленной сфере России // НИР. Современная коммуникативистика. 2024. № 5 (79). С. 56–63.
8. Кошкар-оол А. А. «Мягкая сила» в международной политической коммуникации: подходы к интерпретации концепции // Международные коммуникации. 2019. № 1 (10). [Электронный ресурс]. URL: <https://intcom-mgimo.ru/2019/2019-10/soft-power-in-int-political-communication>.
9. Белая Е. К., Кашина М. А. Мягкая сила как инструмент международной политики: сравнительный анализ южнокорейской и американской моделей // Международные коммуникации. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=4281418>.
10. Морозова Е. В. Имиджевая политика государств Большого Каспия: факторы и барьеры формирования имиджа макрорегиона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 169–180. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-169-180>.
11. Иванова В. И., Преснова И. С. Влияние бизнес-дипломатии на процессы внешнеэкономической деятельности транснациональных корпораций // Вестник университета. 2024. № 2. С. 5–15. DOI 10.26425/1816-4277-2024-2-5-15.
12. Апанович М. Ю., Тетерюк А. С. «Бизнес-дипломатия» как инструмент реализации внешнеэкономических интересов отечественных компаний на современном этапе: проблемы и перспективы // PolitBook. 2019. № 2. С. 176–194. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-diplomatiya-kak-instrument-realizatsii-vneshneekonomicheskikh-interesov-otchestvennykh-kompaniy-na-sovremennom-etape-problemy-i>.
13. В Кепт назвали недружественные страны, чей бизнес чаще остается в России Сколько западных компаний продолжают работать в стране. РБК (25.03.2025). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/03/2025/67dd5e2f9a79475505eb758f>
14. Какие бренды вернулись в Россию в 2024 – обновляемый список компаний. РБК (25.03.2025). [Электронный ресурс]. URL: <https://otlichnye-tsenty.ru/blog/tpost/64xki3vei1-kakie-brendi-vernulis-v-rossiyu-v-2024-o>
15. Качура И. С. Реализация ESG-стратегии и ее влияние на имидж компании // 2021. № 41 (43). [Электронный ресурс]. URL: <https://scilead.ru/article/1162-realizatsiya-ESG-strategii-i-ee-vliyanie-na-i>.
16. Шаталова К. Е. Японский опыт в проведении политики «мягкой силы» в странах Юго-Восточной Азии как способ улучшения имиджа государства // Исследования молодых ученых: материалы XXXVIII Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2022 г.). Казань: Молодой ученый. 2022. С. 27–34. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/442/17161/>.
17. Матосян А. Э. Мягкая сила и Cool Japan: формирование национального имиджа Японии // Международные отношения. 2025. №1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-i-cool-japan-formirovanie-natsionalnogo-imidzha-yaaponii>.
18. Франк С. Деловые встречи и переговоры в Южной Америке. Глава из книги «Предпринимательство без границ: деловое общение, переговоры, презентации» / Корпоративный менеджмент. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cfin.ru/management/people/culture/south_america.shtml.
19. Грекова Г. И., Кузьмин А. В. Корпоративное гражданство: концептуализация понятия и этапы формирования // Beneficium. 2012. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnoe-grazhdanstvo-kontseptualizatsiya-ponyatiya-i-etapy-formirovaniya>.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025

SUMMARIES

DEPARTMENT OF WORLD ECONOMY OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS AND MANAGEMENT OF THE V. I. VERNADSKY CRIMEAN FEDERAL UNIVERSITY: A QUARTER OF A CENTURY IN SCIENCE AND EDUCATION

Pobirchenko V. V., Barsegyan A. G.

The article is dedicated to the 25th anniversary of the Department of World Economy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. The article examines key areas of educational, scientific, pedagogical and publishing activities, and sums up the results of the department's work over 25 years.

Keywords: Department of World Economy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

APPROACHES TO ASSESSING THE COMPETITIVENESS OF THE COUNTRY

Butsenko I. N.

Numerous fundamental studies are devoted to qualitative and quantitative measurements of the country's competitiveness and its comparison with other countries. The article presents the results of the study, generalization and systematization of scientific and methodological developments and applied aspects, indirectly or directly aimed at assessing the country's competitiveness. The significance and purpose of using individual indicators and methodological approaches that are most often used in world and domestic practice are emphasized. Based on the synthesis of the main approaches to assessing the competitiveness of a country, their advantages and disadvantages are highlighted.

Keywords: country competitiveness, labor productivity, revealed comparative advantage index, economic complexity index, global competitiveness index, ranking of countries by global competitiveness level, index of the level of globalization of countries, global digital competitiveness ranking, country competitiveness in the field of technology and innovation.

CONCEPTUAL BASIS FOR PROGRAMMING REGIONAL GROWTH POINTS

Vanyushkin A. S.

Within the framework of the article, conceptual foundations for the application of a program-targeted approach, the so-called programming, to the formation of "growth points" of the regional economy are developed: the main substantive elements are proposed, a generalized algorithm is developed

Keywords: growth points, region, programming, content elements, priorities, algorithm.

THE STATE AND PROBLEMS OF TRADE COOPERATION BETWEEN THE BRICS COUNTRIES IN THE CONTEXT OF THE ASYMMETRY OF ECONOMIC POTENTIAL

Voronina T. V., Yatsenko A. B., Gnatkovsky A. A.

Based on the analysis of empirical data, the strengthening of the BRICS countries' positions in the global economy interest in BRICS among developing countries that have achieved certain success in economic development and want to take a place in the global economy adequate to their potential. The study revealed that the BRICS+ countries have a significant and diverse economic potential in terms of production factors, development of certain sectors of the economy, production capacities and pronounced economic differentiation of national economies. An analysis of trade statistics allowed us to conclude that the BRICS+ countries are increasingly focused on the alliance market in their trade. Over the years of BRICS functioning, the share of total exports supplied to the markets of the alliance countries has doubled and reached 18% (by 2023). On average, the share of exports sold in the markets of the alliance among the BRICS countries reaches 21%. The countries that are most oriented in export to the BRICS+ markets are Brazil (34.75% of exports), the UAE (27.58%), Iran (26.66%), and Ethiopia (26.56%). The dominant sales markets for Brazil, Iran, Russia, and South Africa are China; for Egypt, India, and Ethiopia – the UAE; and for China and the UAE – India. The results of the study confirmed the assumption that the asymmetry of economic potentials and differences in the scale of the BRICS economies is not a significant obstacle to trade at present. The following were identified as the main problems of cooperation: 1) external factors related to the geopolitical situation, aggressive protectionism, sanctions pressure, the de-dollarization process, and geographical remoteness; 2) the informality and uncertainty of the BRICS institutional structure.

Keywords: BRICS, BRICS+, economic potential, international trade, economic asymmetry, developing countries, protectionism, sanctions.

CONTRIBUTION OF HUMAN CAPITAL TO ECONOMIC GROWTH THROUGH THE PRISM OF INTERACTION BETWEEN BUSINESS AND SOCIAL SERVICES

Gafarova K. E.

The article is devoted to a comprehensive study of theoretical and practical aspects of human capital development and economic growth of the Russian Federation through the prism of interaction between business and social services. It also highlights the features of the formation of the concept of human capital development. The positions of the Russian Federation in international rankings by the standard of living of the population are revealed.

Keywords: social services, social sphere, socialization of the economy, national economic system, national business, globalization, human capital, quality of life, Human Development Index, Human Capital Index, quality of life.

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE GLOBAL IT INDUSTRY

Gorda A. S.

The article is devoted to the analysis of modern trends in the development of the global IT industry, paying special attention to their manifestation in the context of globalization, digital transformation of business and the steady introduction of new technologies. Over the past few decades, the IT sector has undergone radical changes due not only to continuous technological progress, but also to the urgent need to adapt to new socio-economic realities. The key aspect of the study is a detailed analysis of the impact of modern technologies, such as artificial intelligence (AI), blockchain, the Internet of Things (IoT) and cloud computing, on the transformation of approaches to doing business and the development of various sectors of the economy.

In the era of globalization, the IT industry has firmly established itself as the main engine of economic growth, determining the competitiveness and innovative potential of states and enterprises. Therefore, a deep understanding of modern trends in the development of this industry is becoming critically important for businesses and governments of countries seeking not only to maintain, but also to strengthen their positions in the global market. Moreover, the significant impact of new technologies on the changing structure of the labor market cannot be underestimated, which entails serious social and economic consequences that require careful study and proactive measures. In the context of the rapid development of digital technologies, enterprises are increasingly faced with the need to quickly integrate new tools into their business processes. This allows not only to significantly reduce operating costs and increase overall efficiency, but also to offer consumers more personalized products and services that meet their needs.

The article devotes special attention to the prospects for the development of the IT sector in the context of the global COVID-19 pandemic and its unprecedented impact on the acceleration of digitalization. The pandemic has become a powerful catalyst for numerous changes, radically transforming the ways of organizing work, interaction and consumption. It has forced companies and organizations around the world to quickly adapt to remote work, actively implement automation and seek new forms of cooperation. This process has also led to the exponential growth of areas such as e-commerce, online education, video conferencing and telemedicine, which are fundamentally changing traditional business models and requiring flexibility and innovative approaches to adapt to new conditions. The pandemic has not only accelerated digitalization, but also exposed vulnerabilities in existing systems, highlighting the need to invest in cybersecurity and digital resilience.

The article also discusses in detail the challenges and risks that companies face in the context of rapid technological change. In particular, this concerns the problems associated with ensuring data security, increasing risks of cyber threats, as well as the continuous improvement of technological infrastructure to ensure stable and uninterrupted operation of enterprises. Against this background, increasing competition in the market forces companies to invest heavily in the development and implementation of innovative solutions, as well as strategically plan the integration of new technologies into their operations in order not only to maintain but also to strengthen their competitiveness. Thus, the IT industry

appears not only as a key economic sector, but also as a major factor determining social and economic changes in the modern world, requiring a comprehensive study and a conscious approach to managing technological transformations. The development of the IT industry is closely linked to improving the skills of personnel, developing digital literacy of the population and creating a favorable regulatory environment that stimulates innovation and investment in new technologies

Keywords: IT industry, digital transformation, artificial intelligence, blockchain, Internet of things, cloud computing, technology trends, globalization.

ECOSYSTEM APPROACH TO DEVELOPMENT OF CREATIVE INDUSTRIES IN THE AGE OF DIGITALIZATION

Gorda O. S.

The article studies modern trends in the development of creative industries in the context of rapid digitalization, focusing on the feasibility of using an ecosystem approach. The author argues that traditional methods and development strategies applied to creative sectors of the economy are often insufficiently effective, since they do not fully take into account the unique features of this area. Creative industries, by their nature, are based on innovative approaches, creative self-expression and close integration of inter-industry ties, which requires a special, comprehensive approach to their development and management. In this regard, the article proposes to consider the development of the creative sector through the prism of an ecosystem approach, which allows for a more holistic and systematic assessment of all factors influencing its growth and prosperity.

As part of the study, the author offers his own definition of the creative industries ecosystem, which takes into account its complex and multifaceted characteristics. The creative industries ecosystem is considered as a specific type of business ecosystem that is formed on the basis of the integration of local and global processes, combines economic, social and cultural aspects, and functions due to the active interaction of a wide range of participants. This definition emphasizes the importance of not only economic factors, but also social and cultural contexts that have a significant impact on the development of creative industries.

The article provides a detailed analysis of the local and global levels of functioning of the creative industries ecosystem, identifying key factors influencing the development of the creative sector at each of these levels. At the local level, the influence of various factors is considered, such as government regulation, financial support from the state and private investors, educational initiatives aimed at training qualified personnel for the creative industries, as well as the development of the infrastructure necessary for the functioning and growth of creative enterprises. The author emphasizes that effective government regulation should be aimed at creating a favorable environment for the development of creative industries, stimulating innovation and supporting creative activities. Financial support, in turn, should be accessible and aimed at supporting both start-ups and established creative enterprises. Educational initiatives should meet the needs of the creative industries, providing training for specialists with the necessary knowledge, skills and competencies.

The development of infrastructure, including modern office spaces, creative workshops, exhibition halls and other facilities, is necessary to create a favorable environment for creative activity and interaction between participants in the creative ecosystem.

At the global level, the authors analyze the role of international organizations, transnational corporations, cultural platforms and foundations in expanding access to funding and international markets for creative enterprises. They note that international cooperation plays an important role in the development of creative industries, allowing for the exchange of experience and knowledge, attracting investment and entering new markets. The analysis showed that the effective development of creative industries requires a combination of government initiatives aimed at creating a favorable environment for the development of the creative sector at the local level, educational reforms aimed at training qualified personnel for the creative industries, international cooperation that allows for the exchange of experience and knowledge, and technological innovations that allow creative enterprises to create new products and services and enter new markets.

In conclusion, it is emphasized that the ecosystem approach allows creative industries to more effectively adapt to the challenges of the modern economy, ensuring their sustainable development and increasing competitiveness in the era of digitalization.

Keywords: creative industries, ecosystem approach, innovation, creative industries ecosystem, employment, digital transformation, stakeholders.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF STATE MEASURES OF SUPPORT FOR FDI IN THE REAL SECTOR OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ilyasova Yu. V.

The article analyzes the problems associated with the implementation of support mechanisms and the inflow of FDI into the most capital- and resource-intensive sectors of the economy. The study identifies internal and external factors that impede the effective implementation of government support measures for FDI in the real sector of the Russian economy.

Keywords: FDI, investment climate, investment attractiveness, investment potential, real sector of the economy, mechanisms of state support for FDI, efficiency of FDI.

VECTORS OF ECONOMIC GROWTH STIMULATION IN CHINA

Kakutich E. Yu.

In the context of global economic changes, the People's Republic of China demonstrates stable growth rates, relying on a comprehensive strategy for economic stimulation. This article examines the key vectors of China's economic development, including government investment policy, scientific and technological innovations, industrial sector modernization, and the expansion of the domestic market. Particular attention is paid to the analysis of economic transformation programs, such as "Made in China 2025" and the "Belt and Road Initiative," aimed at enhancing the competitiveness of the Chinese economy and integrating it into global trade and financial networks.

The study explores the impact of China's export and import substitution policies on the dynamics of foreign economic relations, as well as the role of government subsidies, tax incentives, and investment stimuli in the development of key industries. The article also analyzes financing mechanisms for innovative enterprises and technology startups, along with the influence of digitalization and artificial intelligence on economic growth.

Special attention is given to the challenges and risks faced by the Chinese economy, including demographic changes, the rise of government and corporate debt, trade restrictions imposed by Western countries, and the necessity for environmental modernization of production.

Keywords: economic growth, China, government policy, investment strategy, innovation, international trade, industrial production, financial system, Belt and Road Initiative, digital economy, structural reforms.

ECONOMIC THEORY AS A METHODOLOGICAL BASIS OF PUBLIC ADMINISTRATION (PART 1)

Kravchenko L. A., Troyan I. A.

The article presents an examination of important problems of economic theory, including methodological aspects and elements of the methodology of science as the basis of public administration. The systemic role of the state is substantiated and the formation of a theoretical and methodological approach in public administration using modern economic theories is considered. It is noted that modern scientific research requires the use of a methodology that allows for a systematic and synergistic study of economic processes and phenomena. The advantages of using an interdisciplinary approach as a methodological basis for studying public administration problems are revealed and it is shown that such an approach allows for bringing economic theory as close as possible to solving applied problems of public administration. The need for such regulation that defines strategic development goals and mobilizes effective public administration tools for this purpose, allowing for a prompt response to new problems and challenges is emphasized.

Keywords: economic theory, methodology, method, systems approach, interdisciplinary approach, government regulation, public administration.

POSITIONING OF THE BRICS FOUNDING COUNTRIES IN THE FOOD MARKET AMID THE TURBULENCE OF TRADE RELATIONS

Kuznetsov M. M.

This study examines the diversification of agri-food exports in the BRICS countries (Brazil, Russia, India, China, South Africa) during the pre-global transformation of trade relations from 2019 to 2022. Using the data from the ITC Trade Map, the author analyzes the dynamics of the export structure, product group ratings, and identified comparative advantages (RCA). The Herfindahl-Hirschman Index (HHI) is used to assess market concentration and risks associated with commodity-dependent economies. The key findings point to the different export strategies and competitive advantages of the BRICS countries.

The study showed that Brazil dominates exports of raw materials (soybeans, meat) with high RCA scores for oilseeds ($RCA=7.3$) and sugar ($RCA=3.4$). However, its export portfolio remains concentrated ($HHI=6041$ for the Group of 15), which indicates vulnerability to market volatility. India specializes in spices and grains ($RCA=3.2-3.3$), although its exports show moderate diversification (43.5% of commodity groups with $RCA \geq 0.8$). China is switching to the production of processed products ($RCA=5.1$ for finished products), achieving maximum diversification (56.5% of product groups with competitive advantages) and reducing market concentration. Russia is heavily dependent on grain exports ($RCA=4.8$) and vegetable oils ($RCA=2.5$), while diversification is limited (34.7% of product groups are competitive), and geographical dependence on key partners such as Turkey and China is high. South Africa specializes in fruit exports ($RCA=5.1$), but shows low diversification ($HHI=4624$ for Group 08), reflecting high market concentration risks.

Regarding the analysis of market concentration, it was found that Brazil and South Africa demonstrate a significant concentration of exports ($HHI > 2500$ for the most important product groups), which increases their vulnerability to price fluctuations and geopolitical shocks. China and India demonstrate moderate diversification, reducing risks through a balanced export portfolio, and Russia's geographical dependence on narrow markets (for example, 90% of fish exports to four countries) highlights systemic vulnerability.

Thus, the pandemic and geopolitical crises (for example, sanctions against Russia) have exacerbated problems in supply chains, increasing the need for cooperation between the BRICS countries. China's shift to processed goods and spice exports from India indicate adaptive strategies, while Brazil and Russia remain tied to commodity production cycles.

The study highlights the importance of diversification as a key tool for increasing sustainability and added value in BRICS agri-food exports. While China is leading the way in the field of diversification and production of processed goods, other participating countries face problems related to dependence on raw materials. Strategic investments in technology, regional cooperation, and market expansion are necessary to strengthen the BRICS' position in the evolving global food system. In the future, it is necessary to find a balance between resource specialization and the production of high-value-added goods in order to ensure sustainable growth in the face of geopolitical and economic uncertainty.

Keywords: BRICS countries, food exports, export diversification, revealed comparative advantage (RCA), Herfindahl-Hirschman index (HHI), transformation of world trade.

TRADE INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND INDIA IN THE CONTEXT OF GLOBAL ECONOMY FRAGMENTATION

Naumenko R. V.

This article analyzes trade interaction between Russia and India in the context of deglobalization of the world economy. The relationship between the economic policies of countries and the complex of foreign economic conditions that form the new architecture of the global economic space is determined. An assessment of the potential effects of

liberalization of bilateral trade relations between countries is carried out, which made it possible to identify the limited economic potential from the standpoint of macroeconomic equilibrium. The set of arguments presented by the author indicates a low probability of changes in the organizational and economic nature of the relationship between countries.

Keywords: Russia-India trade relations, deglobalization of the world economy, bilateral economic relations, neomercantilism, fragmentation of the world economy.

EURASIAN REGIONALISM: IDEA AND REALITY

Nikitina M. G.

In the context of growing openness of national economies, prerequisites are being formed for involving an increasing number of countries and regions of the world in regionalization processes. Active discussions continue on the formation of broad and open "common economic spaces" linking various regional unions and economies of individual states. The article highlights the theoretical and methodological foundations for the development of the economic and geographical concept of Eurasianism, and briefly outlines the ideological and practical content of the proposed geoeconomic construction "Greater Eurasia".

Keywords: regionalism, Eurasian space, concept of Eurasianism, Greater Eurasia, regional integration.

UNIVERSITIES IN ACHIEVING NATIONAL DEVELOPMENT GOALS: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND LESSONS FOR RUSSIA

Pobirchenko V. V.

Modern global challenges necessitate a revision of strategies in the field of science and education. Universities are transforming not only into centers of academic activity but also into active participants in technological development and economic growth. An analysis of international experience demonstrates the significant role of universities in forming innovation clusters, fostering entrepreneurship, and addressing social issues.

The article examines models of collaboration between universities and government institutions in countries such as the United States, Germany, the United Kingdom, Northern Europe, China, and South Korea. The primary focus is on mechanisms for integrating higher education institutions into economic and social life. Key aspects considered include the stimulation of university startups, commercialization of scientific developments, support for industrial innovation, and the establishment of sustainable partnerships with businesses.

The experience of the Massachusetts Institute of Technology and Stanford University demonstrates the effectiveness of the cluster approach in research and entrepreneurial activity. German universities make significant contributions to the development of the Industry 4.0 concept, participating in the digital transformation of industry. The United Kingdom actively develops startup ecosystems and technology transfer mechanisms. In Northern Europe, universities focus on solving sustainability issues, including

environmental and social challenges. China and South Korea emphasize government funding for research and integrating universities into national development programs.

Based on the analysis conducted, recommendations for Russia are proposed. In particular, emphasis is placed on the need to expand the participation of Russian universities in industrial consortia, strengthen technology transfer mechanisms, creating a system for attracting and retaining talent, develop an entrepreneurial culture among students and researchers, and actively engage with the international scientific community. These measures will enable Russian universities to make a more significant contribution to achieving national development goals.

Keywords: world-class university, national development goals, talent, knowledge, technological sovereignty, economic security.

THEORETICAL ASPECTS OF MODELING THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF A REGION

Pobirchenko V. R., Pobirchenko V. V.

This article presents a comprehensive analysis of the theoretical foundations of modeling the socio-economic development of a region, highlighting key methodological approaches and modern technologies for forecasting socio-economic processes. The main classes of models, including economic-mathematical, simulation, cognitive, and spatial-economic models, are considered, along with their features, areas of application, and comparative characteristics. Special attention is paid to the role of modeling in strategic regional management, which enables the development of effective economic growth programs, the prediction of structural changes in the economy, and the formulation of territorial development scenarios.

The authors focus particularly on existing problems and limitations of the applied models, such as the lack of reliable data, the complexity of accounting for dynamic factors, and the limited adaptability of models to rapidly changing external conditions. Methods for overcoming these barriers through advanced technologies, including artificial intelligence, machine learning, and the use of Big Data for multidimensional socio-economic data analysis, are examined. Additionally, promising directions for the development of modeling are considered, such as the integration of digital twins of territories, the creation of hybrid models combining quantitative and qualitative analysis methods, and the improvement of geographic information systems for spatial analysis of socio-economic processes.

The findings of this study may be useful for researchers studying regional development, as well as for government authorities and local administrations responsible for planning and implementing regional policies. The implementation of modern approaches to modeling socio-economic development will improve forecasting accuracy, ensure effective resource management, and contribute to the formation of sustainable regional development strategies in the long term.

Keywords: region, modeling, socio-economic development, sustainable development, economic-mathematical models, simulation models, cognitive models, forecasting, Big Data, digital twins.

ECONOMIC SECURITY OF THE PERSON: FROM THEORY TO REALITIES OF THE EAEU COUNTRIES

Shutaeva E. A.

The article contains the results of theoretical analysis of the essential content of the definition of "economic security of the person", defines the basic components and indicators of its assessment. The author identifies new types and directions of ensuring the economic security of the person in the context of digitalization, identifies the opportunities and threats caused by the development of artificial intelligence. An analysis of a number of indicators characterizing the level of economic security of the person in the EAEU countries was carried out: the human development index, the unemployment rate, indicators of the development of the healthcare system. It was determined that within the EAEU there was and is a significant lag between countries in the level of ensuring economic security of the person.

Keywords: economic security of the individual, threats to economic security of the individual, level of economic security of the individual, human potential, digitalization, EAEU.

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN SHAPING THE COMPANY'S EXTERNAL IMAGE POLICY

Yachmeneva V. M., Teretyshnik K. S.

The article discusses the key strategies of foreign image policy (global, global and the strategy of "corporate diplomacy"). Its innovative practices (digital reputation, ESG crisis PR) and cultural characteristics (traditional values, social responsibility, the cult of innovation and leadership) are analyzed. The use of global positioning tools (local brand ambassadors, transmedia companies, corporate citizenship) in shaping the external image policy of enterprises is substantiated.

Keywords: image policy, foreign image policy strategies, innovative practices, cultural peculiarities, global positioning tools.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барсегян А. Г., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Буценко И. Н., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Ванюшкин А. С., доктор технических наук, профессор кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Воронина Т. В., доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой мировой экономики и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Гафарова К. Э., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Гнатковский А. А., консультант по международному сотрудничеству ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук»

Горда А. С., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Горда О. С., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Илясова Ю. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Какутич Е. Ю., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Кравченко Л. А., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Кузнецов М. М., кандидат географических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Науменко Р. В., кандидат экономических наук, главный специалист–эксперт Управления мониторинга ГП и сводной отчетности АНО «Дирекция по информационно-аналитическому сопровождению государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя»

Никитина М. Г., доктор экономических наук, доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Побирченко В. В., кандидат географических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Побирченко В. Р., аспирант кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Теретышник К. С., аспирант кафедры менеджмента ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Троян И. А., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Шутаева Е. А., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Яценко А. Б., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Ячменева В. М., доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

СОДЕРЖАНИЕ

Побирченко В. В., Барсегян А. Г.

Кафедра мировой экономики Института экономики и управления ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»: четверть века в науке и образовании 3

Буценко И. Н.

Подходы к оценке конкурентоспособности страны..... 7

Ванюшкин А. С.

Концептуальные основы программирования точек роста региона..... 19

Воронина Т. В., Яценко А. Б., Гнатковский А. А.

Состояние и проблемы торгового сотрудничества стран БРИКС в условиях асимметрии экономического потенциала..... 29

Гафарова К. Э.

Человеческий капитал и рост экономики в контексте взаимодействия бизнеса и сферы социальных услуг..... 45

Горда А. С.

Современные тенденции развития мировой ИТ-индустрии..... 56

Горда О. С.

Экосистемный подход к развитию креативных индустрий в эпоху цифровизации . 71

Илясова Ю. В.

Проблемы реализации государственных мер поддержки прямых иностранных инвестиций в реальный сектор Российской Федерации 85

Какутич Е. Ю.

Векторы стимулирования экономического роста в КНР 93

Кравченко Л. А., Троян И. А.

Экономическая теория как методологическая основа государственного управления (часть 1)..... 108

Кузнецов М. М.

Позиционирование стран-основательниц БРИКС на рынке продовольствия в условиях турбулентности торговых отношений..... 118

Науменко Р. В.

Торговое взаимодействие России и Индии в условиях фрагментации мировой экономики..... 136

Никитина М. Г.

Евразийский регионализм: идея и реальность 151

Побирченко В. В.

Университеты в достижении национальных целей развития: зарубежный опыт, уроки для России 158

Побирченко В. Р., Побирченко В. В.

Теоретические аспекты моделирования социально-экономического развития региона..... 170

Шутаева Е. А.

Экономическая безопасность личности: от теории к реалиям стран ЕАЭС 183

Ячменева В. М., Теретышник К. С.

Международный опыт формирования внешней имиджевой политики
предприятия 192

Summaries 200

Сведения об авторах 210

Содержание 212

Contents 214

CONTENTS

Pobirchenko V. V., Barsegyan A. G.

Department of world economy of the Institute of Economics and Management of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University: a quarter of a century in science and education..... 3

Butsenko I. N.

Approaches to assessing the competitiveness of the country 7

Vanyushkin A. S.

Conceptual basis for programming regional growth points..... 19

Voronina T. V., Yatsenko A. B., Gnatkovsky A. A.

The state and problems of trade cooperation between the BRICS countries in the context of the asymmetry of economic potential 29

Gafarova K. E.

Contribution of human capital to economic growth through the prism of interaction between business and social services 45

Gorda A. S.

Modern trends in the development of the global IT industry 56

Gorda O. S.

Ecosystem approach to development of creative industries in the age of digitalization.... 71

Ilyasova Yu. V.

Problems of implementation of state measures of support for FDI in the real sector of the Russian Federation..... 85

Kakutich E. Yu.

Vectors of economic growth stimulation in China 93

Kravchenko L. A., Troyan I. A.

Economic theory as a methodological basis of public administration (part 1) 108

Kuznetsov M. M.

Positioning of the BRICS founding countries in the food market amid the turbulence of trade relations..... 118

Naumenko R. V.

Trade interaction between Russia and India in the context of global economy fragmentation 136

Nikitina M. G.

Eurasian regionalism: idea and reality 151

Pobirchenko V. V.

Universities in achieving national development goals: international experience and lessons for Russia 158

Pobirchenko V. R., Pobirchenko V. V.

Theoretical aspects of modeling the socio-economic development of a region 170

Shutaeva E. A.

Economic security of the person: from theory to realities of the EAEU countries 183

Yachmeneva V. M., Teretyshnik K. S.

International experience in shaping the company's external image policy..... 192

Summaries 200

Authors Data..... 210

Contents..... 214